

ВЕСТНИК

Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия
ЛИНГВИСТИКА

2011, № 2

Серия издается с 1997 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Егорова Л.А.** О проблеме восприятия научного гипермедийного дискурса 5

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Бунаева Н.А.** Три времени культуры в истории одного заимствования 11
- Исмаилова З.И.** Сопоставительный анализ фразеологических единиц лексико-семантического поля «Части тела» (на материале арабского, аварского и русского языков) 20
- Ларина Т.В., Озюменко В.И., Пономаренко Е.Б.** Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах 28
- Махмуд Ашрафи Рад.** Русское деепричастие и способы его передачи на персидский язык с учетом видов глагола» 38
- Мамедов А.Н.** Некоторые стилистико-синтаксические приемы расширения и усложнения немецкоязычного рекламного предложения при переводе на русский язык 44
- Нгуен Тху Хыонг.** Compliment как важный элемент культурного поведения в современном обществе (на материале русского и вьетнамского языков) 51

Овчинникова А.В. Понятийный объем терминов, обозначающих социальные диалекты в русской и испанской филологической традициях	59
Яшина Е.А. Особенности нарушения сочетаемости лексических единиц в художественном тексте	69
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Ивашкевич И.Н. Фрейм как структура представлений знаний в когнитивном аспекте	77
Савина Т.В. Изменение знака оценочного компонента значения некоторых слов немецкого языка в период нацистской диктатуры в Германии	82
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Журавлёва Е.В. Стилистика и национальная культура	90
Гуров А.Н. О залоговой принадлежности конструкции ESTAR+SIENDO+PARTICIPIO	97
РУССКИЙ ЯЗЫК	
Пацукова О.А. Направление переразложения и формирования сложных аффиксов	102
ЯЗЫКИ АЗИИ	
Воропаев Н.Н. Структурно-семантические особенности прецедентных имен в Китайско-язычном дискурсе	109
Чиркочева Д.И. Категория принадлежности в якутском языке	119
НАШИ АВТОРЫ	125

BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

of Peoples' Friendship University of Russia

Founded in 1993

Series

LINGUISTICS

2011, N 2

Series founded in 1997

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

GENERAL LINGUISTICS

Egorova L.A. The problem of scientific hypermedia discourse perception 5

COMPARATIVE AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

Bunaeva N.A. Three periods of culture in the history of one borrowing 11

Ismailova Z.I. Comparative analysis of phraseological units of "Body parts" lexico-semantic field (on the material of Arabic, Avar and Russian languages) 20

Larina T.V., Ozyumenko V.I., Ponomarenko E.B. Language mechanism used to manipulate public opinion in English and Russian news texts 28

M. Ashrafi Rad. Verbal adverb in the Russian language and the ways of its translation into Persian with the regard for the aspects of the verb 38

Mamedov A.N. Some stylistic and syntactic devices of expansion and complication of a German advertising sentence in translation into Russian 44

Nguyen Thu Huong. Compliments play the role as an important behavioral culture factor in modern society (based on the materials in Russian and Vietnamese) 51

Ovchinnikova A.V. Extention of terms referred to social dialects in Russian and Spanish linguistics	59
Yashina E.A. Lexical incompatibility as a means of creating illogical phrases in fiction texts	69
GERMAN LANGUAGES	
Ivashkevich I.N. Frame as representation of knowledge in the cognitive aspect	77
Savina T.V. Valuating element sign modification of the meaning of some words of the German language in the period of Nazi Diktatorship in Germany	82
ROMAN LANGUAGES	
Zhuravliova E.V. Stylistics and national culture	90
Gurov A.N. About voice belonging of the construction ESTAR+SIENDO+PARTICIPIO	97
RUSSIAN LANGUAGE	
Patsyukova O.A. The types of metanalysis and the formation of complex affixes	102
ASIAN LANGUAGES	
Voropaev N.N. Structural-semantic particularities of the names-precedents in the Chinese discourse	109
Chirkoeva D.I. The category of possessivity in the Yakut language	119
OUR AUTORS	125

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ НАУЧНОГО ГИПЕРМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

Л.А. Егорова

Кафедра иностранных языков № 4 ИИЯ
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются экспериментальные данные о восприятии научного дискурса. Развитие гипермедийных средств коммуникации привело к изменению форм взаимодействия адресанта и адресата, текста и реципиента. Анализ экспериментальных данных позволил определить основные предпочтения при восприятии гипермедийного текста.

Ключевые слова: диалог, дискурс, научная коммуникация, гипермедийный дискурс, восприятие научного дискурса.

Расширение научной сферы общения в современном мире обусловлено целым рядом причин. Это, прежде всего, необходимость создания и развития научной картины мира, освоения огромных потоков информации, ориентации в смежных дисциплинах, выделения и распространения наиболее важных открытий в научной среде.

Хотелось бы подчеркнуть, что изучение восприятия, понимания и оценки научного дискурса в его широком понимании является одной из насущных проблем, от решения которой во многом зависит развитие научной коммуникации в целом. Целью данного исследования стало изучение роли адресата в современном научном дискурсе, носящем гипермедийный характер, а также обобщение экспериментальных данных по восприятию научного дискурса и выявление тенденций его развития.

Адресованность как необходимый признак любого высказывания рассматривал М.М. Бахтин, распространивший идею философии диалогизма. По его мнению, собственно жизнь текста, т.е. его подлинная сущность, развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов — автора и читателя. Это диалог особого вида, в котором происходит встреча двух текстов — готового (авторского) и создаваемого реагирующего текста, следовательно, — встреча двух авторов [2. С. 285]. Важным для коммуникации, с точки зрения М.М. Бахтина, также является кон-

текст, так как высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретное время и в конкретном месте.

Затрагивая чувства, настроения читателя, текст выступает в качестве посредника в диалоге автора и читателя. Читатель может испытать удовольствие от истины, счастливого финала, красоты форм. По мнению Ролана Барта, у читателя может появиться и чувство потерянности, дискомфорта, вызванные несоответствием текста, с одной стороны, и исторических, культурных, психологических устоев читателя, его вкусов, ценностей, воспоминаний, с другой. Следовательно, понимание текста расширяется: текст — это вся социальная реальность, текст символов, отношений, текст тела, культурных артефактов [1].

Условия конкретного контекста наряду с уникальным сочетанием фонового и текущего сознания данного отправителя с аналогичными формами сознания данного получателя являются неотъемлемой частью каждого коммуникативного акта. Как отмечает М.Б. Бергельсон, самое первое условие успешной коммуникации (пожалуй, после наличия общего языкового кода) — более или менее верное представление о том, на кого направлено твое сообщение, причем для разных сфер коммуникации выполнение этого условия означает разные вещи [3].

Представление адресанта о текущем состоянии знаний адресата включает в себя и представление говорящего о том, как слушающий представляет в данный момент состояние знаний самого говорящего. Источник и получатель информации меняются местами, активность и избирательность адресата возрастает настолько, что он превращается в главную фигуру коммуникативного взаимодействия.

Адресат (реципиент) с психолингвистической точки зрения понимается как индивид, вступающий во взаимодействие с некоторой знаковой продукцией, а текст понимается как знаковая продукция, представляющая собой обладающую свойствами цельности и связности систему визуальных/звуковых сигналов, интерпретируемых реципиентом и образующих у реципиента систему представлений (смыслов).

В данной статье мы рассматриваем текст в непосредственной связи с системой целеустановок автора, ситуативным контекстом, т.е. текст в нашем случае является понятием коммуникативным, социально направленным, ориентированным на выявление специфики определенного рода деятельности. Интегративная совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении, образует *дискурс* в его широком понимании как языковой коррелят определенной общественной практики, что характерно для германо-австрийской школы дискурсивного анализа, базирующейся на взглядах французского социолога, лингвиста, историка и философа М. Фуко [7. С. 54—55].

Современные тенденции взаимодействия реципиента и текста исследуются во многих лингвистических и психологических исследованиях. Эмпирические данные показывают, что при взаимодействии с текстом у субъекта актуализируются категории восприятия, в соответствии с которыми происходит приписывание тексту некоторых устойчиво воспроизводящихся характеристик. Как замечает

Е.В. Левченко, «...при первичном взаимодействии человек скользит взглядом по поверхности текста: производятся его общая оценка, категоризация по обобщенным признакам, как формы, так и содержания, а также принятие решения о том, будет ли осуществляться погружение в текст. Именно такой тип взаимодействия с текстом становится доминирующим в современном обществе с его изматывающим темпом жизни и ежедневно и ежечасно обрушивающимся на человека огромным количеством информации» [5. С. 184].

В таких условиях неизбежно наибольшее распространение получают тексты, включающие элементы привлечения реципиента, захватывающие его внимание с первых секунд просмотра. Подобные элементы в большинстве случаев являются невербальными, выделяются в пространстве текста визуально, дробят содержание на удобные для беглого восприятия разделы и подразделы.

В диссертационном исследовании А.Г. Сониной, посвященном изучению восприятия подобных, *поликодовых*, текстов, отмечается, что «появление новых типов текста вызывает необходимость использовать в вербальных произведениях идеографические и другие изобразительные элементы, что закономерно вызывает изменение социального статуса смешанных, поликодовых средств коммуникации. Очевидно, что эти тексты требуют иных способов чтения, а также репрезентации и концептуализации их содержания» [9. С. 2]. Сравнивая смысловое восприятие вербального и поликодового текстов, автор приходит к выводу о большей информативности поликодового текста, его большем влиянии на понимание передаваемого содержания, что обеспечивает лучшее его запоминание [Там же. С. 8—9].

Научный дискурс, отражающий языковую практику использования языка в научной сфере деятельности, характеризуется особым набором признаков, связанных с типичными ситуациями коммуникации, участниками, целями, стратегиями, тематикой общения. Как отмечает Т.Г. Попова, «целью создания научного дискурса является познание объективной природы окружающего мира, не зависящего от исследователя. Исходя из этой цели, проблематикой данного дискурса является решение научной проблемы. Научные проблемы подразделяются на теоретические и прикладные, но и те и другие сохраняют свой научный характер» [8. С. 47]. Автор приходит к заключению, что тексты, целью которых является научить, заинтересовать адресата, нельзя в полной мере считать принадлежащими научному дискурсу, они являются «пограничными», совмещающими в себе дискурсы разных типов. Таким образом, научный дискурс в его широком понимании обладает ярко выраженной полевой структурой, причем на периферии находятся учебные, научно-популярные и научно-художественные тексты, тексты научно-технической документации.

Новые способы социального взаимодействия приводят к усилению воздействия периферии на ядро научного дискурса. Результаты эксперимента, проведенного В.А. Сорокиным, показали, что для научного текста релевантными оказались признаки «научно—ненаучно», «популярно—непопулярно», «художественно—нехудожественно», «информативно—неинформативно»; для научно-популярного

текста — признаки «научно—ненаучно», «популярно—непопулярно», «интересно—неинтересно», «информативно—неинформативно»; для научно-фантастического текста — признаки «научно—ненаучно», «популярно—непопулярно», «информативно—неинформативно» [10].

Развитие новых информационных и телекоммуникационных технологий привело к бурному развитию сети Интернет, где синхронизируют свое взаимодействие множество социальных субъектов. Это пространство устроено по сетевому принципу, а значит, в нем различные культурные фрагменты в виде мозаики могут быть представлены в своей потенциальной бесконечности [6].

Авторы подчеркивают, что преобладающей формой общения становится диалог, а не монолог; вместо односторонне направленного информационного потока (от коммуникатора — к коммуниканту) приходит коммуникационное взаимодействие. Факторы, влияющие на успешность такого взаимодействия, находятся в центре внимания многих лингвистических, психологических и социологических работ.

Гипертекстовая информационная модель, предложенная еще в 80-е гг. и основанная на гипотезе о том, что *переработка и генерация идей человеческим мозгом происходит ассоциативно*, получает все большее признание в качестве структуры эффективного представления и передачи знаний [11. С. 1—29].

Гипертекстовая система, содержащая сеть узлов (фрагментов, модулей, фреймов) и заданные на них ассоциативные связи, представляет собой многомерное информационное пространство. Подобная информационная среда адекватна глубинной структуре переработки идей человеческим мозгом. В условиях виртуального научного общения любой его участник своим включением «центрирует» Всемирную паутину (выделяет свой фрагмент текстов, формирует собственный стиль общения и т.д.), т.е. в определенном смысле создает свое информационное пространство.

Принципиальная открытость, анонимность, опосредованность виртуального общения налагает достаточно жесткие ограничения на автора. Текст не должен быть слишком экспрессивным, слишком оценочным, ироничным, содержать специфические для национальной культуры элементы, аллюзии, в противном случае его воздействие на представителей других культурных сообществ может оказаться противоположным желаемому. Создаваемый гипертекст, скорее всего, будет содержать элементы разных модальностей, причем автор обязан учитывать особенности восприятия электронного текста на экране монитора.

Экспериментальное исследование Т.Ю. Введенской и А.С. Яковлева, в ходе которого изучались особенности восприятия гипертекстового формата студентами, показало, что они предпочитают изучение справочных и энциклопедических материалов в компьютерном (гипертекстовом) формате, а художественных произведений в виде печатных книг. На качество восприятия информации из гипертекста влияет не только уровень компьютерной грамотности человека, но и общее время его знакомства с компьютером, а также время, проводимое за ежедневной работой на компьютере. По результатам анализа микросочинений испытуемых были выявлены десять основных предпочтений в оформлении гипертекста: фон

экрана не должен быть слишком ярким; шрифт должен быть среднего размера; текст не должен быть большим по объему; не должен быть перегружен ссылками, но обязан их содержать; фон не должен быть пестрым; предпочтительнее фон пастельных оттенков; ссылки не должны уводить далеко от темы; желательно написание текста колонками; дублирование ссылок подстрочными комментариями; гипертекст не должен содержать слишком больших и слишком маленьких изображений [4].

Без учета особенностей восприятия адресатом гипермедийного дискурса невозможно оптимизировать процесс научной коммуникации, претерпевающий значительные изменения в настоящее время. Необходимость переработки огромных потоков информации приводит к новому типу взаимодействия с текстом. Полученные экспериментальные данные дают возможность уточнить психолингвистическую структуру текстов, удовлетворяющих лингвистическим и психологическим ожиданиям реципиентов, а также функционально ориентировать тексты на определенные социальные (профессиональные) группы реципиентов. Все это позволит оптимальным образом управлять коммуникативными процессами социума. Именно поэтому анализ механизмов воздействия на адресата мультимедийных текстовых элементов становится особенно актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.
- [2] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979.
- [3] Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации (Языковое поведение в сети Интернет) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 1. — С. 55—67.
- [4] Введенская Т.Ю., Яковлев А.С. Психологические особенности восприятия учебной информации в виде гипертекста // Материалы Первой Международной конференции «Новые информационные технологии в образовании для всех». 29—31 мая 2006. — Киев, Украина. URL: <http://www.dlab.kiev.ua/ITEA2006/paper/vvedenskaja.doc>
- [5] Левченко Е.В. О первичных и вторичных свойствах текста // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. М.П. Котюрова; Перм. ун-т. — Пермь, 2004. — С. 174—184.
- [6] Михайлов В.А., Михайлов С.В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества: Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». — СПб.: Изд-во СПб ГПУ, 2004. — С. 34—52.
- [7] Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 53—55.
- [8] Попова Т.Г. Испанский научно-технический текст: традиции и современные подходы к изучению: Монография. — М.: Изд-во РУДН, 2003.
- [9] Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 2006.
- [10] Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста // Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. — М., 1985. — С. 5—34.
- [11] Carlson P.A. A Way of Incorporating User Feedback into Online Documentation. In E. Barret (Ed) // Text, ConText, and Hypertext. Writing with and for the Computers. MIT Press series in information systems, 1988. — С. 1—29.

THE PROBLEM OF SCIENTIFIC HYPERMEDIA DISCOURSE PERCEPTION

L.A. Egorova

Foreign languages chair N 4
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article considers the experimental data on the scientific discourse perception. The development of hypermedia technologies led to the changes in the interaction between the addressee and the addressant, the text and the recipient. Particular attention is paid to the analysis of the factors which successful communication is based on.

Key words: dialogue, discourse, scientific communication, hypermedia discourse, scientific discourse perception.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

ТРИ ВРЕМЕНИ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ ОДНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Н.А. Бунаева

Кафедра американистики
Иркутский государственный лингвистический университет
Шелехов, 1 м/р-17-55, Иркутская обл., Россия, 666035

Данная статья посвящена семантическому развитию однокоренных заимствований «рекрут» и «рекрутер» в разное время культуры. Однокоренные термины «рекрут» и «рекрутер» рассматривались в период существования царской России, в период рыночной экономики и постиндустриализма. В каждое время культуры происходило изменение в содержании заимствований.

Ключевые слова: время культуры; термин; рекрут; рекрутер; семантическое развитие; заимствование.

Целью данной работы является рассмотрение семантического развития однокоренных заимствований «рекрут» и «рекрутер» в разное время культуры. Время культуры — важнейший аспект модели мира, характеристика длительности существования, ритма, темпа, последовательности, координации смены состояний культуры в целом и ее элементов, а также их смысловой наполненности для человека.

В 1991 г. на страницах московского издания «Известий» появилась статья В. Захарько «Охота за головами», в которой он впервые употребил слово «рекрутер» и описал новый для России вид бизнеса.

До появления данного термина в русском языке уже использовалось однокоренное слово «рекрут», заимствованное во времена Петра I. Из исторических источников известно, что словом «рекрут» обозначали в русской армии и во флоте с 1705 г. по 1874 г. лицо, зачисленное в армию по рекрутской повинности, которой подлежали все податные сословия (крестьяне, мещане и др.) [9]. В лексикографических источниках отсутствует точная информация о языке-источнике. Например, в современном словаре иностранных слов в справке о происхождении слова «рекрут» указан немецкий язык и дана форма немецкого варианта (Rekrut). Однако В. Даль и Д.Н. Ушаков в словарных статьях термина «рекрут» указывают не только немецкий, но и французский язык в качестве языка-донора. Предпочти-

тельное мнение, что существительное «рекрут» все-таки было заимствовано из немецкого языка, потому что в начавшемся при Петре I процессе европеизации России в окружении царя было много немцев. Именно в это время произошло одно из массовых переселений немцев в Россию.

Петра I считают создателем регулярной армии, который ввел рекрутскую повинность. Первый набор рекрутов был осуществлен в 1705 г.

Рекрутская повинность для податных сословий была общинной и пожизненной. Только в 1793 г. бессрочный срок службы был сокращен до 25 лет. Отношение к рекрутской повинности было отрицательным из-за неограниченного срока службы, которая навсегда отрывала солдата от семьи и родного дома, о чем свидетельствуют русские народные песни. Солдатские и рекрутские песни пронизаны обреченностью («невзгодушка великая — служба государева»), описывают тяжелые минуты расставания с родными («Из твоих очей молодецких слезы катятся, как река льются»), тягот казарменного быта («Что день-то, ни ночь нам, солдатушкам, угону нет: Темна ноченька приходит — на карауле быть, Бел денечек наступает — во строю стоять») и зачастую неизбежной смерти в бою. Среди солдатских и рекрутских песен особой группой выделяются причитания, названия которых говорят сами за себя: «Плач по сыну-рекруту», «Причитания сестры по брату-рекруту».

Петровская эпоха — время реформ и перемен во многих сферах жизни. Еще современники Петра I спорили о том, нужны ли были реформы — этот спор увековечен классическими позициями западников и славянофилов. При Александре II славянофилы пошатнули прозападное мировоззрение, сформированное Петром I. Они выступали за культурное и политическое единение славянских народов под руководством России и под знаменем православия. И не случайно в 1874 г. в преддверии русско-турецкой войны за освобождение Болгарии от гнета турков термин «рекрут» был заменен словом «новобранец» [4], которое является исконно русским. Так появилось словарное свидетельство перехода к новому времени культуры, в определенной мере оппозиционному петровской и послепетровской эпохам.

Время петровских реформ можно охарактеризовать посредством понятий «переживание» Гадамера и «дискурсивное сообщество» Swales [6]. У Гадамера «переживание», а точнее «*erlebnis*», коррелирует с английским «*experience*». Иными словами, переживание не связано с эмоциями, оно представляет собой опыт. Негативный опыт службы в армии, которым обладали именно крестьяне, передавался из поколения в поколение. Следовательно, крестьяне, образующие свое дискурсивное сообщество, порождали соответствующий дискурс о рекрутчине, потому что только им было известно, насколько тяжела армейская служба. Примерами подобного дискурса являются народные песни о рекрутчине и рекрутах:

Как берут меня, доброго молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, доброму молодцу, белы руки,
Что куют, куют добру молодцу скоры ноги.
Что везут, везут добра молодца, везут в город.
Отдают меня, добра молодца, в царску службу... (www.fidr-ruslitera.ucoz.ru)

Очевидно, что этот текст свидетельствует о дискурсе, организованном вокруг концепта «неволя», ядро которого, согласно В. Далю, образовано признаками «принуждение», «зависимость», «покорность чужой воле» [8]. Поскольку в тексте песни присутствуют значения сущностей физического мира, воплощающих неволю — «оковы» (куют... молодцу скоры ноги), «путы» (вяжут... молодцу белы руки) — целесообразно утверждать, что в первое время культуры концептуальное «уравнение» «рекрутина — это неволя» носило метафорический характер. По крайней мере, в крестьянском дискурсивном сообществе его переживание, если судить по данному и аналогичным ему текстам, было переживанием одной сущности в терминах другой [5].

Что во ту ль, во ту службу царскую, во солдаты...
Не вино меня шатает,
Меня горюшко берет —
Моя бедная головушка
В солдатушки пойдет... (www.fidr-ruslitera.ucoz.ru)

Во времена царской России «голова» — метонимически «человек». Согласно словарю В. Даля голова обозначает не только часть тела, а также лицо, особу, душу и человека [8]. Если голова идет (головушка в солдатушки пойдет), значит, человек — уже в чужой власти. На фоне таких выражений, как «сложить голову», «головой поручиться», «отвечать головой» можно утверждать, что речь идет о жизни рекрута как не принадлежащей ему.

Тема рекрутства как заклания собственной жизни с особой очевидностью выступает в следующем тексте:

Что ты, милушка, не тужишь,
Платье черное не шьешь?
Поведут меня в солдаты —
Провожать-то в чем пойдешь? (www.fidr-ruslitera.ucoz.ru)

Ранее военные конфликты между государствами возникали гораздо чаще, чем сейчас. Следовательно, вероятность возвращения рекрута живым по окончании службы в армии была очень мала. Близкие, провожавшие рекрута на службу, прощались с ним навсегда, поэтому и речь идет о черном платье, которое символизирует траур.

Принимая во внимание тот факт, что термин «рекрут» был заменен другой лексической единицей еще в XIX в., следует признать, что он все-таки не вышел полностью из употребления. Термин используется в контекстах, в которых реактуализируется тема неволи и особенно то обстоятельство, что будущих солдат брали в армию за провинность перед общиной.

1. В апреле — очередной призыв в Вооруженные Силы. Во многих крупных городах, чтобы заполнить армейские вакансии, уже не первый год ведется настоящая охота на выпускников вузов. Военкомат, прокуратура и суды объединяются, чтобы получить новых **рекрутов** [20].

2. Как утверждает начальник управления комплектования ГОМУ Генштаба Владимир Константинов, набор солдат в различных регионах России идет без сбоев. Всем **рекрутам** на сборных пунктах сообщают места будущей службы, каждого новобранца передевают в зимнюю форму [16].

Авторы приведенных высказываний употребляют термин «рекрут» в отношении призывников, тем самым пытаясь реконструировать исторический контекст. В примере 1 служба в Вооруженных Силах современной России сравнивается с тяжелой рекрутской долей, которой молодые люди стараются избежать, поэтому на них ведется охота: ведь в царской России рекрутов не только выбирали на деревенских сходках, но и отлавливали в питейных заведениях и ночлежках. Подтверждением подобного сравнения также служит использование слова в таких контекстах (заголовки статей), как «*В рекруты по приговору*», «*Охота на рекрутов*». Во втором примере термин «рекрут» употребляется наряду со словами «солдат» и «новобранец» для придания контексту отрицательного оттенка. В данном контексте слово «рекрут» употребляется в значении петровских времен, таким образом, в памяти общества восстанавливаются отрицательные эмоции, связанные с крестьянским опытом переживания рекрутства.

На фоне такой ценностной ретроспекции важно отметить появление нового заимствования «рекрут», но уже из англоязычной культуры. В англоязычных толковых словарях существительное «recruit» имеет следующие дефиниции.

Recruit — n. [C] someone who has recently joined a company or organization: *a new recruit* [13].

Recruit — n. [C] a new member of an organization, especially the army: *Raw recruits* (= *completely new soldiers*) *were trained for six months and then sent to the war front* [11].

В русскоязычных лексикографических источниках термин «рекрут» с подобным лексическим значением не зафиксирован, но в речи употребляется. В частности, его контексты нередко встречаются в области спорта.

1. Тем временем футбольный мир следит за **рекрутами** Романа Абрамовича. Сначала британская «Гардиан», а вслед за солиднейшим английским изданием и газеты всей Европы сообщили о новом рекордном переходе. «Челси» готов расплатиться с «Миланом» 100 миллионными евро за переход Кака [17].

2. В составе «Спартак» на поле выходили игроки, находящиеся на просмотре. За рубеж тренерский штаб повез около трех десятков **рекрутов**, но к следующему сбору в расположении клуба, скорее всего, останется всего два-три потенциальных новичка [15].

3. А в Москве крупный легкоатлетический турнир в июне — это повод для появления в газетах объявления о наборе **рекрутов**, которым придется за деньги изображать зрителей. То есть зрители теперь не платят за билеты, а получают плату за тяжелую работу — смотреть соревнования [18].

Из двух первых примеров очевидно, что термин «рекрут» использован авторами высказываний для обозначения новых игроков в футбольных клубах. Во втором контексте семантическим дублером слова «рекрут» является «новичок». «Рекрут» в данных примерах уже не связан с петровскими временами. *Контексты отражают новое время культуры — время рыночных отношений*. Если раньше рекрутов вербовали, то теперь их покупают: они меняют один футбольный клуб на другой или исполняют роль зрителей, но продают мастерство или услуги добровольно. Объяснением этому служит содержание дефиниции термина «recruit»,

в которой отсутствует компонент «отлов», «принуждение». Работа рекрута оплачивается, а отношения «господин—подневольный» ушли в прошлое. Сейчас «рекрут» ассоциируется с иным опытом — опытом рыночных отношений, что является новым наполнением сущности рекрутства.

В рыночном коммуникационном пространстве «рекрут» вступает в отношения с «рекрутером».

Согласно русскоязычным лексикографическим источникам термин «рекрутер» имеет следующие дефиниции:

Рекрутер — агент фирмы, занимающийся рекрутингом [7].

Словарь Азрилияна дает также толкование слову «рекрутинг».

Рекрутинг — процедура поиска и найма профессиональными рекрутерами (рекрутерскими агентствами) сотрудника (специалиста или руководителя, профессионала в своей сфере деятельности), полностью удовлетворяющего требованиям компании-заказчика, занимает от 3 до 6 месяцев, а иногда даже больше. Одним из видов рекрутинга является хедхантинг [7].

Рекрутер — человек, занимающийся подбором персонала.

Отдел кадров теперь принято называть HR-department (human resource department), а его сотрудников — HR-специалистами.

Сопоставим эти данные с содержанием понятия «recruiter» в современной англо-американской культуре.

В США впервые крупные специализированные кадровые агентства появились после Великой депрессии и особенно после Второй мировой войны, когда произошел подъем промышленности и резко вырос спрос на профессиональных работников. Английские варианты имеют следующие толкования:

Recruiter — n. [C] 1) someone who helps companies and organizations to find new people to work for them: *Advertising recruiter Judy Cunningham used to receive a lot of job orders involving freelance work*; 2) someone in a company who is involved in recruiting new employees: *interviewers and recruiters for major companies* [13].

Recruiters — individuals, normally associated with a human resource department, who have the responsibility for locating and obtaining new employees. Recruiters can use many different methods for obtaining new employees. In addition to visiting college campuses and employment agencies, they also develop advertising campaigns, attend job fairs, and develop sources through referrals [12].

«Recruiter» является дериватом глагола «recruit», который изначально связан с военной тематикой, однако в словаре экономических терминов Лонгмана ему дано следующее определение:

Recruit — v. [I, T] to find new people to work for an organization, do a job etc: So far, they have recruited 10 new sales representatives. | He was recruited by the new chairman to increase production. | It is difficult to recruit in this industry [13].

Рассматривая словарные дефиниции в русском и английском языках, можно сделать вывод, что русскоязычные толкования термина «рекрутер» соответствуют их английским вариантам. В отличие от русскоязычных толковых словарей англоязычные дают более развернутое описание термина.

Наиболее полное раскрытие семантики той или иной лексической единицы происходит в речевом употреблении, т.е. в условиях взаимодействия с прагматикой. Поэтому целесообразно рассмотреть термин в контекстах двух языков.

1. Masters in management are the most popular degrees of any subject area in the UK. In our School only, we **recruit** about 300 a year and we are by no means the biggest **recruiter** of Masters students [25].
2. Employers are more likely to hire disabled people than they were 10 years ago, according to Remploy, the largest **recruiter** of disabled workers [24].
3. US regulators are looking at whether Google, and other top tech firms, colluded by agreeing not to **recruit** top employees from one another [23].
4. The memo also identifies his **recruiters** as Theodore Mally, a KGB controller based in London, and Edith Tudor Hart, the Austrian-born KGB agent who also **recruited** the Soviet spy Kim Philby [22].

Первые два примера указывают на то, что *recruiter* в англоязычной культуре употребляется в отношении юридических лиц, потому что термин использован в сочетании с такими прилагательными в превосходной степени, как «biggest» и «largest», определяющими физические масштабы организаций. Также первый контекст содержит местоимение множественного числа «we», т.е. указание на группу людей. Количество рекрутов, упомянутое в первом примере (300 человек в год), свидетельствует об объемах работ компании. В третьем высказывании глагол «recruit» раскрывает суть одного из направлений деятельности рекрутинговых агентств — «headhunting».

Человек, работающий в области «headhunting», нацелен на поиск руководителей высшего звена (top employees) или редких специалистов, чтобы предложить им более выгодные условия работы в другой компании. Как показывают носители английского языка, в рассмотренных примерах глагол «recruit» можно заменить глаголом «buy», а «recruiter» — «buyer». Последний контекст сигнализирует об использовании слова не только в сфере экономики и бизнеса, но также в разведывательной деятельности. В данном примере глагол «recruit» переводится как «вербовать», соответственно существительное «recruiter» — «вербовщик».

1. Например, отличное место для охоты за головами — тренинги, во время которых **рекрутер** может составить мнение о профессиональных навыках участников и пообщаться с интересными кандидатами [21].
2. Существует способ найти людей лучше, быстрее и проще — использовать своих собственных сотрудников как **рекрутеров** [21].
3. Как объясняет Татьяна Копылова, руководитель отдела персонала компании «Технониколь», на профессиональные семинары-презентации при желании может попасть любой **рекрутер** или кадровик [21].
4. «Понять, что пришедший к нам человек — именно тот, которого мы ищем, помогает технология проведения собеседования. Квалификация **рекрутера** заключается в умении выстроить общение таким образом, чтобы соискатель сам о себе рассказывал. Правда, для того чтобы оценить претендента, иногда не требуется много времени», — говорит Екатерина Прохорова, руководитель отдела персонала компании Formika [19].

В первом примере речь идет о хедхантинге, соответственно, люди, занимающиеся данным видом деятельности, называются хедхантерами, а не рекрутерами. В англоязычных примерах «headhunter» и «recruiter» обычно не употребляются как семантические дубликаты. Второй контекст сигнализирует либо о желании российских работодателей сэкономить на поиске новых сотрудников, либо о проявлении большего доверия своим работникам, чем рекрутинговым агентствам. В третьем примере автор высказывания употребляет разделительный союз «или» между названиями двух профессий, что означает сопоставление исключающих друг друга по значению членов предложения. Следовательно, руководитель отдела персонала Т. Копылова считает, что рекрутер и кадровик являются разными по своим функциям и обязанностям профессиями. Согласно последнему примеру квалифицированный рекрутер должен быть хорошим психологом, способным организовать собеседование в соответствии с технологией и получить максимальный объем информации о кандидате.

Сравнивая примеры двух языков, мы пришли к выводу, что в русскоязычной культуре термин «рекрутер» используется для обозначения отдельных людей, работающих в данной сфере, в то время как в англоязычной культуре «recruiter» преимущественно относится к компании. Таким образом, можно сказать, что в русском языке преобладает персональность, а в английском — корпоративность. Иногда рекрутеры занимаются поиском умных и талантливых людей, способных порождать перспективные идеи и принимать верные решения. Людей с такими качествами крайне мало. Следует согласиться с известным экономистом П. Друкером, что «„работники знания“ не станут большинством в „обществе знания“, но... они уже стали его лидирующим классом» [3].

Современная нам эпоха, обусловившая развитие актуальных смыслов рекрутерства и шире — поиска адекватных человеческих ресурсов, — известна как *постиндустриализм, или пост-Фордизм*. В это время происходит переход от индустриального общества к постиндустриальному. Важной чертой постиндустриального общества является усиление роли и значения человеческого фактора. В подобном обществе меняется структура трудовых ресурсов: уменьшается доля физического и растет доля умственного высококвалифицированного творческого труда. Как писал основоположник постиндустриализма Д. Белл, в постиндустриальном обществе представители интеллектуального класса выступают на политическом уровне в качестве консультантов, экспертов или технократов [1]. Другими словами, в подобном обществе ценится голова, т.е. «head» — первая часть метафоры «headhunting», символизирующая знания и интеллектуальные способности, за которыми и ведется охота. В данном случае, на наш взгляд, происходит реактуализация метафоры: использование «headhunting» в прямом смысле. Ведь раньше профессиональные киллеры отчитывались о сделанной работе головами. Подтверждением этому служат дефиниции термина «headhunter» в англоязычных толковых словарях.

Headhunter — n. a member of a tribe that keeps the heads of the enemies that it has killed [11].

Headhunter — n. 1) one that engages in head-hunting; 2) a recruiter of personnel especially at the executive level; 3) an athlete who intentionally seeks to harm an opponent [14].

В этом же словаре дается дефиниция «headhunting» для полного раскрытия первого значения.

Headhunting — n. 1) the act or custom of seeking out, decapitating, and preserving the heads of enemies as trophies; 2) a seeking to deprive usually political enemies of position or influence [14].

Появление термина «headhunter» по данным электронной версии словаря Merriam-Webster датируется 1853 г. Из представленных дефиниций вытекает, что раньше headhunter, обезглавливающий своих врагов, хранил эти головы как трофеи. На сегодняшний день headhunter отчитывается найденными профессионалами, которые метафорично обозначены символом «head».

Подведем итоги. В данной статье мы рассмотрели семантическое развитие однокоренных заимствований «рекрут» и «рекрутер». Во времена царской России термин «рекрут» употреблялся для обозначения человека, принудительно взятого на военную службу. Позже, во времена рыночных отношений, слово приобрело новое лексическое значение, заимствованное из английского языка. Рекрут времен рыночной экономики уже не является подневольным; скорее, он выступает в роли продавца своих способностей и услуг. Также в это время культуры в русский язык заимствовано однокоренное слово «рекрутер». Рекрут и рекрутер вступают во взаимоотношения, обусловленные рынком. Данная смысловая наполненность слова «рекрут» кардинально отличается от предыдущего времени. Сейчас на первый план выходит такой вид рекрутской деятельности, как «head-hunting». Рекрутер перестает быть просто человеком, ищущим кандидата на вакантное место, он становится охотником за профессионалами, чьи интеллектуальные способности и опыт имеют ключевое значение в решении актуальных проблем современной экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — М.: Академия, 1999.
- [2] Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988.
- [3] Друкер П.Ф. Эра социальной трансформации // The Atlantic Monthly, 1994.
- [4] Отечественная история в терминах и понятиях. URL: <http://interpretive.ru/dictionary> (2002)
- [5] Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. — Chicago and London: University of Chicago Press, 1980.
- [6] Swales J. Genre Analysis. — Cambridge University Press, 1990.
- [7] Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. — М.: Институт новой экономики, 2007.
- [8] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Терра, 1994.
- [9] Крюковских А. Словарь исторических терминов. URL: <http://interpretive.ru/dictionary>
- [10] Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940.
- [11] Cambridge Advanced Learner's Dictionary / Cambridge University Press, 3rd Edition, 2005. URL: <http://dictionary.cambridge.org/define.asp>

- [12] *Friedman Jack P.* Dictionary of Business Terms. — New York: Barron's Educational Series, 1994.
- [13] Longman Business English Dictionary Pearson Education Limited Edinburgh Gate. — Harlow, Essex CM20 2JE, England, 2004.
- [14] Merriam-Webster Dictionary / An Encyclopedia Britannica Company, 2010. URL: <http://www.merriam-webster.com>
- [15] *Бирюков А.* Ярмарка новобранцев // Российская газета — Северный Кавказ. — 2007. — 20 декабря. — № 4548. URL: <http://www.rg.ru/2007/12/20/reg-kavkaz/sbori-v-turcii.html>
- [16] *Гаврилов Ю.* Горячая линия для новобранцев // Российская газета — федеральный выпуск. — 2006. — 7 ноября. — № 4215. URL: <http://www.rg.ru/2006/11/07/genshtab.html>
- [17] *Долгополов Н.* Смотрите, кто пришел // Российская газета — центральный выпуск. — 2008. — 21 июля. — № 4710. URL: <http://www.rg.ru/2008/07/21/kaka.html>
- [18] *Зуенко Е.* Деньги на ветер // Ведомости пятница. — 2010. — 9 июля. — № 26.
- [19] *Кошарова Г.* «Резюмеинки» для отдела кадров // Российская Бизнес-газета. — 2007. — 22 мая. — № 604. URL: <http://www.rg.ru/2007/05/22/menedzheri.html>
- [20] *Минский С.* Охота на рекрутов // Российская газета — неделя. — 2004. — 19 марта. — № 3432. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/19/prizivnik.html>
- [21] *Чугунова А.* Креативный призыв // Секрет фирмы. — 2005. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?fromsearch=e86f1c33-ee06-41f2-9351-b490a657e8f5&docsid=862318>
- [22] *Macintyre B., Bird S.* Civil servant Arthur Wynn revealed as recruiter of Oxford spies // The Times. — 2009. — May 13. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/public/sitesearch.do?querystring>
- [23] *Rushe D.* Google searches for support in face of scrutiny // The Times. — 2009. — June 14. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/public/sitesearch.do?querystring>
- [24] *Taylor A.* Disabled workers more likely to be hired than 10 years ago, says the recruiter // The Financial Times. — 2006. — January 25. URL: <http://www.ft.com/cms/s>
- [25] Ask the experts: European business school / The Financial Times. — 2009. — December 9. URL: <http://www.ft.com/cms/s>

THREE PERIODS OF CULTURE IN THE HISTORY OF ONE BORROWING

N.A. Bunaeva

The department of americanistics
Irkoutsk State Linguistics University

Shelekhov, 1 microdistrict 17-55, Irkoutsk region, Russia, 666035

The article is devoted to the semantic development of the paronymous borrowings “recruit” and “recruiter” in different periods of culture. The paronymous terms “recruit” and «recruiter» were studied in the period of tsarist Russia, market economy and in the post-industrial period. In each period the content of the borrowings changed.

Key words: period of culture; term; recruit; recruiter; semantic development; borrowing.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧАСТИ ТЕЛА» (на материале арабского, аварского и русского языков)

З.И. Исмаилова

Учреждение Российской академии наук
Институт востоковедения РАН
Рождественка, 12, Москва, Россия, 107031

В статье предпринята попытка исследования фразеологизмов с соматическим компонентом «части тела» арабского языка в сопоставлении с аварским и русским языками. Ставятся следующие задачи: произвести сопоставление фразеологических единиц трех неродственных языков, выявить семантические особенности анализируемых СФЕ, описать структурно-грамматический состав СФЕ арабского, аварского и русского языков, изучить степень межъязыковой эквивалентности СФЕ сопоставляемых языков.

Ключевые слова: неродственные языки, СФЕ (соматические фразеологические единицы), фразеологизм, арабский язык, аварский язык, русский язык.

На современном этапе развития человеческого общества все большее внимание уделяется проблемам развития языка как средства общения и как кладовой знаний и памяти о материальных, социальных, духовных, культурных достижениях и богатствах различных народов. Этот интерес обусловлен «взрывом» межкультурного общения, на который указывают многие, в том числе и лингвисты. Как справедливо отмечается рядом ведущих российских языковедов, «все тонкости и вся глубина межкультурной коммуникации становится особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культурой со своей родной, привычной» [17. С. 24].

Интенсивное развитие фразеологии за последние десятилетия выдвинуло множество разнообразных проблем. С одной стороны, задачей фразеологов является описание фразеологического материала отдельных языков с упором на их специфические особенности, с другой стороны, все большее значение приобретает сопоставительное изучение фразеологических систем разных языков. Именно сопоставительный аспект системного изучения фразеологии, несомненно, представляет собой большой интерес как для разработки общей теории фразеологии, так и для изучения общих и отличительных признаков исследуемых языков.

При сопоставлении на межъязыковом уровне обнаруживаются те же семантические отношения, которые свойственны лексическим, фразеологическим и другим единицам внутри языка. Однако цели и роль межъязыкового сопоставления существенно иные, так как сопоставляются единицы, формы, не дополняющие друг друга и не составляющие в своей совокупности какой-либо единой реально функционирующей системы.

Среди основных направлений сопоставительно-фразеологических исследований А.Д. Райхштейном выделяются сопоставительный аспект, имеющий дело с неродственными языками и устанавливающий фразеологические эквиваленты

для перевода с одного языка на другой, а также предлагающий сопоставительное изучение фразеологии по семантическим группам, и структурно-типологический аспект, направленный на исследование особенностей построения фразеологических образов как в родственных, так и в неродственных языках [16. С. 10].

Как отмечает М. Леонидова, «сопоставление фразеологизмов двух или более языков представляет большие возможности для раскрытия «национальной» специфики плана содержания того или иного языка, своеобразия внутренней формы фразеологизмов, самобытной образности фразеологических единиц, их прелести и неповторимости» [12. С. 21].

Во фразеологии огромную роль играет человеческий фактор, так как подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности.

Особую роль в этих коммуникационных процессах играют соматические фразеологические единицы. Названия частей тела являются одними из наиболее часто участвующих слов в образовании фразеологизмов.

Сопоставляя системы СФЕ арабского, аварского и русского языков, были поставлены следующие вопросы: в чем заключается сходство и различие между фразеологическими системами исследуемых языков; как они проявляются в основных аспектах языка — функциональном, семантическом, формально-смысловом, структурном; какими внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами они обуславливаются, какова степень межъязыковой эквивалентности соматических фразеологических единиц.

Совпадение плана выражения и плана содержания фразеологических единиц сопоставляемых языков ведет к образованию серий структурно-семантических эквивалентов. Поскольку совпадение может быть полным и частичным, выделяются полные структурно-семантические эквиваленты и частичные структурно-семантические эквиваленты.

Полные структурно-семантические эквиваленты — это такие фразеологические единицы арабского, аварского и русского языков, у которых при полном тождестве значения наблюдается тождество из компонентного состава при схожей синтаксической организации.

Например:

открыть кому-либо глаза на что-либо (русский) — [fataha ‘aunayhi ‘alā] букв. «он открыл его глаза на...» (арабский), **бер рагъизе** букв. «глаз открыть» (аварский); **с головы до пят** (русский) — [mina-r-ra’s li-l-qadam] букв. «с головы до ног» (арабский), **xIatIdаса бахъараб ботIроде швезегIан** букв. «начиная с ног, доходя до головы» (аварский); **от всего сердца** (русский) — [min kulli qalbihi] букв. «от всего своего сердца» (арабский), **ракI ракIаль** букв. «от всего сердца» (аварский); **язык отнялся** (русский) — [‘u’tuqila lisānuhu] букв. «его язык задержался» (арабский), **мацI кквезе** букв. «язык держать» (аварский).

Под частичными структурно-семантическими фразеологическими компонентами подразумеваются такие фразеологические единицы, у которых при полном тождестве семантики имеются определенные различия компонентного состава.

Например:

рука об руку (русский) — [‘amilū yadan wāhidatan] букв. «они действовали одной рукой» (арабский), **цопазул квералги ккун** букв. «держась за руки» (аварский **вбить в голову** (русский) — [‘adhala fī ra’sihī fikrah] букв. «он вводил в свою голову мысль»), **ботГролье лъугьинабизе** букв. «в голову впустить» (аварский); **склонить голову перед кем-нибудь или чем-нибудь** (русский) — [‘ahnā ra’sahu ‘amāmahu] букв. «он склонил свою голову перед ним» (арабский), **бетГер къулизе** букв. «голову наклонить» (аварский).

В данных фразеологических единицах варьируются либо глагольные компоненты, либо именные компоненты со значением «части тела». Однако расхождения в лексическом составе не влияют ни на общее образное значение фразеологизма, ни на его функциональные особенности.

Необходимо отметить, что по ряду причин серия может быть неполной и содержать всего лишь два структурно-семантических фразеологических компонента из каких-либо двух сопоставляемых языков.

Например, *арабский и русский*:

[qalban wa qalban] «душой и телом» (букв. «сердцем и сердцем»); [ra’san ‘alā ‘aqib] «вверх ногами, вниз головой» (букв. «головой до пятки»); [nassaba ‘uḏnayhi] «навести уши» (букв. «он поставил свои уши»); [waḡhan liwaḡh] «лицом к лицу»; [ḡazā qalbaha] «покорить чье-л. сердце» (букв. «он завоевал ее сердце»); [fī ṭarfati ‘ayn] «в мгновение ока» (букв. «в мгновении глаза»); [ṭāra min ra’sihī] «вылетать/вылететь из головы» (букв. «он вылетел из его головы»).

Арабский и аварский:

[‘aswadu-l-qalb] букв. «черный сердцем», **ракI чГегIерав** букв. «сердцем черный» — «злой; завистливый»; [raqīqu-l-qalb] букв. «тонкое, нежное сердце», **ракI тамахав** букв. «сердцем мягкий» — «мягкосердечный»; [lā qalb lahu] букв. «у него нет сердца», **ракI гьечIев** букв. «не имеющий сердца» — «бессердечный, бесчувственный»; [ṣalīḡati-l-qulub] букв. «сердца радовались», **ракI бохизе** букв. «сердце радоваться» — «радоваться»; [fataha ‘uyūnahu ‘alā...] букв. «он открыл его глаза на...», **бер рагьизе** букв. «глаз открыть» — «открыть кому-либо глаза на что-либо»; [‘asābathu ‘aynuhā] букв. «она попала в него своим глазом», **бер ккезе** букв. «глаз попасть» — «сглазить кого-либо».

Аварский и русский:

бетГералда вукIине «быть во главе» (букв. «на голове чего-либо быть»); **ракI лъикIав** «добродушный» (букв. «сердцем добрый»); **гьурмахъ балагьичIого** «не-взирая на лица» (букв. «на лицо не смотря»); **гIин къуризе** «драть уши» (букв. «ухо крутить»); **квердаса ине** «отбиться от рук» (букв. «уйти от руки»); **кверзукъан ине** «проходить/пройти через руки» (букв. «руками пройти»); **бер рагьизе** «открыть кому-либо глаза на что-либо» (букв. «глаз открыть»); **бераз ворцине** «мерить/смерить глазами кого-л.» (букв. «глазами измерять»); **бетГер бугев** «с головой» (букв. «имеющий голову»).

Семантические эквиваленты фразеологических единиц представляют собой фразеологические единицы, тождественные по совокупному образному значе-

нию, но отличные в плане выражения, как в лексической, так и синтаксической организации.

Например:

[ta'šīru-l-'ayn] букв. «воздействие глаза», **квешаб бер** букв. «плохой глаз» — «дурной глаз»; [zaḡa-r-ḡamād fī-l-'uyūn] букв. «он сыпал пепел в глаза», **бер бухьине** букв. «глаз завязывать» — «пускать пыль в глаза, обманывать»; [kašawkah fī 'aynihi] букв. «как игла в его глазу», **бадиб ч'вараб пиц' г'адин** букв. «как нечто прилипшее к глазам» — «как бельмо на глазу»; [ḡāša qalbuḡ fī ṣadrihi] букв. «сердце его погрузилось в его грудь», **рак' унтизе** букв. «сердце болеет» — «душа не на месте»; [ma-saka lisānahu] букв. «он держал свой язык», **клал к'ян вук'ине** букв. «быть с закрытым ртом» — «держат язык за зубами».

От эквивалентных фразеологических единиц арабского, аварского и русского языков, которые имеют в своем составе соматизм, следует отличать структурные псевдоэквиваленты, которые при полном или почти полном совпадении структуры обладают различными или противоположными значениями. Обычно это языковые пары.

Например, *арабско-русские пары*:

[yaduhu ḡaḡfah] букв. «его рука легкая» («он нечист на руку, склонен к воровству, мошенничеству, плутоват, вороват») — **легкая рука** у кого-либо «кто-либо отличается удачливостью в любом начинании, приносит успех какому-либо делу, предприимчив»; [tawīlu-l-lisān] букв. «длинный языком» («дерзкий на язык») — **длинный язык** «1) болтливость, неумение сдерживаться в разговоре; 2) кто-либо очень болтлив, говорит много лишнего»; [fataḡa 'aynayhi ḡayyidan] букв. «он открыл свои глаза хорошо» («держать ухо остро») — **открыть глаза** кому-либо «выводить кого-либо из заблуждения; помогать правильно понять истинное положение вещей».

Арабско-аварские пары:

[ʾaḡmaḡa-l-'uyūn 'an...] букв. «он закрывал глаза на...» («смотреть сквозь пальцы») — **бер к'язе** букв. «глаз закрыть» («бояться»); [ṣada'a ḡa'sahu fī...] букв. «он раскалывал свою голову в...» («думать, ломать голову над чем-либо») — **бет'ер бик'як'льгизе** «голова раскалывается» («переживать, нервничать»); [yaduhu tawīlah] букв. «его рука длинная» («способный; вороватый») — **квер халатав** букв. «рукой длинный» («ленивый, неповоротливый»).

Аварско-русские пары:

квер букарize букв. «рука чешется» («1) поднимать руку на кого-либо; 2) хотеть делать что-л., приступать к чему-либо») — **руки чешутся** у кого-либо «1) кто-либо испытывает неодолимое желание подраться с кем-либо, побить кого-либо; 2) кто-либо испытывает неодолимое желание сделать что-либо, заняться чем-либо»; **рек'елье л'уг'ине** букв. «войти в сердце» («понравиться») — **войти в сердце** «глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений»; **г'умер г'еч'ло** букв. «лица нет» («стыдиться кого-либо, чего-либо; не знать куда глаза деть») — **лица нет** на ком-либо «кто-либо страшно побледнел, осунулся, изменился в лице от чего-либо, обычно от боли, ужаса, волнения и т.п.».

Такого рода пары соматических фразеологических единиц с более или менее расходящимися, а иногда и противоположными значениями в сфере фразеоло-

гии именуется как «ложные друзья переводчика». Здесь наблюдается асимметрия структуры и содержания фразеологических единиц.

Различия в совокупном фразеологическом значении при структурном тождестве сопоставляемых арабских и русских, арабских и аварских, аварских и русских соматических единиц являются результатом разнонаправленного переосмысления одинаковых словесных комплексов в сопоставляемых языках. Однако структурная соотнесенность фразеологических единиц сопоставляемых языков в большинстве своем сопровождается функционально-смысловой соотнесенностью, поскольку в сфере соматических фразеологических единиц сопоставляемых языков действуют одинаковые семантические фразеобразовательные модели.

От соматической лексики следует отличать соматический язык, которым называют язык жестов, служащий общечеловеческой формой эмоционального проявления психических состояний либо обладающий определенным социально-символическим смыслом. Психологи утверждают, что от 60 до 80% коммуникаций между людьми осуществляется за счет невербальных средств выражений [15].

Сравните:

араб. [zāgat ‘aynayhā ‘ilā...] букв. «она отклонила свои глаза от...» («отводить глаза» — «искоса поглядывать на что-либо»); **авар.** **бер тIаса босизе** букв. «глаз сверху убрать» («отводить глаза» — «1) оставить без внимания, ослабить внимание; 2) потерять из виду»; **рус.** **отводить глаза** «отвлекать внимание кого-либо от чего-либо, вводить в заблуждение, обманывать кого-либо»; [tə'ta'a ra'sahu] букв. «он склонил, наклонил свою голову» («склонить голову» — «грустить, опустить голову»); **авар.** **бетIер кьулизе** букв. «голова наклониться» («наклонить голову» — «опуститься морально»); **рус.** **склонить голову** «относиться с почтительным уважением к кому-либо, преклоняться перед кем-либо или чем-либо».

В большинстве случаев это СФЕ со структурой глагольно-субстантивных словосочетаний, элементами которых являются глагол, передающий характер телодвижения, и соматический компонент, называющий часть тела, производящую тот или иной жест. Называя различные выразительные телодвижения, сопровождающие определенные психические состояния, такие обороты сигнализируют своим значением наличие подобных состояний. Сравните следующие СФЕ со значением «приходить в отчаяние», содержание исходных словосочетаний которых передает характерные жесты и действия человека в состоянии отчаяния:

араб. [nakkasa ra'sahu] «повесить голову» (букв. «он опустил свою голову»); **авар.** **бетIер дализе** «повесить голову»; **рус.** **повесить голову** «приходить в отчаяние, уныние, огорчаться».

Жесты эмоционального проявления душевных состояний чрезвычайно многообразны, зачастую одно и то же действие служит для выражения целого ряда оттенков состояния человеческой психики: так, например, при скрежетании зубами человек испытывает негодование, ненависть, злость, ярость. Следует отметить, что в силу психической общности людей из различных этнических групп это приводит в ряде случаев к полному совпадению или значительному сходству СФЕ, базирующихся на описании жестов или телодвижений у носителей самых раз-

ных языков. Семантика таких фразеологических единиц, связанная с передачей психических состояний, чувств и человеческих качеств, легко мотивируется содержанием соответствующих свободных словосочетаний.

Например:

араб. [ʾahnā ga'sahu ʾamāmahu] букв. «он склонил свою голову перед ним»; **авар.** **бетIер кьулизе** букв. «голову наклонить»; **рус.** **склонять голову** «преклоняться перед кем-либо»; **араб.** [šamaḥa biʾanfihī] букв. «он высился своим носом»; **авар.** **мегIер кIичIун льугьине** букв. «кривить носом»; **рус.** **задирать нос** «зазнаваться, важничать».

В разных культурах, например, безразличие, недоумение, презрение, незнание передаются таким жестом, как пожатие плечами; страх, ужас, огорчение, волнение, гнев, удивление, изумление, радость выражаются мимическими движениями с помощью таких соматических компонентов, как лоб, глаз, бровь, рот, лицо. Будучи недовольным, рассерженным, раздосадованным, удивленным и т.д., человек делает различные гримасы, выражающие сожаление, презрение, досаду и пр.

Например, в следующих СФЕ исходные словосочетания передают мимику недовольства, пренебрежения, разочарования, радости:

араб. [ʾumtuqīʾa lawnu waḡhihi] «он изменился в лице» (букв. «цвет его лица изменился»); [tatafaḡḡaru-l ʾuyūn li-l-muṣṭibah] «от горя глаза наполняются слезами» (букв. «глаза лопаются от горя»); [daraba waḡhahu biyadayhi] «бить себя по лицу от огорчения» (букв. «он ударил свое лицо своими руками»); **авар.** **берал риччизе** «глаза на мокром месте» (букв. «глаза намочить»); **гьурмаде цIа бахине** «покраснеть, бросить в жар» (букв. «на лице огонь появился»); **кIалдиб хIацIу ккун** букв. «слюнки текут» («слюна во рту появилась»); **рус.** **кровь бросилась в лицо** «кто-либо покраснел от смущения, стыда, досады»; **крутить носом** «1) выражать неудовольствие или пренебрежение; 2) отказываться, упираться»; **разевать рот** «крайне удивляться, изумляться».

Невербальный канал нередко используется для выражения межличностных отношений. Жест, под которым понимается коммуникативно-направленное движение рук, головы, служит, как и голос, для выражения нередко мельчайших настроений души. Жест руками, само лицо, изменения, которые можно наблюдать на нем, взгляд в значительной степени дополняют словесную информацию, а также составляют весьма важную часть коммуникации [20. С. 114]. Движение рук, глаз, поза человека часто являются сигналами, помогающими распознать истинные намерения собеседника, который порой говорит одно, а думает другое.

В заключение следует подчеркнуть, что межъязыковая структурная и смысловая соотнесенность соматических фразеологических единиц является основным критерием определения наличия фразеологических эквивалентов различных типов. В основном речь идет о семантическом тождестве и различии компонентов фразеологических единиц в их нефразеологическом, регулярном значении, т.е. о большей или меньшей фразеологической аналогии. На взаимодействии данных двух критериев основывается типология межъязыковых эквивалентов, среди которых выделяются структурно-семантические, которые сочетают структурную и смысловую соотнесенность, и семантические. Абсолютными фразеологическими

эквивалентами является лишь меньшая часть структурно-семантических эквивалентов. В остальных случаях эквивалентность неполная, т.е. имеют место те или иные синтаксические или лексические различия, не влияющие на общее значение фразеологических единиц. Следует отметить достаточно большой удельный вес полных и неполных структурно-семантических эквивалентов фразеологических единиц лексико-семантического поля «частей тела» в сопоставляемых языках. Это может объясняться общностью моделей, по которым происходит переосмысление лексического комплекса во фразеологическую единицу в арабском, аварском и русском языках.

Таким образом, сравнение является необходимым и общепризнанным методическим принципом научного исследования. Многие науки прибегают к сравнению как к методу, и языкознание тоже достигло на этом пути значительных успехов, прежде всего в развитии теоретических представлений о языке. Невозможно исследовать языки во всей их полноте, их специфические структуры, их конкретно-исторические общественные функции, а также закономерности их развития, не прибегая к сравнению и не пытаясь осмыслить результаты этого сравнения во внутриязыковом и экстралингвистическом плане. С другой стороны, невозможно представить себе сегодня ни одного сколько-нибудь крупного исследования, которое не учитывало бы всей суммы знаний о наиболее общих свойствах и характеристиках языка вообще, а также отдельных языковых групп, семей и т. д., то есть знаний, полученных в результате сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Авалиани Ю.Ю.* Тексты лекций по компаративно-сопоставительной фразеологии иранских языков. — Самарканд, 1979.
- [2] *Балли Ш.* Французская стилистика. — М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
- [3] *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. — М.: Знак, 2008.
- [4] *Вакк Ф.* О соматической фразеологии эстонского языка. Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. — Баку, 1968.
- [5] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1964.
- [6] *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. — Ташкент: Камалак, 1994.
- [7] *Борисов В.М.* Русско-арабский словарь. — М.: Сам Интернешнл, 1993.
- [8] *Зиль Джур.* Новый арабский словарь. *المعجم العربي الحديث* — Париж, 1987.
- [9] *Ибн Манзур.* Толковый словарь арабского языка. — Бейрут, 1995—1996.
- [10] *Магомедханов М.М.* Аварско-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1993.
- [11] *Магомедханов М.М.* Русско-аварский фразеологический словарь. — М.: Academia, 2007.
- [12] *Леонидова М.* Проблемы структурно-семантической типологии болгарских и русских фразеологизмов. — София: Народная просвета, 1986.
- [13] *Лингвистический энциклопедический словарь.* — М.: Советская энциклопедия, 1990.
- [14] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Азъ, 1992.
- [15] *Пиз А.* Язык телодвижений. — М.: Ай Кью, 1999.
- [16] *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. — М.: Высшая школа, 1980.

- [17] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — М.: Слово/Slovo, 2000.
- [18] *Фавзи А.М., Шкляров В.Т.* Учебный русско-арабский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1989.
- [19] Фразеологический словарь русского языка. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1986.
- [20] *Шагаль В.Э.* Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. — М.: ИВ РАН, 2001.
- [21] Языки мира: Кавказские языки. — М.: Academia, 2001.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF “BODY PARTS” LEXICO-SEMANTIC FIELD (on the Material of Arabic, Avar and Russian Languages)

Z.I. Ismailova

The Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Rozhdestvenka str., 12, Moscow, Russia, 107031

The article attempts to study phraseological units with somatic “body parts” component of the Arabic language in comparison with Avar and Russian languages. The paper covers the following problems: the comparison of phraseological units of three unrelated languages, the exposure of semantic peculiarities of analyzed somatic phraseological units, the description of structural-grammatical composition of Arabic, Avar and Russian somatic phraseological units, the research of interlanguage equivalence of somatic phraseological units in compared languages.

Key words: unrelated languages, phraseological units, somatic phraseological units, Arabic language, Avar language, Russian language.

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕКСТАХ

Т.В. Ларина, В.И. Озюменко,
Е.Б. Пономаренко

Кафедра иностранных языков филологического факультета
Кафедра иностранных языков юридического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются некоторые языковые механизмы воздействия на аудиторию путем формирования стереотипов массового сознания в отношении тех или иных стран, событий, явлений общественной и политической жизни, а также отдельных личностей, используемые в британских, американских и российских средствах массовой информации, главным образом в текстах информационных сообщений.

Ключевые слова: языковое манипулирование, манипулятивное воздействие, общественное сознание, идеологема, эмоциональная оценка, эвфемизация.

Главной функцией информационного жанра является передача информации, однако эта передача редко бывает полностью нейтральной, т.е. абсолютно свободной от элементов воздействия на аудиторию. Как и все публицистические тексты, тексты информационного жанра также носят воздействующий характер, нацеленный на создание у аудитории определенного отношения к передаваемой информации. И это не случайно, так как они создаются «в соответствии с определенной идеологической системой и опираются на систему определенных идеологических ценностей» [6. С. 129]. Более того, особенностью языка современных СМИ является возрастание значимости воздействующей функции.

Как отмечают исследователи, в текстах СМИ представлена система «стереотипов массового (общественного) сознания, включенных в круг привычных ассоциаций, достаточно устойчивых независимо от характера интерпретируемого события» [8. С. 231]. К таким стереотипам применяется также термин *ключевые слова идеологической системы*, или *идеологемы* [7. С. 180)]. Н.И. Клушина называет идеологему базовым понятием публицистического дискурса, отмечая, что в основе идеологемы лежит мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой (*железный занавес, империя зла, ось зла, холодная война* и пр.) [3. С. 93—95].

Языковое воздействие на общественное сознание может проявляться в открытой и скрытой формах. В последние десятилетия все большее значение и актуальность приобретают скрытые формы воздействия. Наиболее распространенным и эффективным видом скрытого воздействия на сознание является языковое манипулирование общественным сознанием. Ряд исследователей [1; 5] считают манипулятивное воздействие одной из важнейших функций СМИ наряду с информаци-

онной, образовательной, рекламной. Под языковым манипулированием они понимают «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждения относительно замысла или содержания речи, осуществленное на трех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом» [1. С. 12]. В СМИ имеет место манипулирование массовым сознанием.

Языковое манипулирование осуществляется при помощи различных языковых средств. Наиболее важными из них являются слова с эмоционально-оценочным компонентом, метафоры, эвфемизмы.

Поскольку задачей скрытого языкового воздействия является формирование определенного отношения аудитории к тому или иному социальному или политическому явлению, событию, факту, политическому или общественному деятелю, то воздействие основано на привнесении в лексическую единицу новых смыслов, коннотаций или на выборе близкого по смыслу слова, содержащего, в зависимости от цели автора, либо пейоративный, либо мейоративный эмоционально-оценочный компонент.

Выбор нужной языковой единицы обеспечивается наличием развернутого синонимического ряда. Синонимы часто являются стилистически маркированными, различаются эмоционально-экспрессивной окраской, оценочными характеристиками. Так, например, по данным А.А. Даниловой, семантическое поле английского слова *war* (война) включает следующие существительные: *war, warfare, fighting, civil war, conflict, battle, skirmish, action, engagement, brush, encounter, scrimmage, attack, assault, onslaught, sortie, combat* (война, столкновение, сражение, гражданская война, вооруженный конфликт, битва, стычка, бой (столкновение войск), бой (столкновение между вооруженными сторонами), краткое столкновение, вооруженное столкновение, стычка между враждебными группировками, драка, атака, нападение (военная атака), бешеная атака, вылазка, бой) [1. С. 56]. Мы бы сюда еще добавили *conflagration* (пожар войны), *hostilities* (военные действия, боевые действия), *hot war* (вооруженный конфликт, реальные боевые действия), которые, по данным словарей, являются синонимами слова *war* (MWD). Как видно, при всей смысловой близости замена одного слова на другое придаст предложению иной смысл.

Подтверждение сказанному находим в текстах информационных сообщений, в которых речь идет о событиях августа 2008 г. на Кавказе. Описывая эти события, западные СМИ преимущественно употребляли слово *war* — война, хотя встречались также *conflict, armed conflict*:

Russia has extended the conflict to **a war** inside Georgia. The West will have a hard time responding (Economist, 08.11. 2008).

Интересно отметить, что и после прекращения военных действий, которые продолжались всего пять дней, слово *war* продолжает оставаться предпочтительным:

The recent **war** between Georgia and Russia came about through political failure on the part of all of the authorities involved (<http://international.sp.nl>).

The Monitoring Committee deplores the fact that, one year after the tragic outbreak of the **war** between Georgia and Russia, little tangible progress has been achieved in addressing the consequences of this war (Guardian, 12.12.2009).

Если в дни событий употребление слова *war* было, в некоторой степени, оправданным, поскольку тогда трудно было предвидеть, как будут проходить эти драматичные события и каковы будут их последствия, то после их окончания в использовании данного слова есть скрытый смысл. Поскольку слово *war*, как и русское слово *война*, называет военные действия, которые продолжаются длительное время (*fighting between two or more countries, that involves the use of armed forces and usually continues for a long time*) [12], его употребление усиливает драматизм имевших место событий и вину России, которая, по мнению Запада, была их инициатором.

Российские СМИ, напротив, в отношении данных событий предпочитают использовать слово *конфликт* — *военный конфликт, вооруженный конфликт*. В дни военных действий и некоторое время вскоре после них использовалось еще более нейтральное слово *операция* — «*операция по принуждению к миру*», тем самым подчеркивался вынужденный характер этой операции и ее миролюбивая цель:

В тот же день Россия, чтобы защитить миротворцев и граждан республики, большинство из которых имело российское гражданство, начала «**операцию по принуждению Грузии к миру**». Активные боевые действия закончились 12 августа, Россия официально объявила об успешном окончании **операции** (РИА Новости, 26.12.2008).

Начиная с августа 2008 года, когда произошел **вооруженный конфликт** между Грузией и Россией, ПАСЕ почти каждую сессию обсуждала отношения России и Грузии (<http://www.rosbalt.ru/11/01/18>).

Таким образом, употребляя слова *war* (война) и *конфликт* для наименования одних и тех же событий, журналисты по-разному расставляют политические акценты в тексте, формируют у своих читателей (слушателей) определенное к ним отношение.

В процессе создания текста авторы манипуляционного дискурса часто выбирают из семантического поля наиболее нейтральное слово, однако даже нейтральное слово в определенном контексте может выполнять воздействующую роль, так как в противопоставлении со словом с ярко выраженной отрицательной коннотацией оно в скрытой форме передает позитивную оценку данного издания, отражая позицию всей идеологической системы, и наоборот, при описании событий, осуждаемых данной системой, выбираются эмоционально окрашенные слова с отрицательными коннотациями. Ср.: *миротворческий контингент* — *карательные* или *оккупационные войска*, *peacemakers* — *aggressors*. Это наиболее ярко видно в словосочетаниях с политико-оценочными коннотациями в текстах, освещающих столкновения интересов политических партий, различные военные конфликты, террористические акты и т.д.

В качестве иллюстрации к сказанному приведем результаты анализа информационных материалов о взрывах в метро в июле 2005 г. в Лондоне и в марте

2010 г. в Москве, размещенных на сайте BBC NEWS <http://www.bbc.co.uk/news>. Хотя данные события были так ужасающе похожи (оба взрыва произошли утром на нескольких станциях двух столиц, в результате были десятки и погибших и раненых), тональность этих сообщений и расстановка акцентов существенно различаются. Отношение к взрывам в Лондоне и к их исполнителям однозначное — это был террористический акт, исполнителей которого ждет суровое наказание.

Тот факт, что в Лондоне имел место именно террористический акт, заявлено уже в самом заголовке — *London rocked by **terror attack***. В тексте короткого информационного сообщения слова *terrorist, terror* повторяются несколько раз: приводятся слова премьер-министра Тони Блэра, который заявил, что совершенно ясно, что имел место ряд террористических актов (...it was “reasonably clear” there had been a series of **terrorist attacks**), также он сказал: «Мы не пойдем на уступки террористам, мы их найдем, и они предстанут перед судом (“We will not yield to these **terrorists**, we will find them, we will bring them to justice”). Приводятся слова президента Буша, который заявил, что война с террором продолжается (*the war on **terror** goes on*). В сообщении дается сильная эмоциональная оценка данному событию, для чего используется слово *barbaric* (дикий, варварский, первобытный), и подчеркивается, что «особенно дико» (*particularly barbaric*), что это зверство было запланировано на время проведения саммита Большой Восьмерки, которая собралась, чтобы попытаться помочь решить вопросы бедности в Африке (*It’s particularly barbaric that this has happened on a day when people are meeting to try to help the problems of poverty in Africa*). Таким образом, здесь имплицитно противопоставляются варвары и цивилизованный мир, который несет добро.

В сообщении о взрывах в московском метро слов *terrorist, terror* нет ни в заголовке, ни в самом тексте сообщения. Вместо них встречаем — *suicide bombings, suicide bomb attacks, suicide bombers, militant groups*. Сообщается, что российские службы безопасности связывают подорвавшихся в метро с воюющими группировками (*militant groups*) на Северном Кавказе и отмечается, что предыдущие взрывы смертников в столице были осуществлены исламистскими повстанцами (*Islamist rebels*), которые борются за независимость Чечни от России (*fighting for independence from Russia in Chechnya*). И даже это утверждение, очевидно, представляется автору этих строк слишком категоричным, так как после глагола «совершили» он добавляет «или на них была возложена вина» (*Past suicide bombings in the capital have been carried out by or blamed on Islamist rebels fighting for independence from Russia in Chechnya.*) (<http://news.bbc.co.uk> 29.03.2010).

Таким образом, если взрывы в лондонском метро однозначно совершили варвары-террористы, которые бросают вызов всему цивилизованному миру и с которыми ведется война, то в Москве это были борцы за независимость, действия которых могут вызвать у читателей неоднозначное отношение — как осуждение, так и сочувствие.

Аналогичное наблюдение сделал писатель Ник Перумов, живущий в США, который сообщил интернет-телеканалу *Russia.Ru*, какой была реакция американ-

ских и английских СМИ на взрывы, прогремевшие в московском метро: «В США, в стране, которая сама пережила тяжелый террористический акт, случившееся вызвало плохо скрываемое злорадство. Достаточно открыть редакционную статью газеты *The New York Times*, чтобы прочитать все тот же клишированный набор фраз о «чеченских борцах за свободу», которых никогда не называют террористами — только *rebels* — повстанцы, восставшие, партизаны, которые, таким образом, вводятся в благородный контекст» (<http://www.vz.ru/news/2010/4/5/389947.html>).

Примеры подобного манипулирования общественным мнением не единичны. В информационном сообщении, опубликованном в газете *The New York Times* от 1 апреля 2010 г., говоря о главаре террористической группировки Доку Умарове, взявшем на себя ответственность за взрывы в московском метро, употребляются следующие слова: *chechen rebel warlord* (*warlord* — полководец, военачальник [10], *military leader* — [12]), “*self-styled*” *emir* (самопровозглашенный эмир), *president of the unrecognized independent Chechen Republic of Ichkeria* (президент непризнанной независимой Республики Ичкерии), *warrior* (воин), *key leader* (ключевая фигура). Как видим, ни в одном из них нет отрицательной оценки, в отличие от русских информационных текстов, где Доку Умарова называют *лидер чеченских боевиков*, *главарь чеченский сепаратистов*, *лидер кавказского бандподполья*, *главарь бандподполья*, *лидер бандформирований*, *бандитский главарь*, *активный участник террористического движения*, *террорист*.

То же видим в информационных сообщениях о террористическом акте в аэропорту Домодедово, произошедшем в январе 2011 г. Ср.:

Лидер северокавказских боевиков Доку Умаров взял на себя ответственность за теракт в московском аэропорту «Домодедово» (<http://www.lenta.ru/news>).

Лидер бандитского подполья на Северном Кавказе Доку Умаров взял на себя ответственность за теракт в аэропорту «Домодедово» (<http://chelovekizakon.ru>)

Chechen warlord Doku Umarov has claimed responsibility for last month's suicide bombing at a Moscow airport.

Doku Umarov is the Chechen **separatist warlord** most closely linked to recent deadly attacks on Russia (<http://www.bbc.co.uk/news>).

На сайте BBC в тексте, в котором перечисляются зверства, совершенные Умаровым, и называется число жертв (в том числе захват школы в Беслане, где погибло более 300 человек), встречаем многократное **Mr. Umarov**, что представляется кощунственным при всем уважении к английскому этикету:

The suicide attack on the arrivals area of Domodedovo international airport on 24 January left 36 people dead and 180 injured. In a video posted online, **Mr. Umarov** said the attack was a response to “Russian crimes in the Caucasus”.

Mr. Umarov is also said to have ordered the November 2009 bombing of a train from Moscow to St Petersburg that claimed 26 lives... (www.bbc.co.uk/.../world-europe-12269155).

Mr. Umarov is self-styled leader of the “Caucasus Emirate” and is considered the head of the Islamist militant insurgency in the North Caucasus. He is one of the few **prominent Chechen rebels** still active, having served as security minister in the Chechen separatist government from 1996—99 (<http://www.bbc.co.uk/news/world>).

Помимо уже названных средств создания «положительного» образа главаря боевиков следует также обратить внимание на прилагательное *prominent* (видный; известный; выдающийся; значительный) [10], которое имеет положительную коннотацию, в отличие от другого английского прилагательного *notorious* (печально известный, известный с плохой сторон) [10], которое было бы здесь более уместным, если бы автор не преследовал особой цели.

Как видим, несмотря на то, что англоязычные СМИ информируют аудиторию о всех преступлениях Умарова, они имплицитно формируют вполне нейтральное к нему отношение, в то время как российские СМИ, как правило, через эмоционально-оценочные средства прямо выражают свое резко отрицательное отношение.

Любопытно, что отношение к другому чеченскому лидеру — Рамзану Кадырову — англоязычные СМИ выражают по-другому. Так, после его назначения президентом Чечни газета *The Washington Post* опубликовала статью под заголовком *The Gangster President*, в которой, в частности, говорится:

THIS WEEK Vladimir Putin delivered another clear message about the kind of state Russia is becoming. He did so by nominating as the new president of the republic of Chechnya a man named Ramzan Kadyrov — **an unspeakably savage and corrupt warlord**. Mr. Kadyrov has done Mr. Putin a great service: Using his own militia — **gang** might be a better term — he has imposed order in the name of the Kremlin on most of the rebellious republic, allowing the Russian president to declare victory in the war he started more than seven years ago (*The Washington Post*, 03.03.2007).

Как видим, для характеристики Кадырова используются совсем иные оценочные средства — *unspeakably savage and corrupt warlord* (*savage* — дикий, варварский, свирепый, жестокий [10]), а его ополченцы называются бандой (*gang*), в заголовке сам Кадыров называется бандитом, гангстером (*gangster*), и никакого *Mr.* здесь нет, хотя он и президент.

Языковые средства воздействия широко используются для того, чтобы формировать у аудитории не только отношение к отдельным деятелям, но и к целым странам, а также проводимой ими политике. Так, осуждение Запада фактом отделения Абхазии и Северной Осетии от Грузии проявляется в регулярном использовании в СМИ прилагательного *breakaway* (отколовшиеся), в результате чего *breakaway regions*, а затем и *breakaway republics* стали штампами:

Russia signs treaties with Georgia's **breakaway regions** (<http://www.voanews.com/english/news>).

Venezuela today recognised the independence of Georgia's two **breakaway republics** of South Ossetia and Abkhazia, in an unexpected move that delighted Russia but provoked a vituperative response from Georgia (*Guardian*, 2009.09.10).

С 90-х гг. во время президентства Клинтона для обозначения стран, враждебно настроенных к США и не находящихся в фарватере американской политики (Иран, Ирак, Северная Корея, Афганистан, Ливия, Югославия), администрацией США стали употребляться словосочетания *rogue states* или *rogue countries*, быстро

подхваченные средствами массовой информации. Так, у слова *rogue*, имеющего значения «жулик, мошенник, негодяй, инородная культура», как биологический термин — «экземпляр, резко отличающийся от представителей породы, уклоняющаяся форма» [10], в данном сочетании появилось новое значение — «страна-изгой», которое еще не нашло отражения в англо-русских словарях, но отмечается в английских — «член группы, который ведет себя не как все и считается опасным или создающим проблемы (a rouge member does not behave in the same way as its other members and is considered dangerous or likely to cause problems)» [12]. В конце президентского срока Клинтона его администрация стала использовать более мягкий термин “*states of concern*” (страны, вызывающие озабоченность), однако во время администрации Дж. Буша понятие *rogue countries* было возрождено, а затем заменено на еще более сильное — *Axis of Evil* (ось зла), которое использовалось для обозначения Ирана, Ирака и Северной Кореи (другие страны по политическим причинам из данного списка были исключены). Впервые метафорическое выражение *Axis of Evil* прозвучало в обращении президента Буша в 2002 г.

Несмотря на то что выражения *rogue states*, *Axis of Evil* подвергаются резкой критике со стороны ряда политических, общественных деятелей и ученых, которые называют их шовинистическими (среди критиков данных идеологических штампов, в частности, известный американский лингвист Н. Хомски (см. <http://www.chomsky.info/interviews/200105>)), в англоязычных средствах массовой информации они широко используются и стали политическими штампами:

US to take North Korea off **rogue states** list and lift sanctions (Guardian, 26.07.2008).

Of all the countries on the US list of so-called “rogue states”, the case is the weakest for Cuba (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/1988810.stm>).

The original “**axis of evil**” list, pronounced by US President George W Bush in 2002, comprised Iraq, Iran and North Korea. US Undersecretary of State John Bolton has said that Syria, Libya and Cuba are also candidates (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/1988810.stm>).

Говоря о средствах скрытого языкового воздействия на массовое сознание, используемых СМИ, нельзя не упомянуть также эвфемизмы — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, неприличными, слишком резкими, грубыми или нетактичными (см. [4]). Эвфемизмы представляют собой способ непрямого и смягченного обозначения предмета, свойства, действия или явления. Таким образом, эвфемизация — понятие не столько языковое, сколько социальное, когда речь идет о публицистическом или политическом дискурсах — идеологическое.

Эвфемизация, как отмечают исследователи, выполняет две основные функции — используется как средство смягчения, понижения грубости и как средство сокрытия истины [2. С. 529]. В качестве манипулятивного средства в текстах СМИ они выполняют, как правило, вторую функцию.

В русских информационных текстах многие понятия заменены эвфемизмами, которые уже стали неотъемлемой частью новостной лексики. Вместо зловещего слова *война*, как мы уже отмечали, используются нейтральные *конфликт*, *операция*, а также *спецоперация*, *миротворческая операция* или *наведение конституционного порядка*. В армии расследуются не факты *издевательств старослужащих над новобранцами*, а *неуставные отношения*, боевиков не *убивают*, а *ликвидируют* и т.д.:

Российские силовики проводят крупномасштабную операцию по **ликвидации** одного из лидеров северокавказского бандитского подполья Доку Умарова.

Следственные органы установили, что на границе со Ставропольским краем **были ликвидированы** боевики, которые участвовали в нападении на конвой МВД (<http://www.interfax.ru/news>).

Эвфемизация наблюдается и в других сферах жизни, в частности, в экономической и социальной. Так, например, вместо *повышение цен* встречаем *либерализация цен*, *регулирование цен* или *неконтролируемое рыночное ценообразование*. Чтобы сгладить проблемы имущественного и социального неравенства людей, слово *нищие* заменено на менее эмоциональное *малообеспеченные*, а *бездомные* на *люди без определенного места жительства* или *бомжи*.

В английском языке эвфемизация — также широко распространенное явление, встречаемое в СМИ. Как и в русском языке, вместо *to kill* (убить) употребляется *to eliminate* (ликвидировать, устранить), вместо *killing* — *neutralisation*, *neutralization* (нейтрализация), что означает «устранение угрозы путем убийства или разрушения, особенно в тайных или военных операциях» (*the removal of a threat by killing or destroying it especially in a covert operation or military operation*) [13]:

Brit Asians travel to India to hire contract killers **to eliminate** the unwanted.

For the security forces, **the neutralization** of the two ...militants is a resounding success (<http://www.newsportal/world>).

Вместо *свержение режима* (*regime overthrow*), в случае, если этот факт получает официальное одобрение, употребляется нейтральное *regime change* — смена режима, вместо *deserting* (дезертир) появился эвфемизм *un-volunteering* (букв.: «недобровольец»), вместо *refugee* (беженец) — *internally displaced person* («временно перемещенное лицо»).

Во время войны во Вьетнаме получило распространение эвфемическое выражение *collateral damage* (букв: побочный ущерб), которое употребляется в отношении мирных жителей, погибших во время войны или военных операций: *The bombs were aimed at military targets but there was some collateral damage to civilian areas* [11].

Данное выражение широко осуждается общественностью за его циничный скрытый смысл и приводится в качестве примера двойных стандартов, когда убийство, названное другим словом, якобы перестает быть убийством. Так, Том Энгельхард в статье *The contemporary barbarism of air power: Collateral damage*, опубликованной в английском издании *Le Monde Diplomatique* 3 августа 2006 г., пи-

шет: «...в наших СМИ такие термины, как „варварство“ и „терроризм“ (*barbarism and terrorism*), не применяются к израильским бомбардировкам... Для премьер-министра Ливана то, что делает Израиль с его страной, может быть варварским разрушением (“*barbaric destruction*”)... Для нас это неточные удары бомб с лазерным наведением, побочный ущерб (*dumb hits by smart bombs, collateral damage*)» (*Le Monde Diplomatique, English edition, 03.08.2006*). Эти слова известного американского журналиста и писателя являются ярким свидетельством того, как одно и то же событие в зависимости от идеологических воззрений автора, стоящего за ним издания и всей политической системы может быть названо разными словами, по-разному охарактеризовано и, соответственно, по-разному воспринято аудиторией.

В данной статье мы назвали лишь некоторые способы скрытого воздействия на общественное мнение, используемые в СМИ, ограничившись в основном текстами информационных сообщений. В связи с усилением функции воздействия, наблюдаемого в современных средствах массовой информации, журналисты ищут новые приемы, привлекают новые языковые средства с целью привлечения внимания к тем или иным фактам действительности и формирования определенного к ним отношения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. — М.: Добросвет, Издательство «КДУ», 2009.
- [2] Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [3] Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. — М., 2008.
- [4] Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. — М.: Языки славянской культуры, 2004.
- [5] Михальская А.К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Тезисы докладов международной научной конференции. — М.: Добросвет, 2001.
- [6] Попова Т.И. Жанровая дифференциация, отбор языковых средств в публицистике: Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ // Русский язык и культура речи: Учебник для технических вузов / Под ред. В.И. Максимова и А.В. Голубевой. — М., 2006.
- [7] Трофимова О.В., Кузнецова Н.В. Публицистический текст: Лингвистический анализ: Уч. пос. — М.: Флинта, Наука, 2010.
- [8] Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. — М.: ЛКИ, 2007.
- [9] Chomsky N. Rogue States Draw the Usual Line <http://www.chomsky.info/interviews/200105>
- [10] НБАРС — Новый Большой англо-русский словарь: В 3 т. / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. — М.: Русский язык, 1999.
- [11] LDELС — Longman Dictionary of English Language and Culture. — Addison Wesley Longman, 1998.
- [12] MED — Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. — Macmillan Publishers Limited, 2002.
- [13] MWD — Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

LANGUAGE MECHANISMS USED TO MANIPULATE PUBLIC OPINION IN ENGLISH AND RUSSIAN NEWS TEXTS

**T.V. Larina, V.I. Ozyumenko,
E.B. Ponomarenko**

Foreign Languages Department, Faculty of Philology
Foreign Languages Department, Faculty of Law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The paper touches upon some implicit language mechanisms used by British, American and Russian mass media, particularly in news texts, to influence public opinion by forming some specific stereotypes in the minds of the masses while relating to political and social events as well as countries and public figures.

Key words: language manipulation, manipulative influence, public opinion, emotional evaluation, euphemism.

РУССКОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕДАЧИ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ С УЧЕТОМ ВИДОВ ГЛАГОЛА

М. Ашрафи Рад

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Данная статья посвящена проблемам понимания деепричастия в различных значениях носителями персидского языка и эквивалентам его перевода на персидский язык. Ввиду отсутствия строго соответствующей категории деепричастия в персидском языке, а также ввиду того, что русское деепричастие образуется от двух видов, не имеющих категориальных эквивалентов в персидском языке, при изучении русского языка деепричастие вызывает для персоговорящих значительные трудности.

Ключевые слова: деепричастие, наречие, эквивалент, перевод, персидский язык.

Деепричастие — категория русского языка, которая в персидском языке не имеет точного эквивалента. Похожая категория («масдар») образуется только от редких глаголов, поэтому персоговорящие сталкиваются с некоторыми проблемами понимания при образовании и переводе.

Кроме временного, деепричастие имеет различные значения. Однако многие студенты, особенно на первых стадиях изучения русского языка, усваивают только его временное значение.

Определенные трудности при поиске оптимального перевода на персидский язык возникают по нескольким причинам и требуют освещения следующих вопросов.

1. Нахождение относительного эквивалента русскому деепричастию в персидском языке.
2. Определение стилистических особенностей деепричастия, поскольку использование деепричастия делает речь более литературной и в зависимости от его образования — более архаичной.
3. Описание сходства и различий между категориями деепричастия русского языка и соответствующими категориями персидского языка. Попутно мы хотели бы предложить метод изучения деепричастий персоговорящими студентами для облегчения усвоения деепричастия русского языка.
4. Составление номенклатуры всех возможных значений деепричастия с примерами предложений, в которых могут употребляться деепричастия с различными значениями.

Структура деепричастия в русском языке в сопоставлении с персидским языком

По происхождению русское деепричастие связано с краткими причастиями настоящего времени, утратившими категории рода, числа и падежа и превратившимися в неизменяемые формы [4. С. 9]. Деепричастие — это формы причастия с родовыми, числовыми и падежными окончаниями причастия настоящего и прошедшего времени, причем употребленными в форме именительного падежа един-

ственного числа мужского рода (например, любя, прибыв, спустя) или именительного падежа множественного числа того же рода: будучи, едучи, крадучись. Считается, что формант «чи» вытеснил более древней «че», по-видимому, под влиянием господствующего в словах окончания мужского рода именительного падежа множественного числа [6].

Деепричастия выражают не абсолютное время, а относительное, т.е. обозначают время не по отношению к моменту речи, а по отношению к моменту совершения другого действия, выраженного глаголом-сказуемым: одновременное действие (*идет вперед, оглядываясь по сторонам*), предшествующее действие (*отдохнув, пошли дальше*), последующее действие (*вышел из комнаты, резко закрыв за собой дверь*).

По мнению Д.Э. Розенталя, деепричастия (самостоятельно или в сочетании с зависимыми словами) выполняют следующие синтаксические функции:

а) второстепенного сказуемого. *Волны несутся, гремя и сверкая* (Тютчев) (ср.: *волны несутся, гремят и сверкают*);

б) различного вида обстоятельства, сопутствующего основному действию. *Сидеть, прислонясь к спинке стула* (обстоятельство образа действия). *Проверив работу, передать ее учителю* (обстоятельство времени). *Задержаться, опоздав на поезд* (обстоятельство причины). *Имея свободное время, можно многое сделать* (обстоятельство условия). *Даже сильно отстав от других, он все же решил продолжать состязание* (обстоятельство уступки) [4].

Деепричастие несовершенного вида в зависимости от ситуации выражает различные значения

1. **Обстоятельственное значение:** деепричастие несовершенного вида может употребляться в обстоятельственном значении и в этом случае отвечает на вопрос «как?», в таких случаях его можно заменить наречием:

Я бродил под зеленеющими деревьями, **радуясь** чему-то.

من زیر درختان سبز قدم می زدم در حالی که از چیزی شاد می شدم.

(ср. персидское досл.: «Я бродил под зеленеющими деревьями, и становился рад чему-то.»)

Когда деепричастие несовершенного вида употребляется в обстоятельственном значении, оно отвечает на вопрос «как?» или «при каком условии?», и выражает состояние или условие совершения действия. В приведенном примере оптимальным вариантом перевода на персидский язык часто будет (*درحالی که*) или просто форма **наречия**. Другим вариантом перевода можно считать сочетание следующих случаев (*درحالی که*). Однако зачастую для перевода деепричастия необходимо передать общее содержание предложения.

2. **Временное значение:** когда деепричастие употребляется во временном значении, оно выражает одновременность действий, выражаемых деепричастием и глаголом, при этом одновременность может быть полной или частичной:

Разговаривая о своих делах, подруги шли по парку.

دوستان در پارک راه می رفتند و همزمان با هم صحبت می کردند.

(ср. перс. досл.: «Подруги шли по парку и одновременно разговаривали о своих дела.»)

В приведенном примере для перевода деепричастия несовершенного вида оптимальным следует считать варианты, когда глаголы употребляются во временном значении в порядке значимости (وقتی که) и (همزمان). Однако в таких случаях почти всегда можно употребить перс. форму (همزمان), и это будет правильным переводом. Употребление перс. формы (وقتی که) делает стиль речи более плавным, более идиоматичным для персоговорящих. Их сочетание во многих случаях можно перевести только союзом (و), в других случаях, учитывая контекст, необходимо перевести содержание всего предложения.

3. Причинное значение: в этом случае деепричастие отвечает на вопрос «зачем?» или «почему?», но временное значение также присутствует:

Плохо **зная** этих людей, он не хотел встречаться с ними.
چون او مردم را خوب نمی شناخت، نمی خواست آنها را ببیند.

(ср. перс. досл.: «Так как он плохо знал этих людей, не хотел встречаться с ними.»)

Оптимальным вариантом перевода деепричастия в причинном значении следует считать слово (چون), так как деепричастие выражает причину действия. Однако перс. формы (چونکه), (از آنجایی که), (به خاطر اینکه), (زیرا که) тоже могут употребляться.

4. Условное значение: деепричастие несовершенного вида в этом случае может заменяться союзами «если» и «если бы», но следует отметить, что временное значение тоже выражается в этих случаях.

Работая по специальности, он никогда не будет уставать.
اگر او در زمینه تخصصش کار کند هیچ وقت خسته نخواهد شد.

(ср. перс. досл.: «Если он будет работать по специальности, он никогда не будет уставать.»)

В вышеперечисленных примерах для перевода русского деепричастия всегда можно использовать слово (اگر) как в случае несовершенного, так и совершенного вида.

5. Уступительное значение: в таких случаях деепричастие несовершенного вида может заменяться союзами, несмотря на то, что время также выражается в форме деепричастия.

Работая не по специальности, у нее не было никаких проблем.
اگر چه او در زمینه تخصص خودش کار نمی کرد، اما مشکلی ندا شت.

(ср. перс. досл.: «Хотя она работала не по специальности, но у нее не было никаких проблем.»)

Здесь для перевода деепричастия в уступительном значении оптимальным нужно признать использование персидских форм (اگر چه), (بااین که).

Значения деепричастия совершенного вида

Деепричастие совершенного вида в зависимости от ситуации употребляется в различных значениях.

1. Обстоятельственное значение: деепричастие совершенного вида указывает на обстоятельство совершения действия и одновременно несет временное зна-

чение (указывает на окончание действия), т.е. указывает на окончание одного действия и условие возникновения другого действия, выражаемого глаголом.

Закончив свою работу, Павел написал маме записку и ушел в кино.
پاول در حالی که کارش را تمام کرده بود برای مادرش یادداشتی نوشت و به سینما رفت.

(ср. перс. досл.: «Павел закончил свою работу и написал маме записку и ушел в кино.»)

Оптимальным для перевода данной фразы (деепричастия совершенного вида в обстоятельственном значении) будет вариант с персидскими формами (و) и (در حالی که), но здесь, в отличие от несовершенного вида, перевод выражает окончание одного действия и состояние подготовки к следующему действию.

2. Временное значение: деепричастие совершенного вида выражает последовательность действий, т.е. одно действие заканчивается и другое начинается.

Узнав, что Наташа заболела, Николай сразу позвонил ей.
بعد از اینکه نیکولای دانست که ناتاشا مریض شده، به او زنگ زد.

(ср. перс. досл.: «После того, как Наташа заболела, Николай сразу позвонил ей.»)

Для перевода деепричастия во временном значении оптимальным будет перевод с использованием форм (بعد از اینکه) и (و). Варианты (پس) и (سپس) также могут употребляться.

3. Причинное значение: деепричастие совершенного вида в предложениях, которые выражают причинное значение, как будто совмещает в себе временное значение и причинное значение.

Засомневавшись в своих занятиях, он пошел в библиотеку посмотреть кое-какую литературу.
چون که او به اطلاعا تش شک کرد، به کتابخانه رفت تا کتابی را نگاه کند.

(ср. перс. досл.: «Так как он засомневался в своих занятиях он пошел в библиотеку посмотреть кое-какую книгу.»)

Оптимальными для перевода деепричастия совершенного вида будут варианты, в которых присутствует причинное значение: перс. формы (چونکه), (چون), (از آنجایی که), (برای اینکه).

4. Условное значение: деепричастие отвечает на вопрос «если?». Это значение может выражать деепричастие совершенного вида. Деепричастие несовершенного вида не может выражать прошедшее и будущее время, и выражает только настоящее время. Однако при любом употреблении русского деепричастия скрытое временное значение также выражается.

Встав в 7 часов утра, мы не опоздали бы на поезд.
اگر ما ساعت 7 بیدار شده بودیم، قطار را از دست نداده بودیم.

(ср. перс. досл.: «Если бы мы встали в 7 часов утра, мы не опоздали бы на поезд.»)

В этом примере деепричастие совершенного вида можно перевести на персидский словом (اگر). Следует отметить, что деепричастие в условном значении может выражать как реальное, так и нереальное условие.

5. Уступительное значение: деепричастие совершенного вида в этом значении может заменяться союзами, несмотря на то, что и здесь вид глагола сказыв-

вается на значении и может употребляться в прошедшем и в будущем времени, т.е. выражать скрытое временное значение.

Выполнив все свои задания, ученик был взволнован.

اگر چه دانش آموز همه تکالیفش را انجام داده بود، اما همچنان نگران بود.

(ср. пер. досл.: «Хотя ученик выполнил все свои задания, но он все еще был взволнован.»)

Для деепричастия совершенного вида можно найти и другие эквиваленты в персидском языке (با این که), (اگر چه), (علی رغم اینکه).

Неопределенные деепричастия

Нужно отметить, что встречаются случаи, которые с точки зрения значения невозможно включить в рамки описанных вариантов. Вероятно, для их описания необходима какая-то новая категория. Таких примеров достаточно много, приведем лишь некоторые.

1. Они написали текст, **не сделав** ни одной ошибки.
آنها متن را بدون ارتکاب اشتباهی نوشتند.
2. Девочка пела и смеялась, **забыв** о своей обиде и слезах.
دختر بچه آوازی خواند و می خندید و رنج و اشکهایش را فراموش کرده بود.
3. Медсестра вошла в палату и заговорила громко, **не обратив** внимания на то, что в палате некоторые больные спали.
پرستار وارد اتاق شد و بلند شروع به صحبت کرد، بدون توجه به این که در اتاق چند بیمار خوابیده اند.

Основной задачей изучения деепричастия русского языка и приблизительно соответствующего ему отглагольного наречия персидского языка состоит в их сопоставлении и нахождении адекватных эквивалентов при переводе.

Перечисленные значения русских деепричастий дают основания для выделения близких персидских эквивалентов, основанных на способах образования русских деепричастий (от различных видовых основ). В зависимости от способа образования деепричастия (видовой основы глагола) наблюдаются определенные отличия в стилистических и семантических компонентах переведенного высказывания. Зачастую для адекватного перевода русских деепричастий требуется изменение конструкции фразы или описательный перевод, что вызвано несовпадением грамматических категорий (русские деепричастия и персидские отглагольные наречия) сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. — М., 2001.
- [2] Грамматика русского языка. — Т. I. — М., 1982.
- [3] Розенталь Д.Э. Современный русский язык, международные отношения. — М., 1996.
- [4] Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М., 1976. — С. 9.
- [5] Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — М.: УРСС, Москва, 2001.
- [6] Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 2002.

VERBAL ADVERB IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE WAYS OF ITS TRANSLATION INTO PERSIAN WITH THE REGARD FOR THE ASPECTS OF THE VERB

M. Ashrafi Rad

Russian and foreign literature department
The Peoples' friendship university of Russia
Miklukho-Maklai str., 6, Moscow, Russia, 117198

The current article is dedicated to the problems of verbal adverb's understanding among Persian-speaking students and it also focuses on equivalents of its translation into Persian. Because of absence of verbal adverb's category in Persian and since it is formed by two aspects which have no equivalents in Persian, studying of verbal adverb presents serious difficulties for Persian-speaking students.

Key words: Verbal adverb, adverb, equivalents, translation, Persian language.

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ РАСШИРЕНИЯ И УСЛОЖНЕНИЯ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

А.Н. Мамедов

Кафедра западноевропейских языков и методики их преподавания
Московский педагогический государственный университет
пр. Вернадского, 88, Москва, Россия, 119991

Транслят рекламного текста ИЯ не может полностью соответствовать критериям коммуникативной эквивалентности без адекватной передачи инвариантной функциональной доминанты — конструкции, расширяющей/усложняющей синтаксическую структуру рекламного предложения. При переводе данных конструкций в макроконтексте практически всегда находятся варианты соответствия в ПЯ, наиболее точно передающие значение такой конструкции в конкретных условиях ее употребления.

Ключевые слова: повторы, перечисления, причастные конструкции, экспансия синтаксической структуры, транслят, коммуникативная эквивалентность, инвариантная функциональная доминанта, лексико-грамматические трансформации.

В настоящей статье мы рассматриваем некоторые стилистико-синтаксические приемы, репрезентирующие эмоционально-смысловую доминанту и связанные с экспансией рекламного предложения. На наш взгляд, образец удачной рекламы представляет собой гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые данной идее наиболее соответствуют: *Angestellter zu sein ist gut, Angestellte zu haben ist besser* — Быть служащим хорошо, а иметь служащих лучше (Stern № 40. 2001. Р. 114). Так, в приведенном примере субстантивированные причастия в сочетании с инфинитивной конструкцией и сравнительным оборотом как нельзя более лаконично и экспрессивно отражают мечту об обеспеченной жизни.

Известно, что для расширения синтаксической структуры в современном немецком языке авторы текста прибегают к следующим стилистическим приемам: перечисление, всевозможные виды повторов (простой контактный, анафорический, эпифорический, анадиплос или повтор-подхват, синтаксическая тавтология), эмпатические конструкции.

В качестве приемов усложнения, а тем самым и удлинения синтаксической структуры предложения выступает номинализация именных членов предложения, т.е. расширение их состава за счет атрибутивных и адвербиальных групп, а также усложнение группы сказуемого за счет именных определений. Данные приемы расширения смыслового объема членов предложения, которые насыщаются информацией статуса самостоятельного предложения, нацелены на языковую экономию изложения [1. С. 102, 105]. Интерес для нас в рамках данной статьи представляют следующие стилистические средства расширения/усложнения немецкоязычного рекламного предложения: повторы, перечисления, причастные конструкции.

Важно учесть, что текст печатной немецкой рекламы сформирован в соответствии с основными характеристиками национального менталитета. Это значит, что самобытность рекламных текстов делает их зачастую трудно переводимыми, при переводе теряется яркость и эмоциональность рекламы, кроме того, разрушается механизм прокоммуникационного психологического воздействия. Чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть интегрирован в культурную среду языка перевода и отвечать определенным оценочным критериям — эквивалентности. Применительно к настоящему исследованию коммуникативная эквивалентность [4] приобретает достаточно определенное содержание — это отношение между рекламным текстом ИЯ и текстом ПЯ, исходя из цели коммуникации, которая возникает в тех случаях, когда при переходе от оригинала к конечному тексту сохраняется или остается инвариантной коммуникативная ценность текста.

Данная коммуникативная ценность отвечает определенным функциональным параметрам, которые мы идентифицируем так: расширение-усложнение синтаксической структуры за счет языковых единиц, способных трансформировать грамматические образы в эмоциональные.

Итак, повторы и перечисления добавляют новые оттенки к содержанию рекламного текста, помогают усилить восприятие положительных свойств рекламируемого объекта и выделить его в ряду конкурирующих. При переводе текста, включающего данные приемы расширения синтаксической структуры, мы рассмотрим возможность сохранения семантико-структурного подобия оригиналу и в то же время адаптации ПТ к иной коммуникативной компетенции. Наше внимание сосредоточивается на возможно более полной передаче смыслового и идейного содержания ситуации рекламного текста при сохранении почерка копирайтера. Например:

Bridgestone.

Bei uns dreht sich alles um den perfekten Reifen.

Bei allem, was wir tun, konzentrieren wir uns auf herausragende Qualität und Sicherheit. Auf Innovationen, umweltschonende Konzepte und Höchstleistung unter anspruchsvollsten Bedingungen. Aber am wichtigsten ist: all unsere Leidenschaft und Erfahrung stecken in jedem einzelnen Reifen.

Unsere Leidenschaft für herausragende Technologie, Qualität und Service steht im Mittelpunkt unseres Engagements für Sie. Wo immer Sie auch sind. Bridgestone begeistert und bewegt (Stern. — 2010. — № 21. — P. 47).

(Шины Bridgestone (1))

Мы стремимся сделать шины совершенными. Наши шины сочетают в себе отличное качество, надежность, инновационные технологии, экологичность и максимально высокие технические характеристики при проверке в самых жестких условиях. Но важнее всего то, что мы используем весь наш опыт при разработке каждой шины.

Наши обязательства перед клиентами заставляют нас постоянно стремиться к совершенству в технологиях, качестве продукции и сервисе.

Шины Bridgestone сделают вождение приятным и безопасным.)

Следует отметить, что сознательное использование повторов в тексте ИЯ соответствует скрытой стратегии рекламодателя: заинтриговать потенциального по-

купателя за счет оформительской стороны реплики в рекламном тексте, навязать свою мысль, установить эмоциональную связь с адресатом. Мы учитываем и то, что употребление местоимений само по себе считается особенностью разговорного синтаксиса. Поэтому сохранение местоимений в анафорической позиции при переводе рекламного текста компании Бриджстоун, общепризнанного мирового лидера по производству шин для полноприводных автомобилей, более или менее адекватно представляет в тексте ПЯ смысл, стиль и экспрессию оригинала. Замена личного местоимения ИЯ «wir» на притяжательное местоимение ПЯ «наши» вполне адекватна, так как «притяжательные местоимения немецкого языка являются по существу формами родительного падежа личных местоимений» [3. С. 34].

При переводе высказывания рекламодателя — «Bei uns dreht sich alles um den perfekten Reifen» — требуется творческое переосмысление прямого содержания высказывания, образуемого семантическими значениями входящих в него языковых знаков. Слова, составляющие высказывание ИЯ, имеют обобщающий характер, предоставляя больше возможностей для толкования переносного смысла. Последующий перевод осуществляется с применением лексико-грамматических трансформаций, которые вызваны необходимостью более точной передачи содержания оригинала. Для привлечения внимания потребителя ИЯ используется широкий диапазон привычных образцов немецкого разговорного языка, которые придают эмотивное значение обычным словам и выражениям, достаточно типичным для общения в неофициальной обстановке: «Bei uns dreht sich alles um...», «Bei allem, was wir tun...». Мы считаем нецелесообразным копировать при переводе стиль обиходного общения, так как, в данном конкретном случае, он не создает равноценный оригиналу эффект. Дело в том, что подобное «оформительское» явление рекламного текста ИЯ производит впечатление, главным образом, на носителей языка. Реальное употребление слов в речи в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива [5. С. 25].

Необходимо учесть, что русскоязычный потребитель сможет осмыслить подобные предложения ИЯ только на фоне синтаксически трансформированных, законченных, сформулированных структур ПЯ. Поэтому лексические трансформации «Мы стремимся сделать шины совершенными. Наши шины сочетают в себе...» конкретизируют стереотипы обиходно-разговорной речи ИЯ.

Изолированное предложение «Auf Innovationen, umweltschonende Konzepte und Höchstleistung unter anspruchsvollsten Bedingungen», включающее перечисление однородных членов, привносит в текст рекламы элементы спонтанности устной речи, естественности выражения. Однако стратегическая ориентированность автора настоящей статьи на газетно-публицистический стиль печатной русскоязычной рекламы не позволяет в полной мере воссоздать стилистический синтаксис оригинала. Применяя синтаксическую трансформацию, мы объединяем два простых предложения: «Наши шины сочетают в себе отличное качество, надежность, инновационные технологии, экологичность и максимально высокие технические характеристики при проверке в самых жестких условиях».

В семантико-синтаксической структуре ПЯ при перечислении однородных членов используется комбинация двух видов связи — асиндетической и синдетической: первые два элемента связываются бессоюзно, перед последним ставится союз *und*.

Языковое содержание исходного предложения «*Aber am wichtigsten ist: all unsere Leidenschaft und Erfahrung stecken in jedem einzelnen Reifen*» воссоздается в переводе почти в полном объеме. Использование лексических трансформаций обусловлено, прежде всего, нормами языка перевода и необходимостью ясно выражать понятую мысль. Семантически избыточное существительное «*Leidenschaft*» опускается. Другим соображением в пользу приема опущения является необходимость осуществить, по мере возможности, компрессию текста при переводе. Лексическое добавление «при разработке» представляется адекватным способом передачи материала подлинника и не разрушает инвариантности общего смысла. Глагол «*stecken*» с широким референциальным значением конкретизируется путем обращения к общему смыслу предложения и к ситуации действительности: «используем».

Определение денотата или речевой ситуации предложения «*Unsere Leidenschaft für herausragende Technologie, Qualität und Service steht im Mittelpunkt unseres Engagements für Sie*», включающего компоненты с широкозначной семантикой: существительные «*Leidenschaft*», «*Qualität*», требует использования универсального приема конкретизации, так как из контекста неясно, о каком видовом понятии идет речь. Учет прагматического фактора при переводе абстрактного существительного «*Leidenschaft*» — пристрастие (к кому-л., чему-л.), увлечение (кем-л., чем-л.) является необходимым условием достижения коммуникативной эквивалентности. Необходимо пояснить, что девиз компании: «*Bridgestone — стремление к совершенству*». С учетом этой информация, содержащаяся в тексте ИЯ имплицитно, в переводящем тексте выражается эксплицитно: «стремиться к совершенству». Далее в предложении ИЯ происходит перестройка синтаксической схемы, в ходе которой требуется ввести в предложение ПЯ глагол «заставляют». Словосочетание ИЯ «*steht im Mittelpunkt*» является семантически избыточным и подвергается опущению.

Поиск иноязычной речевой формулы, способной обозначить выявленную ситуацию, приводит нас к выбору адекватной речевой единицы «*Наши обязательства перед клиентами заставляют нас постоянно стремиться к совершенству в технологиях, качестве продукции и сервисе*».

Очевидно, что глагол «*begeistern*» в предложении «*Bridgestone begeistert und bewegt — восхищать, вдохновлять, увлекать*» показывает очень широкий диапазон семантических оттенков побуждения. Оптимистический настрой должен, по замыслу рекламодателя, оказать соответствующее воздействие на адресатов рекламного текста и в конечном итоге «подтолкнуть» их к покупке замечательных покрышек Bridgestone. В очередной раз, с помощью лексических трансформаций, мы стремимся передать рекламное предложение ИЯ, используя русский стиль изложения, нейтрализуя на русском языке имеющуюся зачастую в подлиннике излишнюю образность и фамильярно-разговорные элементы: «*Шины Bridgestone сделают вождение приятным и безопасным*».

Акцентируя внимание на функционировании причастных оборотов, следует отметить, что в сложном синтаксическом целом немецкоязычного рекламного текста они становятся конструктивно значимыми, передающими коммуникативно востребованные реляционные смыслы и в той или иной форме синтагматически предусмотренными, так как являются одним из способов усложнения референтных ситуаций.

Важнейшей причиной использования причастий при составлении рекламного текста ИЯ является их способность расширять информативную сторону высказывания путем введения новых фактов-сведений, и в то же время служить экономичным языковым способом представления ситуации действительности. Например:

Design-Uhrenradio

Hervorragendes Design — überzeugender Klang: Dank des beweglichen Displays können Sie das Design-Uhrenradio nach Belieben quer oder hochkant aufstellen. Beleuchtetes LC-Display, Wecker, Kalender und Thermometer. Inklusive Batterien. Maße: ca. 18×8,2×10 cm (Der Spiegel. — № 33. — 10.8.09. — P. 82).

(Дизайнерские радиочасы.

Стильный дизайн и качественное звучание. Благодаря поворотному дисплею можно установить стильные радиочасы в горизонтальное или вертикальное положение в соответствии с Вашими желаниями. Модель оснащена жидкокристаллическим дисплеем с подсветкой, будильником, календарем и термометром. В комплект входят батареи. Размеры: 18×8,2×10 см.)

На примере перевода рекламного предложения о продаже стильных радиочасов мы видим, что для достижения точности потребовались лексико-грамматические замены и перестановки. Переводческие трансформации в рекламном тексте предопределяются, прежде всего, комплексным употреблением стилистико-синтаксических приемов экспансии. Решению прагматических задач воздействия на реципиента-потребителя способствуют: аппозитивное словосочетание, причастие 1, инфинитивная конструкция, перечисление с использованием асиндетона. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что рекламные предложения ИЯ обнаруживают похожую комбинацию стилистико-синтаксических приемов экспансии. Аппозитивное словосочетание ИЯ «Design-Uhrenradio» заменяется атрибутивным словосочетанием ПЯ «дизайнерские радиочасы». Англоязычное существительное «Design», понятное носителям ИЯ и ПЯ, передано прилагательным «дизайнерский». Первый компонент в составе сложного слова ПЯ при перестановке выступает в качестве признакового элемента в сложной субстантивной номинации: «Uhrenradio — радиочасы». Следует добавить, что сложное слово ИЯ «Uhrenradio» можно передать словосочетанием аппозитивного типа с характеризующим компонентом «часы-радио». Радиочасы — это не только прибор для определения времени, но и аксессуар, который имеет свой стиль дизайна. В связи с этим причастие 1 в словосочетании ИЯ «Hervorragendes Design» заменяется на прилагательное «стильный дизайн». Наш перевод дает смысловые оттенки, некоторые дополнительные элементы толкования, что в сумме адекватно информации описываемого слова.

«Гибридные глагольно-прилагательные формы» [2. С. 227] причастия 1 «überzeugend» способны указывать не только на смысловые оттенки количественной экспрессивности (интенсивность процесса), но и обозначать признак, создаваемый действием самого предмета. Немецкое причастие 1 в функции определителя существительного ИЯ «Klang» заменяется прилагательным «качественный», содержащим в своей семантике положительную рациональную оценку. Оценочное значение связывает высказывание с действием, выражает рекомендацию брэнда и имплицитно мотивировку рекомендации. Инфинитивная конструкция «können aufstellen» передана на основе функционального тождества лексико-грамматической адекватной заменой «можете установить» для выражения модального значения возможности совершения субъектом действия. Прилагательное «beweglich», имеющее довольно абстрактное значение, конкретизируется при переводе как «поворотный».

Предложение с бессоюзным соединением однородных членов удалось перевести, сохранив почти буквальную точность и соответствие слов ИЯ и ПЯ. При переводе мы используем трансформацию добавления, то есть формально не выраженные слова в ИЯ «Модель оснащена...» подвергаются восстановлению.

Лексические добавления необходимы и при переводе эллиптического предложения ИЯ: «Inklusive Batterien. — В комплект входят батареи».

Заканчивая статью, следует сделать некоторые выводы:

— наибольшая степень эквивалентности рекламных текстов ИЯ и ПЯ характерна для уровней коммуникативной цели высказывания и идентификации ситуации, которые сравнительно мало зависят от функционирования немецкого и русского языков;

— лексические единицы, репрезентируемые в рекламных текстах ИЯ и ПЯ, совпадая по своему референциальному значению, значительно расходятся в отношении прагматических значений, то есть по стилистической характеристике и эмоциональной окраске;

— транслят рекламного текста ИЯ не может полностью соответствовать критериям коммуникативной эквивалентности без адекватной передачи инвариантной функциональной доминанты — конструкции, расширяющей/усложняющей синтаксическую структуру рекламного предложения;

— при переводе исследуемых единиц в макроконтексте практически всегда находятся варианты соответствия ПЯ, наиболее точно передающие значение такой конструкции в конкретных условиях ее употребления.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Шоджиро Ишибаши, первый производитель шин в Японии, связал свое предприятие с английской вариацией своего имени (фамилия Ишибаши переводится как «stone bridge» — Bridgestone).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. — М.: Высшая школа, 1983.
- [2] Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1986.

- [3] Вульферт И.И. Пособие по переводу немецкого научно-технического текста. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1961.
- [4] Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. — М.: Международные отношения, 1980.
- [5] Тимко Н.В. Основные проблемы лингвокультурной трансляции в процессе перевода (на материале переводов английских, немецких и русских художественных текстов): Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2002.

SOME STYLISTIC AND SYNTACTIC DEVICES OF EXPANSION AND COMPLICATION OF A GERMAN ADVERTISING SENTENCE IN TRANSLATION INTO RUSSIAN

A.N. Mamedov

West European Languages Chair
and a technique of their teaching
Moscow State Pedagogical University
Vernadskogo ave., 88, Moscow, Russia, 119991

The translate of an advertising text of source language doesn't fully correspond the criteria of communicative equivalence without an adequate transfer of the invariant functional dominance, the construction, which expands or complicates the syntactic structure of an advertising sentence. Alternative correspondences of the target language, which fully transfer the meaning of such construction in certain cases of its usage, are often being found in macrocontext in the process of translation of such constructions.

Key words: repetitions, enumeration, participial constructions, expansion of syntactic structure, translate, communicative equivalence, invariant functional dominance, lexical and grammatical transformations.

КОМПЛИМЕНТ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (на материале русского и вьетнамского языков)

Нгуен Тху Хыонг

Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается комплимент как важный элемент культурного поведения, его определение, функционирование в разных сферах современного общества. Анализ осуществляется на материале русского и вьетнамского языков. Представлены также самые типичные ситуации функционирования комплиментов в русском и вьетнамском языках с примерами.

Ключевые слова: комплимент, важный элемент, определение, функционирование, речевой этикет, современное общество.

В последние годы значительно возрос интерес к процессу межличностной коммуникации, к способам достижения наибольшей эффективности общения. Осмысление проблем современной речевой практики заставляет нас обратиться к опыту комплиментарной речи, сложившейся в речевой культуре и оказавшей влияние на нормы речевого поведения. За всю историю функционирования в русском и вьетнамском языках комплимент не только претерпел ряд трансформаций в семантическом и лексико-грамматическом аспектах, но и прошел периоды значительного ослабления интереса к себе как к единице изящного, галантного стиля речи. Возрождение интереса к комплименту в современном обществе, а также появление новых семантических оттенков значения слова «комплимент» в русском и вьетнамском языках заслуживают особого внимания, детального изучения и оценки.

Современный этикет весьма демократичен: он дает возможность выбора и творческого решения в неожиданных и нестандартных условиях. Более строгие и упорядоченные правила этикета функционируют в сфере делового общения. Причем культура современного делового общения была заимствована у Запада. Коммуникабельность — одно из основных личных качеств, необходимых практически любому человеку для достижения успеха в современном мире. Для многих современных профессий умение находить общий язык, быстро менять линию поведения и настраиваться на одну волну с абсолютно разными людьми является частью профессиональных компетенций. Помогают выстроить отношения приемы эффективной коммуникации, которые во многом построены на доброжелательности, вежливости, тактичности.

«Учитесь слушать собеседника. Занимайте его беседой. Умейте говорить комплименты: они одинаково приятны и мужчинам и женщинам. Старайтесь в каждом человеке найти что-нибудь хорошее. В любом из нас есть что-то достойное восхищения, попробуйте заменить это и оценить по достоинству» [11. С. 162].

Что касается самого слова «комплимент», то с течением времени, в силу политических и социальных изменений в мире в целом, в России и Вьетнаме, в частности, и изменений этикетных норм в обществе, произошла почти полная утрата ряда его первоначальных значений: «изъявление почтения (в сфере дипломатии)», «выражение чувств по поводу чего-либо», «поклон» и «приветствие». Сегодня значение «поклон» зафиксировано только в энциклопедических словарях: *комплимент* — традиционный поклон артиста по окончании номера и при его повторных выходах на манеж в ответ на вызовы зрителей (преимущественно в цирке) [Большой Российский энциклопедический словарь, 2003]. Толковые словари современного русского языка приводят только одно значение слова *комплимент*: «Любезные, приятные слова, лестный отзыв» [Ожегов, 1994]; «Любезность, лестные слова, содержащие похвалу» [Ушаков, 2001]; «Лестное для кого-либо замечание, любезный отзыв» [Евгеньева, 1982]; «Приятные, лестные слова, сказанные в чей-либо адрес» [Ефремова, 2000].

По определению вьетнамского автора Нгуен Ван Куанг, комплимент понимается как положительная оценка со стороны лица, группы людей, общества и т.п. в адрес какого-либо другого лица, группы людей, общества и т.п. или какого-л предмета или явления. Комплимент представляет собой речевой акт, который существует во всех культурах мира и во все времена. Он функционирует почти во всех языках для осуществления разных коммуникативных целей, таких как ведение разговора, выражение чувства ободрения, благодарности и т.д.

Таким образом, по мнению Нгуен Ван Куанг, речевой акт «комплимент» носит субъективный характер. Субъективность данного акта проявляется на практике в том, что один человек может получать комплименты от одних людей, но он может подвергаться нареканию со стороны других. Например, А — веселый и активный человек, одни про него говорят:

Anh ấy rất quần chúng và tháo vát, lúc nào cũng tươi cười. (Он откровенный человек. Улыбка всегда на его губах.)

Однако другие могут сказать по-другому, не соглашаясь с этим мнением:

Thằng cha ấy cứ bắng nha bắng nhắng, lúc nào cũng nhăn nhó nhỏ nhỏ. (Он несерьезно относится к работе, всегда шутит.)

В конце XX — начале XXI в. востребованными стали такие области, как экономика, маркетинг, реклама, предпринимательство и бизнес. Возможно, именно поэтому сегодня слово *комплимент* в значении «поощрительный подарок, бонус» функционирует в различных сферах бизнеса, чаще всего в ресторанном деле. То новое, что заинтересовало русского человека в традициях западных рестораторов, было названо «хорошо забытым старым», как бы повторно заимствованным словом. В меню и рекламных проспектах многих современных ресторанов, кафе и развлекательных центров мы видим следующие рекламные объявления:

Закажите два десерта «Клубника со сливками» и Вы получите бутылочку 0,2 Asti Martini **в качестве комплимента** (кофейня «Шоколадница»).

Некоторые выражения отдаленно напоминают давно исчезнувшие значения *комплимента*:

Ресторан Jeroboam **в качестве комплимента** дарит **приветственный** бокал шампанского.

Известно, что в начале XVIII в. в русском языке *комплимент* имел одним из своих значений «поклон», «приветствие». Отмечено, что почти во всех случаях слово *комплимент* употребляется в составе устойчивого словосочетания. Подобные выражения встречаются и в акциях других видов бизнеса, например:

При покупке квартиры в доме, в качестве дополнительного бонуса, мы дарим Вам одно машино-место на цокольном этаже дома. В то время когда парковочные места продаются дополнительно и цены доходят до 110 000 долларов США, мы дарим их нашим клиентам **в качестве комплимента**.

Современное общество проявляет высокий интерес к комплименту как незаменимому элементу делового общения. Стали вновь востребованы его контактоустанавливающая и эффективная прагматическая (а именно воздействующая) функции. Бизнес-общество огромное значение придает знанию и четкому соблюдению поведенческого и речевого этикета. Поэтому сегодня вполне возможно говорить о постепенном возвращении еще одного исчезнувшего значения слова *комплимент* — как этикетного, дипломатического выражения почтения. Комплименты в адрес делового партнера помогают изменить негативную установку общения.

«Искусство комплимента заключается, прежде всего, в том, чтобы адресат речи почувствовал себя польщенным и в то же время не обнаружил плохо скрытой целевой установки говорящего, не обнаружил неумеренного захваливания, намеренной лести или двусмысленности, которые могут вызвать у адресата речи настороженность, недоверие или даже раздражение» [9. С. 176].

Адресанту при обращении прежде всего следует фокусироваться на внутренних и лишь затем на внешних качествах партнера.

Содержание комплиментов может быть связано со следующими внутренними качествами адресата: мудрость, организованность, динамичность, мужественность, память, ловкость, стойкость, сдержанность и т.д. Комплименты партнеру должны быть конкретными, что позволяет адресату почувствовать правдивость и искренность слов, сказанных в его адрес. У адресата есть стремление услышать или прочитать о себе что-то характерное для него — то, что характеризует его с положительной стороны. Таким образом он может узнать, какой он по сравнению с другими людьми, которые с ним работают, и почувствовать себя в положении выше говорящего по статусу. Адресант должен в своих комплиментах использовать слова, которые получают поддержку партнера.

Комплименты чаще встречаются в деловой устной речи, но они могут присутствовать и в письменной речи. Они обычно направлены к определенному лицу, следовательно, персональные обращения сочетаются с комплиментами. С культурно-специфической точки зрения речевой акт «комплимент» находится под влиянием

янием и других факторов, таких, как культурные ценности, коммуникативный стиль, традиция и обычай. Это объясняется тем, что одно и то же явление может быть темой комплимента в одних культурных сообществах, а в других оно оказывается темой нарекания или в редких случаях даже оскорбления [2]. Например, в русском обществе восемнадцатилетний парень считается самостоятельным, когда он сам снимает квартиру и живет со своими друзьями. В то же время такого парня во вьетнамском обществе считают «эгоистичным». Или в другом примере: если в русской и европейской культурах комплимент типа «*Сегодня Вы такая сексуальная*» принято высказывать женщинам, во вьетнамской и некоторых азиатских культурах такие слова считаются оскорблением. На основе речевой структуры выделяются следующие типы комплиментов: 1) прямой комплимент; 2) косвенный комплимент; 3) комплимент-антитеза; 4) комплимент-ответ.

Построение **прямого комплимента** достаточно стандартно. Он, в основном, имеет трехчастную композицию: обращение, собственно сообщение и характеристику объекта.

— Людмила Ивановна, Вы на самом деле очень красивы. Ни у кого я не видела таких роскошных волос и выразительных глаз!

— Вы, как всегда, очаровательны.

В **косвенном комплименте** реализуется способность адресанта к нестандартному мышлению и его адекватной вербализации. В этой группе комплиментов адресант хвалит не самого адресата, а то, что ему дорого.

— Какие у Вас красивые дети! Своими голубыми глазками и светлыми кудряшками они удивительно напоминают ангелочков!

Похвала может относиться к адресату опосредованно.

— У меня была знакомая — восхитительнейшая женщина. Вы удивительно похожи на нее!

Адресат может хвалить какие-либо достижения адресанта.

— Довольно тяжело что-нибудь пожелать человеку, у которого творческих достижений в тридцать лет больше, чем у некоторых под конец жизни...

Так же, как и в косвенном комплименте, **комплимент-антитеза** реализует способность адресанта к нестандартному мышлению и его адекватной вербализации. Комплименты этого типа строятся на антитезе.

— Знаете, мне Вас искренне жаль... Наверное, нелегко быть такой красивой женщиной?!

— Когда я читала вашу книгу, то жалела только об одном... Что ее написала не я!

Этот вид комплиментов психологи считают самым эмоциональным и запоминающимся. Однако «минус» ни в коем случае не должен перевесить «плюс», иначе результат может оказаться обратным тому, на который рассчитывал адресант.

Комплименты-ответы довольно однотипны. Они редко содержат обращение и мотивацию и состоят в основном из сообщения о положительном качестве собеседника. В большинстве случаев это сообщение является косвенным комплиментом.

— Вы замечательно танцуете!

Ну что Вы! С вами это совсем не трудно!

— В разговоре с вами я и не заметил, что уже так поздно! Правда, мне все равно не к кому спешить...

Ни за что не поверю, что это так. Такой человек как Вы, просто не может быть одиноким!

Таким образом, комплимент, являясь неотъемлемым компонентом речевого этикета, современной речевой практики, как средство гармонизации межличностного взаимодействия отражает этические ценности народа, и, следовательно, обладает национальной спецификой. В русском и во вьетнамском языках наблюдаются и общие черты, и различия в употреблении и функционировании таких единиц речевого этикета, как комплименты. Большое внимание также уделяется способам приема комплиментов.

Приведенная далее таблица наглядно демонстрирует самые типичные ситуации функционирования.

Таблица

**Типичные ситуации функционирования комплиментов
в русском и вьетнамском языках**

Русский язык	Вьетнамский язык
Комплимент при встрече после длительной разлуки, означающий, что собеседник хорошо выглядит, что внешность его не изменилась	
<i>Вы хорошо выглядите</i>	<i>Trông anh khá lắm!</i>
<i>Вы великолепно выглядите!</i>	<i>Trông anh(chị) thật tuyệt vời!</i>
<i>Вы молодо выглядите!</i>	<i>Chị trông thật trẻ! Chị trông trẻ hơn tuổi.</i>
<i>Как вы хорошо выглядите после отпуска!</i>	<i>Trông bạn thật tuyệt sau kì nghỉ!</i>
<i>Вы не меняетесь. Вы не изменились.</i>	<i>Trông anh/chị vẫn như xưa. Trông anh/chị chẳng thay đổi chút nào cả!</i>
<i>Вы все молодеете.</i>	<i>Trông anh như trẻ lại!</i>
<i>Вы все такой же.</i>	<i>Trông chị chẳng thay đổi gì cả!</i>
<i>Время вас не берет.</i>	<i>Trên gương mặt anh/ chị không hề có dấu hiệu của tuổi tác!</i>
<i>Время вас не меняет.</i>	<i>Thời gian chẳng làm thay đổi được khuôn mặt của chị!</i>
<i>Кого я вижу! Сколько лет, сколько зим! А ты не изменяешься, время тебя не берет!</i>	<i>Ồ, ai đây nhỉ? Bao nhiêu năm rồi không gặp bạn. Trông bạn vẫn chẳng thay đổi tí nào!</i>
<i>Вам невозможно дать 40 лет.</i>	<i>—Chị trông trẻ hơn tuổi 40 của mình rất nhiều! — Chị đã 40 tuổi rồi ư? Trông chị trẻ hơn tuổi rất nhiều!</i>
<i>Неужели это ваша дочь? Вы очень молодо выглядите, вам нельзя дать ваших лет. Вы с дочкой скорее похожи на сестер!</i>	<i>Ồ, đó là con gái chị đấy ư? Nhìn chị không thể đoán được tuổi. Trông hai người cứ như là hai chị em ấy.</i>
<i>Тебе не дашь твоих лет!</i>	<i>Trông chị trẻ hơn tuổi nhiều!</i>

Русский язык	Вьетнамский язык
Комплиментом может служить прямое указание на положительные качества собеседника	
Вы обаятельны (обаятельный).	Chị rất duyên dáng!
Вы очень умны.	Anh/chị rất thông minh!
Вы так умны!	Anh/chị thật thông minh!
Как вы умны!	Sao mà anh / chị thông minh vậy!
Вы такой умный!	Anh/chị thông minh quá!
Какой вы умный!	Anh/chị là người rất thông minh!
Комплимент содержит высокую профессиональную характеристику собеседника или его высокие нравственные качества	
Вы хороший специалист.	Anh/chị là một chuyên gia giỏi!
Вы прекрасный преподаватель.	Anh/chị là một giáo viên xuất sắc!
Вы прекрасный переводчик.	Anh/chị là một phiên dịch tuyệt vời!
Вы исключительный математик.	Anh là một nhà toán học đặc biệt!
Вы превосходный музыкант.	Anh /chị là một nhạc sĩ đẳng cấp!
В комплименте могут быть охарактеризованы отдельные черты человека	
У вас хороший голос.	Giọng nói của anh/chị tuyệt vời! Anh/chị có giọng nói tuyệt vời!
У вас хорошая улыбка.	Nụ cười của chị thật đáng yêu!
У вас красивые глаза.	Đôi mắt của chị thật tuyệt!
У вас красивые волосы.	Mái tóc của chị thật đẹp!
У вас красивые зубы.	Anh/chị có hàm răng thật trắng trẻo, đều đặn!
У вас прекрасная фигура.	Anh /chị có thân hình thật cân đối!
У вас чудесный голос.	Giọng nói của anh / chị mới tuyệt vời làm sao!
У вас прекрасная походка.	Dáng đi của chị thật uyển chuyển!
У вас хороший характер.	Tính cách của bạn thật tuyệt vời!
У вас мягкий характер.	Chị thật dịu dàng!
У вас добрый характер.	Chị thật tốt bụng!
У вас покладистый характер.	Chị thật dễ tính (thoải mái)!
У вас острый ум.	Anh/chị thật sắc sảo!
У вас тонкий ум.	Anh/chị thật tinh tế!
У вас проницательный ум.	Anh/chị thật tinh ý!
У вас критический ум.	Anh/chị thật có đầu óc phê phán!
У вас хороший вкус.	Anh/chị thật biết cách thưởng thức!
У вас прекрасный вкус.	Con mắt thẩm mỹ của anh /chị thật tuyệt vời!
У вас тонкий вкус.	Anh/chị có con mắt thật tinh tế!
У вас хорошее чувство юмора.	Anh/chị thật có khiếu hài hước!
У вас тонкое чувство юмора.	Ốc khôi hài của anh/ chị thật tinh tế!
Комплимент по поводу внешности, одежды, прически адресуется как правило, женщинам	
Вас красит этот костюм.	Bộ quần áo này thật hợp với bạn!
Вас красит эта шляпа.	Cái mũ này làm cho chị thật đẹp!
Вам идет этот костюм.	Anh/chị trông thật đẹp với bộ quần áo này! Anh/chị rất hợp với bộ quần áo này! Bộ quần áo này làm cho anh/ chị đẹp hơn!
Вам идет этот цвет.	Chị rất hợp với màu này!
Вам идет эта прическа.	Kiểu đầu(tóc) này rất hợp với chị!
Вам идут эти туфли.	— Đôi giày này rất hợp với chị! — Đôi giày này rất vừa vặn với chị!

Русский язык	Вьетнамский язык
Вам идет улыбаться.	Nụ cười làm cho chị đẹp rạng rỡ!
Вам идет коротко стричься.	Anh/chị thật hợp với kiểu tóc ngắn!
Вам идет одеваться в яркие тона.	Anh/chị thật hợp với gam màu sáng!
Вам к лицу эта блузка.	Cái áo này thật hợp với chị!
Вам к лицу этот цвет.	— Chị thật hợp với màu này! — Màu này đúng là dành riêng cho chị!
Вам к лицу эта шляпка.	Chiếc mũ này rất hợp với khuôn mặt chị!
Вы всегда красиво одеты.	— Chị luôn biết cách ăn mặc! — Trang phục của chị lúc nào cũng đẹp!
Вы всегда модно одеты.	Chị luôn ăn mặc rất hợp thời trang!
Вы всегда по моде одеваетесь.	Chị lúc nào cũng thật là mốt!
Вы всегда со вкусом одеты.	Cách ăn mặc của chị thật tinh tế!
Вы так элегантно одеты.	Anh/chị ăn mặc thật lịch sự!.
Вы всегда одеваешься с таким вкусом!	Cậu ăn mặc thật phong cách!
Комплимент, выражающий положительную оценку манеры поведения собеседника	
С вами интересно общаться, разговаривать.	Thật thú vị khi gặp gỡ và nói chuyện với anh/ chị.
С вами приятно говорить.	Nói chuyện với anh/chị thật dễ chịu!
С вами приятно иметь дело.	Làm việc với anh/chị thật dễ chịu!
С вами легко говорить, иметь дело.	Nói chuyện với anh thật thoải mái!
С вашим характером легко жить.	Sống với anh/chị thật thoải mái (dễ chịu)!
С вашим характером легко общаться с людьми.	Anh/chị thật thân thiện với mọi người!
Комплимент может относиться к родным и близким собеседника	
У вас прелестный ребенок.	Đứa bé thật dễ thương!
У вас очаровательная жена.	Vợ của anh thật tuyệt vời!
У вас симпатичные родители.	Bố mẹ của bạn dễ mến quá!
Какая у вас милая дочка!	Con gái chị đáng yêu quá!
У вас такая молодая мать!	Mẹ cậu thật trẻ!
У тебя очень умный муж!	Chồng cậu thật là thông minh!

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Đỗ Hữu Châu. Đại cương ngôn ngữ học — Ngữ dụng học // Nhà xuất bản Giáo dục. — Hà Nội, 2001.
- [2] Nguyễn Văn Quang. Một số khác biệt giao tiếp lời nói Việt-Mỹ trong cách thức khen và tiếp nhận lời khen // Luận án tiến sĩ ngữ văn. — Hà Nội, 1999.
- [3] Phạm Thái Việt. Đại cương về văn hóa Việt Nam // Nhà xuất bản Văn hóa — Thông tin. Hà Nội, 2004.
- [4] Белан Д.В. Комплимент в американской и французской коммуникативных культурах (сопоставительный анализ): Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
- [5] Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики // Яз. славянск. культуры. — М., 2001.
- [6] Зверева Е.В. Коммуникативно-речевая ситуация «комплимент» (на материале испанского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1995.
- [7] Леонтьев В.В. «Комплимент», «Лесть», «Похвала» в структуре английской языковой личности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 1999.
- [8] Ожегов С.И. Толковый словарь. — М., 1991.

- [9] *Проницев В.П.* Compliments and speech etiquette // IV International symposium on linguistics. Theses of reports and communications. — M., 1994.
- [10] *Семенова Е.А.* Compliment as an expressive-imaginative means of Russian language XVII—XVIII centuries // Semantics of words and semantics of texts: collection of scientific works. Vol. IX. — M.: Izd-vo MGOU, 2009.
- [11] *Семенова Е.А.* Place and role of compliment in Russian language: Diss. ... cand. philol. sci. — M., 2010.

**COMPLIMENTS PLAY THE ROLE AS AN IMPORTANT
BEHAVIORAL CULTURE FACTOR IN MODERN SOCIETY
(based on the Materials in Russian and Vietnamese)**

Nguyen Thu Huong

Department of Russian Language and Teaching Method
Philologically Faculty
Russian Peoples' Friendship University
Miklukho-Maclay str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article studies on compliments as an important factor of cultured behaviors in communication, and on their rules and impacts in various aspects of modern life. The analysis is based on Russian and Vietnamese materials which include the most typical situations.

Key words: compliment, important factor, behavior, impact, etiquette of speech, modern society.

ПОНЯТИЙНЫЙ ОБЪЕМ ТЕРМИНОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЯХ

А.В. Овчинникова

Филологический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова

Несвижский пер., 10-6, Москва, Россия, 119021

На примере современной русистики и испанистики автор статьи исследует основной терминологический массив для обозначения различных типов социальных диалектов. В статье описаны номинативные базы в социолингвистической традиции исследуемых языков, осуществлен краткий сравнительный анализ понятий, и для всех терминов приведены краткие исторические справки.

Ключевые слова: арг, жаргон, социолект, сленг, общий жаргон, социолингвистика, испанистика.

В современной социолингвистике все чаще рассматривается такое явление, как социальные диалекты. Это связано с тем, что в речь определенных групп и слоев населения все больше проникают элементы, которые отклоняются от нормы литературного языка. Влияние субстандартных слов и выражений становится заметным в речи политиков, предпринимателей, деятелей культуры, на телевидении и в прессе.

В связи с растущим интересом к социальным диалектам возникает множество специальных терминов, призванных описать все многообразие ненормативных слоев языка. В этой статье рассмотрены основные социолингвистические термины в современной российской и испанской (1) филологии.

В отечественной лингвистике существует несколько научных школ, разрабатывающих данную проблематику, и каждая из них располагает собственным набором понятий. Таким образом, существует несколько подходов к терминологии. Тем не менее, можно говорить о существовании общей номинативной базы, трактовка которой варьируется в зависимости от школы. За основу берутся либо понятия, заимствованные из зарубежных лингвистических школ, либо термины, образованные по аналогии с иностранными, либо происходит переосмысление традиционных понятий отечественной лингвистики.

Термин *арго* (франц. *argot*) пришел в науку из французского языка и изначально понимался как язык деклассированных элементов общества — нищих, воров, цыган. Первое упоминание о слове датируется серединой XVII в. и предположительно имеет общее происхождение с разговорной лексемой *harigoter* (хулить, скверно отзываться) и диалектной *haricotter* (придираться к пустякам, оспаривать). Практически сразу формируются две точки зрения об объеме понятия. Первое толкование — более узкое — понимает арг как язык деклассированных элементов. Второе — более широкое и выходящее за лингвистическую сферу употребления — как особый язык различных профессий, «специфические выражения какой-либо профессии» [19].

В отечественной лингвистической традиции до сих пор сосуществуют широкая и узкая интерпретации термина *арго*. В Лингвистическом энциклопедическом словаре представлено широкое понимание термина: «арго — это особый язык некоторой ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков». Словарь указывает на вторую возможную трактовку. «„Арго“ чаще употребляется в узком смысле, обозначая способ общения деклассированных элементов, распространенный в среде преступного мира (воровское арго)» [7. С. 371].

Схожее понимание термина предложено Б.А. Лариным, одним из первых отечественных социолингвистов. Арго воспринимается как язык представителей определенной профессии или социальной группы и характерен именно для городского коммуникативного пространства [6. С. 175—176].

Э.М. Береговская понимает арго как «совокупность нетерминологических слов, которые правятся определенной социальной группой» [1. С. 56].

Л.И. Скворцов дает следующее определение термина. «Арго — социальная разновидность речи, характеризующаяся узкопрофессиональной или своеобразно освоенной (в смысловом и словообразовательном отношениях) общеупотребительной лексикой, нередко с элементами условности, искусственности и «тайности». Арго является принадлежностью относительно замкнутых групп и сообществ... В строго терминологическом смысле арго — это речь низов общества, деклассированных групп и уголовного мира: нищих, воров, картежных шулеров и т.п.» [9. С. 23—24].

В.В. Химик указывает на существование противоречия в толковании термина различными научными школами. «Понятие *арго*, с одной стороны, как бы дублирует термин *жаргон*, а с другой стороны, сужается до его частной разновидности: *арго* — это *воровской жаргон*. Противоположный подход к проблеме — расширенное толкование понятия *арго*: любые герметические системы, от закрытых систем типа семейного арго до открытых, массовых, типа так называемого московского арго. Для обеих позиций оказывается избыточной номинация *сленг*, которую иногда считают лишь результатом моды и позднего воздействия англоязычной культуры» [11. С. 12]. Исследователь предлагает подход, в котором обе точки зрения на понятие *арго* пересекаются. «Арго — это закрытая лексическая подсистема специальных номинаций, обслуживающих узкие социальные интересы, чаще всего профессиональные» [11. С. 12].

Помимо ряда явлений, традиционно оцениваемых как «арготические» (язык мошенников, воров, бродяг), возможно применение термина *арго* к языкам других, «легальных» профессий. В.В. Химик указывает на существование арго компьютерщиков, спортсменов, профессиональных водителей и т.д. В рамках такого подхода снимается противоречие в широкой и узкой трактовке термина.

Еще одним из наиболее частотных терминов социолингвистики является «жаргон», который традиционно трактовался шире, чем арго. Лексема *jargon* появляется во французских текстах в XII в., а в значении «особый язык, речь жуликов, арго» зарегистрирован на столетие позже [ATILF, *jargon*].

В русистике термин *жаргон* нередко трактуется как синоним *арго*. Так, по определению ЛЭС, «жаргон — это разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в XIX в.), интересов (жаргон филателистов) или возраста (молодежный жаргон)... От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией и особым использованием словообразовательных средств» [7. С. 360].

Тем не менее, большинство исследователей разделяют сферы применения каждого из терминов. Уже в 1930-х гг. В.М. Жирмунский отмечал, что функции жаргона и арго различны. «Специфическим отличием арго от других видов жаргона является его профессиональная функция», тогда как «корпоративные жаргоны являются своего рода общественной забавой, языковой игрой, подчиненной принципам эмоциональной экспрессивности...» [5. С. 118—119].

Л.И. Скворцов понимает жаргон как «социальную разновидность речи, характеризующуюся профессиональной (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией общенародного языка. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных групп, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п. (напр., жаргон охотников, спортсменов, моряков)» [9. С. 82—84].

По мнению В.В. Химика, «жаргон — значительно более широкое понятие, полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества» [11. С. 13].

Ряд источников указывает на то, что основная отличительная черта жаргона — его игровая сущность. Доминирующая функция — это не обслуживание профессиональных интересов, а создание определенной образности, в которой передавались бы отношение к описываемому предмету, эмоции, оттенок (эмоционально-экспрессивная и людическая (игровая) функции). «В открытых группах (молодежь) жаргон — это „коллективная игра“» [20; 11. С. 13].

ЛЭС подчеркивает, что в «замкнутых группах жаргон — это также сигнал, различающий „своего“ и „чужого“, а иногда — средство конспирации» [7. С. 1361]. Л.И. Скворцов предлагает похожую идею: «жаргонизм легко узнаваем и более или менее понятен всем, для этого его и используют: употребляя жаргонное слово, говорящий манифестирует либо имитирует свою принадлежность к определенной социальной группе и выражает отношение к окружающему... с позиции этой социальной группы» [9. С. 13].

Еще одним из наиболее часто обсуждаемых понятий является *сленг*. По поводу объема понятия и правомерности его употребления в российской социолингвистике уже не одно десятилетие идут споры. Номинация сравнительно недавно вошла в понятийную базу отечественной науки, и ее значение не устоялось полностью.

Лексема *сленг* (англ. *slang*), возможно, происходит от норвежского *slengenamn* (кличка). Впервые употребляется в английском языке в середине XVIII в. (1756)

в значении «особый словарь мошенников или воров». Первое употребление в значении «разговорный язык с живыми и модными выражениями» зарегистрировано в 1818 г. В современном английском языке, по определению Оксфордского толкового словаря, сленг — это «особо неформальные слова и выражения, характерные для разговорной речи, широко используемые представителями особых групп, например, детьми, преступниками, солдатами и т.п.» (ATILF).

В российской филологии термин *сленг* понимается по-разному в рамках различных научных школ и направлений.

И.Р. Гальперин в своей статье «О термине „сленг“» [2. С. 105—112] ссылается на неопределенность этого понятия и вообще отрицает ее существование. Его аргументация основана на результатах исследований английских ученых-лексикографов, которые показывают, что одно и то же слово в словарях имеет различную лингвистическую интерпретацию. Гальперин не допускает существование сленга как самостоятельной речевой разновидности, предлагая использовать номинацию в качестве английского синонима термина *жаргон*.

Тем не менее, большинство отечественных лингвистов признают существование сленга как отдельного явления среди социальных диалектов.

Авторы ЛЭС описывают сленг как «1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам); 2) совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи» [7. С. 4253]. В данном случае понятие трактуется как синоним другого вида социолектов — жаргона.

Многие лингвисты полагают, что *сленг* — это понятие, имеющее собственный контекст употребления.

По мнению В.В. Химика, «сленг — это практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый регистр, предназначенный для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной)». Исследователь отмечает следующие характерные черты: «сленг черпает материал из групповых и профессиональных жаргонов и характеризуется некоторой социальной ограниченностью, но не групповой, а интегрированной и переходной: это язык скорее социальных низов, чем верхов, это «язык» скорее молодых, чем пожилых, и это «язык», скорее ориентируемый на социально близких, «своих», чем на «чужих» [11. С. 14].

Схожее определение сленга предлагает О.С. Ахманова, считая его элементом «разговорного языка той или иной другой профессиональной или социальной группы, который, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретает в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию)» [цит. по: 11. С. 14].

М.М. Маковский трактует термин как «особый исторически сложившийся и в большей или меньшей степени общий всем социальным слоям говорящих вариант языковых (преимущественно лексических) норм, бытующих в сфере уст-

ной речи и генетически и функционально отличный от жаргонных и профессиональных элементов языка» [цит. по: 3. С. 40].

Помимо общепризнанных в современной лингвистике социолектов в отечественной науке сложился ряд понятий, непосредственно с ними связанных и так или иначе коррелирующих с одним из них.

Одними из самых популярных наименований промежуточных языковых образований являются термины *интержаргон* и *общий жаргон*. Попробуем определить, обладают ли данные языковые образования чертами, достаточными для их подразделения на социолекты, или это синонимичные названия одного явления в различных научных школах.

Интержаргон, по концепции, предложенной В.В. Химиком, представляет собой более универсальный и «прозрачный» синоним англоязычному понятию *сленг*, а также дублирует понятие *общий жаргон*. «Интержаргон — совокупность ненормативных, но социализованных (наддиалектных) слов, значений и фразеологизмов жаргонного происхождения — особая сфера массовой живой речи, открытая, пополняющая разговорный язык, нестабильная подсистема» [12. С. 2].

Химик определяет интержаргон как «жаргонный слой современного городского просторечия», «один из двух его главных составляющих» (второй частью городского просторечия исследователь считает деловое просторечие) [12. С. 2].

Что касается понятия *общий жаргон*, то появление его отмечено сравнительно недавно. Это не помешало быстрому распространению термина в русистике. В 1999 г. вышло издание «Слова, с которыми мы встречались» [10], которое определяется авторами как «словарь общего жаргона».

К тому же проблемой выделения общего жаргона среди субстандартных языковых форм в городском просторечии занимается пермская лингвистическая школа, в частности, Т.И. Ерофеева и Н.В. Хорошева [13].

Термин *общий жаргон* введен Е.А. Земской. В указанном словаре дается определение понятия: «общий жаргон — это тот пласт современного жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями русского литературного языка» [10. С. 3].

Н.В. Хорошева определяет общий жаргон как «промежуточное языковое образование, через которое лексика социальных диалектов проникает не только в просторечие, но и в разговорный язык в целом» [13. С. 1].

По мнению некоторых исследователей, в самом термине заключено противоречие между понятием *жаргон* с его стремлением к кастовости и определением «общий», т.е. доступный для всех. Н.В. Хорошева объясняет этот оксюморон как «отражение амбивалентности самого объекта: субстанциально данные единицы принадлежат к одной ФСЯ (2), а функционально — к другой». Таким образом, общий жаргон — это «промежуточное образование, которое с необходимостью сочетает свойства разных сущностей» [13. С. 1].

Как и в случае с интержаргоном, исследователи отмечают, что «языковой субстанцией» общего жаргона являются социальные диалекты. Этот факт объясня-

ет его одновременные тенденции к «замкнутости и разомкнутости», изменяющие свои «пропорции» под влиянием динамики социальных факторов» [13. С. 2].

Сопоставив объемы исследуемых понятий, а также ряд существенных черт и функций, мы можем говорить о том, что термины *сленг*, *интержаргон* и *общий жаргон* имеют единую понятийную основу и описывают один и тот же вид субстандартной языковой формы.

В романских языках, и в частности в испанской лингвистике, классификацию социолингвистических терминов также сложно назвать устойчивой. Исследователи отмечают, что в течение XX в. объем и характеристики понятий претерпевали постепенное изменение вслед за экстралингвистическими факторами (3). Следовательно, значения терминов со временем устаревают, и современные *argot* или *jerga* описывают понятия иначе, чем это было полвека назад. К тому же в испанистике, как и в отечественной социолингвистике, существует несколько тенденций интерпретации каждого из терминов.

Самыми распространенными терминами являются *argot* и *jerga*, реже встречаются *caló*, *jerigonza* и *germania*. Особняком стоит более общее, родовое понятие *lenguaje*. Рассмотрим каждую их номинаций подробнее.

Научный интерес к термину *argot* появляется в Испании уже в начале XX в. с выходом словаря Л. Бессеса «Словарь испанского аргю». Автор словаря противопоставляет новый для испанистики французский термин традиционному понятию *germania*, которое считает устаревшим и лишенным развития [14. С. 3].

В определениях современных словарей испанского языка можно встретить три основных значений слова.

1. Воровской язык, тайный говор преступных элементов.
2. Особый, «технический» язык в какой-либо профессии.
3. Язык определенной социальной группы, имеющий целью очертить границы «свой—чужой».

При анализе значений, выявленных в основных толковых словарях, можно отметить принципиально новые черты в эволюции номинации. Конспиративный, тайный характер *argot* оказывается нерелевантным. На первый план выходит маркированность такого языка относительно определенного коллектива, причем как на основании общей работы и интересов, так и положения в обществе (*argot juvenil*).

Среди самых характерных черт *argot* исследователи отмечают «агрессивность языка, акцент на негативных качествах и недостатках, снижение оценки, юмор, изобретательность, иронию, лингвистическую игру и преувеличение» [17. С. 14].

В последние десятилетия с термином *argot* соперничает по популярности понятие *jerga*. Несмотря на французскую этимологию термина, *jerga* считается более укоренившимся в испанской лингвистике, на что указывают А.П. Денисова [4. С. 4] и П. Даниель [17. Р. 13].

Ж. Короминас свидетельствует о том, что слово *jerga* происходит от староксиканского *gergon*, зарегистрированного в значении «язык преступников» или «непонятный язык» в тексте XIII в. Лексема пришла в Италию и Испанию из Фран-

ции, и на Пиренейском полуострове привела к появлению фонетических дуплетов: *gergon*, откуда перешло в *jerga*, а также в окситанскую форму *girgons*, которая впоследствии сформировала отдельное понятие в языковой картине мира — *jerigonza* [16. С. 508—510].

В последних изданиях самых крупных словарей испанского языка определения понятия *jerga* если и не совпадают полностью, то во многом схожи. Выделим основные значения в рамках понятия.

1. Социальный диалект, служащий для выделения определенной прослойки общества на основании общих интересов.

2. Язык представителей одной профессии, облегчающий общение среди специалистов в определенной сфере деятельности.

3. Сложный для понимания язык, нечеткое произношение.

Как и в случае с термином *argot*, отошел на задний план оттенок маргинальности, с которым лексема пришла в испанский язык. Первым и главным значением во всех словарных статьях всегда предлагается «язык определенной профессии», а в случае с «социальными говорами» идут определенные, пусть и незначительные, расхождения в трактовках.

Таким образом, можно говорить о том, что в современном пиренейском варианте испанского языка понятие *jerga* — это, скорее, обозначение специального технического языка, чем социального диалекта.

Еще одним употребительным понятием в научной среде и в публицистике является слово *lenguaje*. Исследователи часто предпочитают этот термин как более общий для всех субстандарных языков и ФСЯ, тем более что в целом он коррелирует с французским *langage*, подробно описанным в работах Ф. де Соссюра. В публицистике и повседневном общении понятие *lenguaje* часто предпочитают как наиболее прозрачное, нейтральное и понятное собеседнику.

Это слово появляется в кастильском наречии в Средние века и происходит либо от древнеокситанского *lengatge* (из творчества трубадуров), либо от каталонского *llenguatge*. Чаще всего *lenguaje* служил синонимом слова *lengua*.

Современные словари в большинстве случаев приводят одни и те же значения. Рассмотрим определение «Словаря Испанской королевской академии» (DRAE).

1. Совокупность произносимых звуков, с помощью которых человек выражает мысль или ощущение.

2. Язык (система устного общения).

3. Манера выражаться. Напр., *lenguaje grosero, culto, sencillo, técnico, forense, vulgar*.

4. Стил и мода речевого и письменного поведения определенного человека.

5. Речевое употребление или способность говорить.

6. Совокупность сигналов с целью передачи информации. Напр., *el lenguaje de los ojos, el lenguaje de las flores*.

7. (информ.) Совокупность сигналов и правил, обеспечивающих общение с компьютером.

Таким образом, понятна популярность этого термина в широком кругу источников. Номинация *lenguaje* оказывается релевантной и для лингвистики. Сле-

дует, однако, отметить некоторую аморфность термина и его полисемию, что мешает науке использовать его в специальных контекстах.

Помимо основных понятий, которыми обычно пользуются для обозначения социального диалекта, есть ряд менее употребительных лексем. В публицистике и в некоторых специализированных изданиях можно встретить термины *caló*, *germanía* и *jerigonza*.

Jerigonza, как уже говорилось ранее, — это фонетический дублет слова *jerga*. По данным словарей (DRAE) [21. Р. 1704 и др.] легко заметить, что отождествление с его дублетом *jerga* сохраняется и в настоящее время. Именно поэтому в смысловое поле *jerigonza* содержит пейоративный оттенок, который ранее был характерен и для понятия *jerga*. Тем не менее, основным и самым частым значением этой лексемы является все же «неразборчивая речь».

Что касается термина *germanía*, то разногласия в прочтении тут значительнее, и они легко объяснимы. *Germanía* — это прямой предшественник современных социальных диалектов, который сыграл важную роль в формировании этого понятия. Неудивительна столь долгая преемственность термина в кругах специалистов, несмотря на то, что явление *germanía* как таковое не существует уже несколько веков.

По данным словаря Ж. Короминаса, термин происходит из каталанского *germanía* — братство, что, в свою очередь, образуется из однокоренного *germà* (брат). Это слово начинает употребляться в средневековом городе Валенсии, знаменитом с XVI в. ростом преступности и маргинальности.

Очень рано появилось значение *germanía* как языка маргиналов. Именно эта номинация появляется в текстах Ф. де Сильвы и Р. Де Рейносы в начале XVI в. [16. Р. 347].

При рассмотрении современных словарных определений становится заметно, что значение *germanía* как исторического явления не первостепенно. Границы значения *germanía* как социального диалекта значительно расширяются по сравнению с историческими. Так, одним из новых значений термина является «жаргон (неформальный язык, который используют в общении представители одной профессии или рода деятельности)» К тому же понятие становится употребительным по отношению к современной действительности: преступная или маргинальная группа людей, по данным словарей, может называться *germanía* [24. Р. 2330].

Таким образом, можно говорить об узуальности термина *germanía* в современной речи. Ни один из словарей не предлагает особой пометы, поэтому говорить об этой лексеме как о лингвистическом термине представляется сомнительным.

Понятие *caló* (4) сыграло важную роль в формировании номинативной базы в испанской лингвистике.

История этого термина насчитывает несколько веков и в трудах многих исследователей плотно переплетается с явлением *germanía*: «важным вопросом в изучении *germanía* является его контаминация с языком цыган» [16. Р. 358]. К. Клаверия отмечает, что в Испании и других странах «произошло смешение языка цыган и аргос преступников, что привело к неточностям в лингвистической терминологии при обозначении различных видов *argot*» [15. Р. 358].

В начале XX в. Л. Бессес употреблял термин *caló* как полный синоним понятия *germanía* [14. Р. 6]. Р. Салильяс в конце XIX в. предложил термин *caló jergal* для обозначения арго преступников [23. С. 76]. Тем не менее, во всех рассмотренных современных справочниках единственное значение *caló* — это «язык испанских этнических цыган» [DRAE, *caló*; и пр.]. Термин вернулся к своему историческому значению и не является релевантным для социолингвистики.

Итак, познакомившись с некоторыми из тенденций употребления терминов, мы видим, что в настоящий момент ни в русистике, ни в испанистике нет единой принятой классификации социальных диалектов. Также можно говорить о неустойчивости терминологической базы: разные лингвистические школы часто используют собственные определения понятий.

Тем не менее, в современных научных работах все чаще снимаются противоречия в трактовке терминов, наблюдается тенденция к унификации понятийного аппарата. Безусловно, последние издания академических словарей учитывают новые разработки исследователей и, таким образом, способствуют формированию базовых понятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Под испанской филологией понимается совокупность научных работ, посвященных изучению социолингвистических аспектов пиренейского национального варианта испанского языка.
- (2) Формы существования языка.
- (3) К. Клаверия показывает такой сдвиг на примере термина «*caló*» [16. Р. 349—351].
- (4) Первоначальное значение — язык испанских этнических цыган.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Береговская Э.М.* Молодежный сленг. Формирование и функционирование // Вопросы языкознания. — 1996. — № 3.
- [2] *Гальперин И.Р.* О термине «сленг» // Вопросы языкознания. — 1956. — № 6.
- [3] *Гойдова С.* Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка: Дисс. ... канд. фил. наук. — М., 2004.
- [4] *Денисова А.П.* Современный испанский жаргон. — М., 2007.
- [5] *Жирмунский В.М.* Национальный язык и социальные диалекты. — Л., 1936.
- [6] *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). — М., 1977.
- [7] Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 2008.
- [8] *Серебренников Б.А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.
- [9] *Скворцов Л.И.* Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика) / Скворцов Л.И. Вопросы культуры речи. — М., 1964. — Вып. 5.
- [10] Слова, с которыми мы встречались: Словарь общего жаргона / Под ред. Р.И. Розиной, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской. — М., 1999.
- [11] *Химик В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. — СПб.: Фил-фак СПбГУ, 2000.
- [12] *Химик В.В.* Современное русское просторечие как динамическая система // Стилистическая система русского языка. — СПб., 1998.

- [13] *Хорошева Н.В.* Русский общий жаргон: к определению понятия // Изменяющийся языковой мир. — Пермь, 2002. URL: www.philology.ru/linguistics2/khorosheva-02.html
- [14] *Besses L.* Diccionario de argot español. — Barcelona: Manuel Soler, 1905.
- [15] *Clavería C.* Argot // Enciclopedia lingüística hispánica. — 1967. — P. 349—351.
- [16] *Corominas Joan.* Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. — Madrid, 1991—2000. — V. 3.
- [17] *Daniel Pilar.* Panorámica del argot español // León, Victor. Diccionario de argot español. — Madrid, 1998.
- [18] Diccionario de la Lengua Española. Vigésima segunda edición. Real Academia Española. URL: <http://rae.es/rae.html>.
- [19] *Guiraud P.* L'etymologie. — Paris, 1964.
- [20] *Jespersen O.* Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. — Bloomington, 1964.
- [21] *Moliner María.* Diccionario del uso del español. — Madrid: Editorial Gredos, 2007.
- [22] Oxford dictionaries online. URL: <http://oxforddictionaries.com/view/entry>
- [23] *Salillas R.* El delincuente español. — Madrid: Librería de Victoriano Suárez, 1886.
- [24] *Seco M.* Diccionario del español actual Aguilar. — Madrid, 2005.
- [25] Trésor de la langue française informatisé. ATILF — CNRS / Nancy-Université, 2008. URL: <http://www.atilf.fr/tlf-etym>

EXTENSION OF TERMS REFERRED TO SOCIAL DIALECTS IN RUSSIAN AND SPANISH LINGUISTICS

Alla V. Ovchinnikova

Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
Nesvizhsky per., 10-6, Moscow, Russia, 119021

The author investigates terminological units referred to various types of sociolects in Russian and Spanish linguistic traditions. The article lists main terms in both sociolinguistic schools offering a brief historical note for each of them, and makes a brief comparative analysis of the classifications.

Key words: argot, jerga, germanía, caló, slang, sociolect, sociolinguistics, Spanish.

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.А. Яшина

Мичуринский государственный аграрный университет
ул. Интернациональная, 101, Мичуринск, Россия, 393760

В статье рассматривается механизм создания алогизма в художественном тексте за счет использования словосочетаний и лексических единиц с нарушением логико-семантической сочетаемости.

Ключевые слова: алогизм, лексические единицы, логико-семантическая сочетаемость, художественный текст.

Понимание художественного текста — процесс многогранный, сложный, предполагающий размышление над закодированными в нем образами, символами, необычными сюжетными коллизиями и порой, на первый взгляд, логически бессмысленными ситуациями и фразами. При этом именно алогичные эпизоды текста, сосредотачивая на себе внимание читателя, направляют его к последовательному и поэтапному поиску скрытых смыслов произведения.

Алогизм в данной работе рассматривается как характерная особенность того или иного художественного контекста, для которого свойственны нарушение логических связей на уровне словосочетания, предложения или контекста произведения в целом. Под лексическими средствами создания алогизма подразумеваются лексические единицы, используемые в словосочетаниях с нарушением лексической сочетаемости.

Несомненно, нарушение лексической сочетаемости неотделимо от нарушения грамматической сочетаемости [1. С. 137]. Однако обозначим данную группу средств как лексические средства создания алогизма по следующим причинам. Во-первых, несмотря на то, что смысловое взаимодействие лексических единиц происходит в большинстве случаев в составе словосочетания, алогизм, создаваемый данными средствами в художественном тексте, в первую очередь опирается на сопоставление сем, в соответствии с языковой нормой несовместимых и относящихся к далеким друг от друга семантическим полям. Во-вторых, не все средства данной группы реализуются на лексико-синтаксическом уровне: авторские неологизмы или окказионализмы, причисляемые к данной группе средств, зачастую выражены одной лексической единицей, нарушающей языковую норму. В-третьих, это позволит разграничить группу средств, основанных на нарушении лексической сочетаемости, от группы средств, обеспечивающих алогизм окружающего контекста за счет несоответствия значений лексических единиц синтаксическим условиям их реализации.

Анализируя алогизм как свойство художественного текста и классифицируя языковые средства создания алогизма по принципу противоречивости либо не-

совместимости между его элементами, попытаемся определить основные механизмы намеренного авторского нарушения совместимости лексических единиц в контексте художественной прозы.

Проблема нормативной и ненормативной сочетаемости представляется весьма актуальной для современной лингвистики и рассматривается в работах многих ученых [4; 13]. Сочетаемость в лингвистике трактуется как свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня, как одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними. Понятие «сочетаемость» весьма схоже с понятием «валентность», которое предполагает способность слова вступать в синтаксические связи с другими словами. Несмотря на то что валентность чаще всего рассматривается как потенциальная способность слова сочетаться с другими лексическими единицами на синтаксическом уровне, в лингвистике различают несколько уровней реализации валентности, а именно синтаксический, семантический и логический виды валентности. Семантическая валентность — это «способ описания семантического взаимодействия слов» [10. С. 112], при этом не только слов с предикативным значением. Для выделения фрагмента предложения, вступающего в семантические отношения с тем или иным словом, используется термин «сфера действия лексем» [3], под которой понимается фрагмент предложения, заполняющего данную семантическую валентность. Таким образом, учитывая то, что валентность лексической единицы проявляется непосредственно в процессе ее контекстуальной реализации, следует отметить, что всякое нарушение логико-семантической валентности, обеспечивающей логичное совмещение лексических единиц с определенными семантическими признаками в конкретном контексте [13. С. 155], влечет за собой нарушение лексической сочетаемости. Иными словами, одной из причин нарушения лексической сочетаемости является отсутствие логико-семантического согласования между лексическими единицами, входящими в состав словосочетания.

Отсутствие семантического согласования между лексическими единицами может быть обусловлено несколькими причинами. В частности, одной из причин семантической несогласованности выступает принадлежность лексических единиц к разным смысловым сферам. Например, семантически не согласованным, а потому, на первый взгляд, алогичным выглядит название романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей». Сочетание семантически не согласовано, поскольку только один компонент принадлежит сфере образования и науки, в то время как логичные ассоциации, вызываемые у читателя со словом «факультет», обязательно будут относиться к научной сфере.

Другим примером алогизма в сильной позиции может служить название романа В.-С. Моэма «Луна и грош» (“The Moon and Sixpence”), где также соединены две лексические единицы, не имеющие никакой общей классемы, а потому не способные вступать в отношения противоречия, а только в отношения смысловой несовместимости. Семантически не согласованы лексические единицы в сочетании «*Антракт-катаракт*», используемом в качестве подзаголовка в пьесе

Д. Хармса «Елизавета Бам» [14. С. 191]. Еще одна цитата из той же пьесы демонстрирует явление семантической несогласованности между лексическими единицами:

Елизавета Бам: Вяжите меня! Тащите за косу! Продавайте сквозь корыто! [14. С. 193].

Словосочетание «продать сквозь корыто» представляет собой яркий пример нарушения логико-семантической валентности лексической единицы *продать*, в семантический состав которой входит сема «протаскивать сквозь отверстие», что не позволяет задействовать данную лексическую единицу в сочетании со словом, в составе которого отсутствует данная сема.

Чем дальше отстоят по смыслу лексические единицы в словосочетании друг от друга, чем несовместимее сферы, к которым они относятся, тем очевиднее просматривается нарушение логико-семантической валентности лексических единиц, входящих в его состав. Например, выражение *archangel of impudence* [15. Р. 81], используемое в рассказе Г.-К. Честертона “The Queer Feet”, включает в себе две лексические единицы, несовместимые не только по их принадлежности к разным смысловым сферам, но и по коннотативным оттенкам их значений. Лексическая единица *archangel* включает в себе семы *kind, good, beautiful* (добрый, хороший, красивый) [17. Р. 48], тогда как лексическая единица *impudence* в своем семантическом составе имеет семы *rude, showing no respect* (грубость, отсутствие уважения) [17. С. 818], что противопоставляет данные оттенки значений двух слов друг другу.

Совмещение лексических единиц с несовместимыми коннотациями или дополнительными оттенками значений — довольно часто встречающийся способ создания алогизма в художественном тексте. Например:

«You say I have success — this vulgar, tawdry, irksome, envied thing. I have it» [20. Р. 66].

Лексическая единица *success* (успех), в привычном представлении обладающая положительными оценочными коннотациями, определяется тремя прилагательными *vulgar, tawdry, irksome* (вульгарный, кричаще безвкусный, утомительный и надоедливый), для которых характерна отрицательная оценка описываемого явления. По своему семантическому составу данные лексические единицы не противоречат друг другу, и их нельзя отнести к оксюморонным сочетаниям, но в то же время совмещение противоположных коннотаций нарушает привычную трактовку лексической единицы *success*.

Иными словами, лексические единицы, обладающие ярко выраженными оценочными коннотациями, способны вступать во взаимодействие со словами, опровергающими оценочные аспекты значения, тем самым нарушая привычную валентность компонентов словосочетания. Такие словосочетания близки по своему значению к оксюморону, но их отличает отсутствие ярко выраженного противоречия между образующими их компонентами.

Наиболее ярко семантическая несогласованность между элементами контекста, создаваемая за счет нарушения семантической валентности лексических единиц, просматривается в пародийном тексте, где алогизм выступает средством выражения критической оценки пародируемого оригинала.

«В дебрях опаленной гортани булькала и клокотала губительная влага, и переизбыток ее стекал по волосам звериной бороды, капая на равнодушную дубовость стола» [2. С. 322—323].

Словосочетание «равнодушная дубовость стола» представляет собой пример нарушения семантической валентности прилагательного *равнодушный*, поскольку оно подразумевает согласованность с одушевленным существительным. В пародии автор намеренно совмещает лексическую единицу *равнодушный* с окказионально используемой лексической единицей *дубовость*, в которой нарочито актуализирована сема неодушевленности, что выступает основой создания пародийно-комического эффекта.

К средствам создания алогизма, основанным на совмещении несовместимого, точнее, на нарушении семантического согласования в рамках словосочетания, правомерно также отнести гипаллагу, где прилагательное-эпитет используется в сочетании не с тем существительным, к которому оно непосредственно относится по смыслу. Например, «замерзнувшие способности и дарования к должностным отправлениям» [7. С. 155] или *happy socks* — «счастливые носки» [18. Р. 22].

Нарушение семантической сочетаемости лексических единиц в гипаллаге происходит за счет того, что прилагательные, по своей семантической валентности совместимые чаще всего только с одушевленными существительными, употребляются в контексте, напротив, с существительными неодушевленными, как например, в словосочетаниях *невеселый велосипедик* [12. С. 106], *jaded thoughts (изнуренные мысли)* [16. Р. 24]. Нарушение лексической сочетаемости между компонентами гипаллагы обеспечивает так называемый эффект перемещения: характеристика, принадлежавшая лицу, переходит к предмету.

Нарушение лексической сочетаемости может происходить за счет нарушения узуса, под которым понимается общепринятое употребление языковой единицы в устоявшемся сочетании. Наиболее ярко нарушение узуса просматривается во фразеологизмах, где одна из лексических единиц, прочно хранящихся в памяти читателя как часть какого-либо устоявшегося выражения, неожиданно заменяется другой лексической единицей или словосочетанием. Например, в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» городничему принадлежит следующая фраза, наглядно демонстрирующая нарушение лексической сочетаемости за счет нарушения узуса во фразеологизме «мрут как мухи»:

«С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают» [6. С. 194].

В сочетании «как мухи выздоравливают» привычная лексическая единица «умирать» заменена на противоположное и несовместимое в рамках фразеологизма по смыслу слово «выздоровливать», что способствует наряду с внешне вы-

раженным смыслом актуализации подтекста одновременно. Такое совмещение эксплицитно выраженного и очевидно подразумеваемого за счет общеизвестности употребляемой фразы обеспечивает создание алогичности в контексте, на основе которой происходит реализация комического эффекта.

Нарушение узуса возможно и вне рамок фразеологизма в словосочетаниях, совмещающих лексические единицы, несовместимые в привычном речевом употреблении. Нарушение узуса разрушает привычные представления реципиента о сочетаемостных возможностях тех или иных лексических единиц. Так, в следующем примере из романа В.-С. Моэма «Луна и грош» характеристики лексических единиц «победитель» (winner) и «проигравший» (loser), намеренно совмещаются не с теми существительными, с которыми они привычно употребляются в речи:

«He was a bad winner and a good loser» [19. P. 133].

Замена прилагательных в словосочетаниях *a bad winner* и *a good loser* позволила автору за счет нарушения узуса создать алогичное суждение и сконцентрировать внимание читателя на экстраординарном образе героя. Тот же способ создания алогизма с целью характеристики персонажа используют в своем романе «12 стульев» И. Ильф и Е. Петров:

«Он был кипучий лентяй. Он постоянно пенился» [9. С. 54].

В атрибутивном сочетании *кипучий лентяй* отсутствует противоречие между лексическими единицами, но в то же время лексическая единица *кипучий* в привычном своем употреблении скорее предполагает совмещение со словом *деятель*, чем *лентяй*. Причиной нарушения узуса послужила необычная характеристика, сопровождающая описываемое в контексте явление. Отсюда и нарушение лексической сочетаемости, когда одна лексическая единица подразумевает неизменное следование за ней другой привычной в речевом употреблении единицы, но используется в совершенно ином, необычном для нее окружении, что нарушает нормативные представления о смысловой сочетаемости. Например, лексическая единица «звание», предполагающая наличие в своем составе сем «почет», «уважение», «присвоение ранга», в следующем примере неожиданно сочетается с лексической единицей «узник»:

«Желательно, чтобы заключенный не видел вовсе, а в противном случае тотчас сам пресекал, ночные сны, могущие быть по содержанию своему несовместимыми с положением и званием узника» [12. С. 48].

Алогизм отрывка, основанный на противоречии с представлениями реципиента о реальной действительности, дополнен необычным сочетанием лексических единиц в словосочетании «звание узника», которое, в свою очередь, создает алогизм на уровне подтекста, имплицитно отражая оценку происходящего автором. Подразумеваемый подтекст становится возможным проследить в силу взаимного влияния, оказываемого несовместимыми лексическими единицами друг на друга. При полном стилистическом соответствии обе лексические единицы принадлежат

возвышенному книжному стилю, за счет нарушения узуса явно прослеживается смысловое несоответствие: лексическая единица *узник* влечет за собой деградацию лексической единицы *звание*. Воспринимаемая в привычном смысле как нечто приятное и желаемое, лексическая единица *звание* в данном контексте переосмысливается.

Алогизм, создаваемый в художественном тексте на основе переосмысления лексических единиц в силу их взаимного влияния, прослеживается не только в атрибутивных или номинативных, но и в предикативных сочетаниях, где нарушение узуса происходит за счет несоответствия характеристики действия самому описываемому действию. Например, положительные коннотации характеристики действия не соответствуют самому действию, выраженному фразеологизмом:

«Нина и сама уже была без места, а кооператив Ульяна по производству телефонных корпусов успешно дышал на ладан» [11. С. 31].

Нарушение узуса основано на использовании лексической единицы «успешно», подразумевающей описание положительно характеризуемого действия, в сочетании с эвфемизмом «дышал на ладан», несущим ярко выраженную отрицательную эмоциональную окраску. Синтаксическая модель словосочетаний, в рамках которых осуществляется взаимодействие лексических единиц, может варьироваться, но неизменной остается несовместимость лексических единиц с точки зрения их привычного употребления в речи, чему нередко сопутствует несовместимость их оценочных коннотаций.

Непосредственно на уровне слов лексические средства создания алогизма представлены в художественном тексте авторскими неологизмами (термин И.В. Арнольд) или индивидуальными новообразованиями (термин А.Н. Гвоздева). От неологизмов в привычном смысле этого слова индивидуальные авторские новообразования отличаются тем, что, будучи намеренно созданными писателем и появляясь в литературных произведениях, они не переходят в разряд нормы и всегда воспринимаются как «языковое новшество, выходящее за рамки общепринятого в языке» [5. С. 99]. Такая особенность авторских неологизмов позволяет рассматривать их как одно из лексических средств создания алогизма в художественном контексте, направленных на повышение его экспрессивности.

К причинам, побуждающим художников слова к созданию индивидуальных авторских новообразований, можно отнести необходимость точно и кратко выразить мысль; потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; стремление своеобразным обликом слова привлечь внимание на его семантику; потребность избежать тавтологии; необходимость сохранить ритм произведения, добиться нужной инструментовки. Очень часто возникновение новообразования бывает вызвано не одной, а сразу несколькими причинами.

Новое слово, изобретенное автором, нарушает привычную логику повествования, и для того, чтобы сохранить целостность цепочки в диалоге «автор—читатель», контекст должен предоставить пояснения о соответствующих предметах и явлениях. Пониманию авторских неологизмов способствует также то, что они

создаются по продуктивным в языке словообразовательным моделям из продуктивных морфем, новой и необычной выступает лишь перекомбинация морфем в составе слова. Такое нарушение сочетаемости на морфологическом уровне и выступает основой создания алогизма. Лексическое значение авторских новообразований без труда угадывается читателем и не требует объяснений, так как входящие в состав слова морфемы являются элементами языковой системы и хорошо знакомы ему. Например:

«Нет, вот вас мне, пожалуй, даже жалко. Да, определенно жалко. Ну а что касается остальных... так что же, пожалуй, тут ненавидеть. Они ведь даже не существование, а так, нежить. Сами не знают, что творят. А зло от них расходится по всему миру» [8. С. 98].

Авторский неологизм *нежить*, образованный по аналогии с отглагольными существительными путем прибавления приставки *не-* к основе глагола (например, как в соответствующем языковой норме существительном *нечисть*), трудно воспринимать как существительное вне контекста. В окружающем контексте лексическая единица *нежить* субстантивируется и выступает средством, концентрирующим на себе внимание читателя в силу своей необычности. Именно эта лексическая единица делает отрывок чрезвычайно эмоционально нагруженным. В то же время именно контекст служит своеобразным гарантом адекватного осмысления авторского неологизма.

Таким образом, лексические средства создания алогизма в художественном тексте основаны на нарушении лексической сочетаемости, реализуемой в контексте художественного произведения за счет логико-семантической несогласованности между лексическими единицами либо между элементами внутри одного слова. Причинами семантической несогласованности лексических единиц в контексте художественного произведения служат:

— нарушение логико-семантической валентности лексических единиц за счет использования слов, принадлежащих разным смысловым сферам, либо лексических единиц с несовместимыми коннотациями;

— нарушение узуса;

— необычная перекомбинация морфем и создание новых необычных слов по уже существующим в языке словообразовательным моделям, что выступает основой формирования авторских неологизмов.

Обозначенные средства создания алогизма делают контекст художественного произведения более эмоционально нагруженным, тем самым сосредотачивая внимание читателя на значимых в смысловом отношении отрезках текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. — М.: Флинта, 2006.
- [2] Архангельский А. Плоть // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 322—323.
- [3] Богуславский И.М. Сфера действия лексических единиц. — М.: Наука, 1996.

- [4] *Володина Е.А.* Нестандартная сочетаемость как средство создания юмористического эффекта. — М., 1998.
- [5] *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка — М.: КомКнига, 2005.
- [6] *Гоголь Н.В.* Ревизор // Повести. Драматические произведения. — М.: Художественная литература, 1983.
- [7] *Гоголь Н.В.* Шинель // Петербургские повести. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
- [8] *Домбровский Ю.* Факультет ненужных вещей // Новый мир. — 1990. — № 1. — С. 92—132.
- [9] *Ильф И.А., Петров Е.П.* Двенадцать стульев // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991.
- [10] *Кронгауз М.А.* Семантика. — М.: Академия, 2005.
- [11] *Курчаткин А.* Солнце сияло. — М.: Время, 2004.
- [12] *Набоков В.В.* Приглашение на казнь. — М.: Издательство АСТ, 2003.
- [13] *Степанова М.Д., Хельбиг Г.* Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. — М.: Высшая школа, 1978.
- [14] *Хармс Д.* Елизавета Бам // Полет в небеса: Стихи. Проза. Письма. — М.: Советский писатель, 1988.
- [15] *Chesterton G.K.* The Queer Feet // The Innocence of Father Brown. — М.: Юпитер-Интер, 2006.
- [16] *Joyce James* An Encounter // Dubliners. — London: Penguin Popular Classics, 1996. P. 18—24.
- [17] *Longman Dictionary of Contemporary English.* — Longman: Pearson Education Limited, 2006.
- [18] *Mansfield K.* Bliss. — М.: Радуга, 2002.
- [19] *Maugham W.S.* The Painted Veil. Узорный покров. — СПб.: Антология, КАРО, 2006.
- [20] *Wells H.G.* The Door in the Wall // Английские рассказы 10-х годов. — М.: Радуга, 2000.

LEXICAL INCOMPATIBILITY AS A MEANS OF CREATING ILLOGICAL PHRASES IN FICTION TEXTS

E.A. Yashina

Michurinsk State Agricultural University
Internationalnaya str., 101, Michurinsk, Russia, 393760

In the article under discussion the ways of creating illogical word combinations by means of using the lexical units aimed to create semantic-logical incongruity in fiction texts are analyzed. The use of lexical means causing incompatibility in fiction texts are illustrated in the classical literature quotations.

Key words: illogical word, lexical units, semantic-logical incongruity, fiction texts.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ФРЕЙМ КАК СТРУКТУРА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

И.Н. Ивашкевич

Кафедра английского языка гуманитарных специальностей
Факультет международных отношений
Белорусский государственный университет
ул. Академическая, 25, Минск, Беларусь, 220072

Статья посвящена изучению различных способов репрезентации знаний в рамках когнитивной лингвистики. Особый акцент в работе сделан на презентации фрейма как одной из когнитивных структур знаний, лежащих в основе семантики языковых единиц.

Ключевые слова: фрейм, микрофрейм, структура представления знаний, когнитивная лингвистика, значение.

Обучение иностранному языку является в настоящее время одним из ведущих компонентов системы профессионального образования, поскольку современный специалист с высшим образованием должен обладать достаточно высоким уровнем языковой компетенции, необходимой для его дальнейшей профессиональной деятельности. Данная задача выдвигает на первый план учет эмпирических данных и активное взаимодействие лингвистической науки с теорией и методикой преподавания иностранных языков.

Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, в антропологической, функциональной и когнитивно-дискурсивной парадигмах знания о языке, обладающих сегодня наибольшей значимостью, изменились установки самой теоретической лингвистики. А вместе с ними должны измениться установки и принципы обучения языку [1. С. 21]. Цель настоящей статьи — акцентировать внимание на различных способах репрезентации знаний в рамках когнитивной лингвистики и на возможности эффективного применения методов данной отрасли знания в обучении иностранным языкам вообще и языка специальности в частности.

Как известно, одним из постулатов когнитивной лингвистики, отличительной чертой которой является «рассмотрение языка как феномена ментального», считается представление о естественном языке как основной форме фиксации знаний о мире. Именно поэтому *категория знания* находится сегодня в фокусе внимания многочисленных когнитивно ориентированных исследований, в которых ведутся поиски закономерностей получения, обработки и хранения знаний, полу-

чаемых в результате чувственного восприятия и жизненного опыта, и обращение к языковым формам, в которых происходит объективация этих знаний.

Следующей важной особенностью когнитивной науки является комплексное исследование человеческого интеллекта и разума. Одной из ее главных задач, как отмечают исследователи, является стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают.

Новый взгляд на язык как важнейшую «когнитивную составляющую человеческого мозга» во многом изменил методы, цели и задачи лингвистических описаний, в которых все больше укрепляется мысль о том, что понять природу языка можно лишь исходя из человека и его мира в целом. В связи с этим рассмотрение языковых проблем на современном этапе развития когнитивной лингвистики проводится в тесной связи с изучением деятельности, сознания, мышления и мозга человека как «осуществляющего речемыслительные процессы во всем их многообразии». Данный принцип оказывает влияние и на методы изучения языковых систем, в которых стали вскрываться глубинные уровни и стоящие за ними структуры знания. Основная же доля этих знаний хранится в памяти человека в виде разного рода структур — когнитивных моделей. «По признанию многих специалистов, язык представляет собой лучшее свидетельство существования в нашей голове разнообразных структур знания о мире, в основе которых лежит такая единица ментальной информации, как концепт. Концепты разного типа (образы, представления, понятия) или их объединения (картинки, гештальты, схемы, диаграммы, пропозиции, фреймы и т.п.) рождаются в процессе восприятия мира, они создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности с миром действительность. Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [2. С. 37].

Еще одной отличительной чертой когнитивной науки на современном этапе развития считается ее *междисциплинарный характер*, т.е. объединение под ее эгидой представителей естественных и гуманитарных дисциплин, выдвижение внутри этого направления новой парадигмы научного знания и объединение в ее пространстве таких наук, как философия, логика, психология, нейронауки, лингвистика и др. Главнейшей задачей данного направления является стремление создать в когнитивной науке единую исследовательскую программу, направленную на изучение сознания человека и установление структур знания, которыми оперирует человек.

В качестве одной из когнитивных структур знания, лежащей в основе **семантики** языковых единиц, многими исследователями выделяются *фреймы*. Вслед за Ч. Филмором под фреймом мы понимаем особую структуру знаний, «составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию связанных между собой слов» [3. С. 224]. Фрейм является одним из эффективных средств описания **лексического значения** разных частей речи. Мы разделяем мнение Е.Г. Беляевской, которая отмечает, что семантика слова представляет собой многослойную иерархическую структуру. Значение слова соотносимо со всем объемом знаний об обозначаемом, т.е. можно сказать, что значение слова пред-

ставляет собой фрейм, который, в отличие от фрейма целостной ситуации, автор называет *микрофреймом*. Данное понятие включает в себя все признаки обозначаемого: и те, которые необходимы для идентификации данного класса, и потенциальные признаки, логически выводимые из общего знания об обозначаемом, и ассоциативные признаки, отражающие взаимодействие обозначаемого с другими объектами предметного мира [4. С. 58].

В когнитивной лингвистике, как отмечают ученые, существуют два подхода к понятию фрейма: фрейм как структура знания, часть когнитивной системы человека и фрейм как структура представления знания, инструмент представления когнитивной структуры. Значимым сегодня, с нашей точки зрения, является постулат о том, что за каждой языковой единицей стоит определенная структура знаний. Языковые значения передают лишь часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в памяти человека в виде разного рода структур — когнитивных моделей, сценариев, схем, пропозиций и т.п. Так, например, Ф. Джонсон-Лэрд выделяет такие ментальные репрезентации, как образы (images), пропозиции (propositions), ментальные модели (mental models), фреймы (frames), пространственные модели (spatial models), кинематические модели (kinematic models) и др. Данные структуры, способные по-разному отражать познаваемую ситуацию, представляют собой некое обусловленное культурным опытом обобщение, схематизацию ситуаций, дающую ключ к их пониманию и к осознанию ролей их участников.

В настоящее время фреймовая структура представления знания используется для анализа дискурса, в описании семантических классов слов, организации лексики в словарях и т.д. Как отмечает В.З. Демьянков, то, что в генеративных теориях — особенно в стандартной модели — описывается с помощью правил сочетаемости или ограничений на сочетаемость (селекционные правила и ограничения), во фреймовой семантике рассматривается как отношение между элементами внутри одного и того же фрейма, а также как отношение между фреймом и сценой. Это позволяет определить понятия синонимии, центрального (прямого) и переносного (например, метафорического) значений, семантического поля и т.п. [5. С. 189].

В обучении иностранному языку и языку для специальных целей значимым представляется представление фрейма как структуры, имеющей центральную часть — ядро, относительно которого на равном расстоянии расположены терминалы, или слоты, фиксирующие те концепты, совокупность которых и создает образ концепта, представленного ядром фрейма. По Т.В. Дроздовой [6. С. 204], эта структура фрейма кажется нам наиболее приемлемой, поскольку мы исходим из того, что концепты-признаки, формирующие понятия, изначально равнозначны, и лишь человеческая мысль при создании имени концепта выбирает из них те, которые считает наиболее существенными в определенный момент и в определенном контексте. Таким образом, фрейм соотносится с набором пропозиций, из чего следует, что различные на уровне поверхностного смысла вербальные структуры могут реферировать к одному и тому же фрейму. Например, так можно представить фрейм понятия *microeconomics*, используя модель, предложенную Ф. Кликсом (рис. 1).

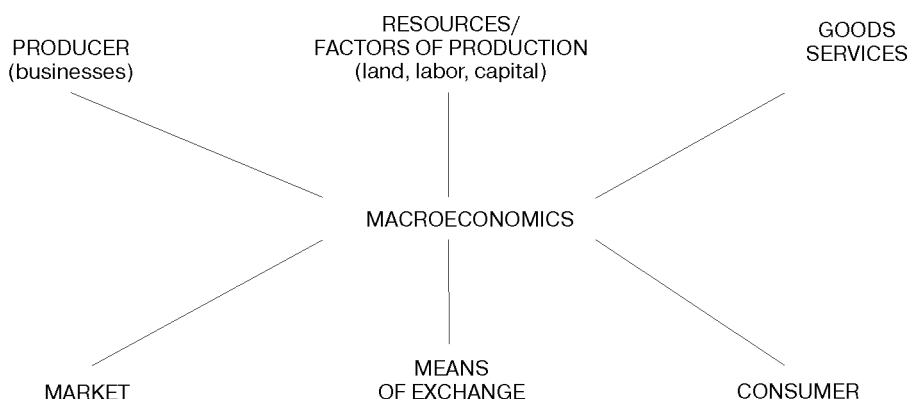

Рис. 1. Фрейм как структура представления знаний

Такие фреймы, т.е. определенным образом структурированные лексические системы и подсистемы, являются языковой репрезентацией некоторой конкретной схематизации опыта или некоторого знания в виде совокупности иерархически расположенных, взаимодействующих друг с другом элементов.

Так, языки, обслуживающие различные области профессиональной деятельности, рассматриваются специалистами в области терминоведения как особые когнитивно-коммуникативные пространства. В основе организации каждого такого пространства лежит комплекс значимых концептов, категорий и субкатегорий. Так, вся совокупность юридических терминов может быть представлена в виде макро-фрейма, состоящего из фреймов основных подразделов юридической терминологии. Внутри данных фреймов могут быть выделены подфреймы, специфика которых определяется заполнением соответствующих слотов. Основные фреймовые структуры соотносятся с основными подразделами юридической терминологии, которые, в свою очередь, представляют деление юриспруденции на виды права (деликтного, семейного, трудового, права собственности и т.д.) (см. работу И.А. Громовой). Мы разделяем мнение ученых о том, что термин сам становится инструментом познания, закрепляя полученную информацию в своем содержании. Изучение терминологии в рамках когнитивной лингвистики предполагает построение концептуальной модели данной области знания и определение взаимосвязи между структурами знания и их языковыми аналогами.

Таким образом, фрейм как наглядно-образная форма представления информации способствует лучшему ее запоминанию и, как показывает опыт, представление учебной информации в системе структурно-логических схем выступает достаточно эффективным средством организации и активизации работы обучаемых. Как верно отмечают ученые, стереотипный характер фрейма непосредственно обращает нас к памяти, поскольку только в памяти могут храниться обобщенные представления о типизированной ситуации или идеальный образ некоторого объекта. Воспринимая окружающую действительность, человек формирует определенный мысленный образ происходящего, своего рода когнитивную модель или схему.

В этой связи злободневно звучит положение Дж. Дисмора, который отмечает, что как только человек начинает воспринимать языковое сообщение, он должен

построить **модель** того содержательного (ментального) пространства, в пределах которого он будет оперировать далее с текстом [7. С.159].

В настоящее время большое внимание уделяется исследованиям памяти, процессам запоминания, хранения, воспроизведения информации человеком, а также выявлению когнитивных структур, в виде которых человек хранит информацию об окружающем его мире. Именно фреймовая структура представления различных знаний, с нашей точки зрения, будет способствовать оптимальной организации учебной деятельности будущих специалистов, ориентированной на рациональное преобразование учебной информации в прочные знания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кубрякова Е.С.* Когнитивная наука и объяснение в методике преподавания языков // Полифония образования и англистика в межкультурном мире: Тезисы первой международной конференции Ассоциации англоведов и преподавателей английского языка 25—26 ноября 2003 года. — М., 2003.
- [2] *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1997.
- [3] *Fillmore Ch.J.* Frames and semantics of understanding // *Quaderni di semantica*. — 1985. — Vol. VI. — 2. — P. 222—254.
- [4] *Беляевская Е.Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1992.
- [5] *Демьянков В.З.* Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
- [6] *Дроздова Т.В.* Проблемы понимания научного текста: Моногр. — Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003.
- [7] Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
- [8] *Громова И.А.* Юридические термины в когнитивном аспекте (на материале английского языка): Дисс. ... канд. филол. наук. — Калининград, 2002.
- [9] *Klix F.* On the role of knowledge in sentence comprehension // XIV International Congress of Linguistics: Reprints of the Plenary Session papers. — Berlin, 1987. — P. 111—123.

FRAME AS REPRESENTATION OF KNOWLEDGE IN THE COGNITIVE ASPECT

I.N. Ivashkevich

The Belarusian State University
Akademicheskaya str., 25-601, Minsk, Republic of Belarus, 220072

The article is devoted to the problem of representation of different types of knowledge in cognitive linguistics. The author makes a special emphasis on the presentation of frame which is considered to be one of the cognitive structures of knowledge within the meaning of words.

Key words: frame, microframe, presentation of knowledge, cognitive linguistics, meaning.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАКА ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ В ГЕРМАНИИ

Т.В. Савина

Кафедра германской филологии
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации
Московский государственный областной университет (МГОУ)
Переведеновский пер., 5/7, Москва, Россия, 105082

Причины изменения знака оценочного компонента некоторых слов часто лежат вне плоскости языка. Случается, что под влиянием экстралингвистических факторов нейтральное с точки зрения оценки слово может получить оценочную сему, а оценочное слово — изменить знак оценки на противоположный (с «+» на «-» и наоборот). Подобные явления наблюдались и в немецком языке в период нацистской диктатуры (с 1933 по 1945 г.). Настоящая статья посвящена исследованию причин и особенностей изменения знака оценки некоторых слов немецкого языка в названную историческую эпоху.

Ключевые слова: оценка, оценочный компонент значения, знак оценки, система ценностей, экстралингвистические факторы, картина мира, манипулятивное воздействие.

Человек воспринимает окружающий мир всегда субъективно: через призму собственных эмоций и сформировавшихся в течение жизни взглядов и убеждений, выражая при этом свое отношение к фактам объективной действительности, то есть оценивая его. А.А. Ивин определяет *оценку* как «высказывание, устанавливающее абсолютную или относительную ценность какого-то объекта» [19. С. 623].

Как следует из определения, главным средством выражения оценки является язык. Наиболее отчетливо и ярко она реализуется лексическими средствами языка. Оценка, присутствующая в значении лексической единицы, является важным элементом несомой ею информации. По наличию или отсутствию оценочного компонента в структуре значения слова его относят к разряду оценочной или нейтральной лексики [6].

Иногда под влиянием контекста знак оценки может меняться. Так, *бледность* лица человека может трактоваться по-разному. Например, в XIX и начале XX в. бледность считалась признаком аристократичности (вспомним строки А.С. Пушкина: «Татьяны бледные красы...», «Красавиц наших бледный круг...»), а белая кожа — одним из главных достоинств красивой женщины. Однако бледность может быть и признаком нездоровья, усталости, о чем свидетельствуют выражения: «неестественная бледность», «чрезмерная бледность», «мертвенная бледность», «болезненная бледность» и др.

Случается, что под влиянием экстралингвистических факторов нейтральное с точки зрения оценки слово может обретать оценочную сему. В этой связи важно отметить, что все факты окружающего мира являются потенциальными объектами оценки. Г.В. Колшанский отмечает: «оценка содержится повсюду, где происхо-

дит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [5]. Это означает, что все слова языка, служащие наименованиями для различных фактов объективной действительности, являются потенциальными носителями оценки.

Изменения знака оценочного компонента некоторых слов немецкого языка в период нацистской диктатуры в Германии, а также наблюдаемые в это время факты получения некоторыми лексическими единицами сем оценки, связаны, прежде всего, с изменением экстралингвистического фона. Поясним эту мысль подробнее.

По выражению Е.М. Вольф, оценка в значительной степени «определяется взаимодействием мира и человека с его ценностными ориентациями» [2. С. 70] — представлениями о «добре и зле, истине и неистине, красоте и безобразии, допустимом и запретном, справедливом и несправедливом» [15]. Природа ценностей отдельного человека и общества в целом изменчива: каждая конкретная историческая эпоха обладает специфическим набором и иерархией ценностей [15]. Смена политического курса страны и, в еще большей степени, смена общественно-политической формации предопределяет и изменение в системе ценностей общества — происходит так называемая «переоценка ценностей».

Принципиальная возможность изменения ценностей и та важная роль, которую они играют в обществе, выступая «ориентирами деятельности человека» [15], позволяют использовать эту их особенность для манипулирования людьми. Одной из составляющих управления обществом, как демократическим, так и тоталитарным, является «внесение поправок» в устоявшуюся картину мира — образ, включающий идеи и ценности, стереотипы мышления, нормы и правила поведения. Усваивая «обновленную» картину мира, навязанную манипулятором, человек начинает мыслить и действовать, руководствуясь ее ценностными категориями, и становится, таким образом, управляемым материалом. Навязывание новой картины мира осуществляется, как правило, с помощью искусно организованной пропаганды. Часто при этом искажаются, умалчиваются или предвзято интерпретируются исторические факты и события общественной и политической жизни, создаются стереотипы и национальные мифы.

Такая ситуация была характерна для Германии начиная с 1933 г. Приход Гитлера к власти ознаменовал новую веху в истории немецкого народа. Произошла смена общественно-политической формации. Веймарскую демократию сменила нацистская диктатура. И все, что было связано с прежним режимом, — парламентская демократическая система правления, ее главные принципы и ценности, — подверглось дискредитации. Демократия («*Demokratie*»), пацифизм («*Pazifismus*»), парламентаризм («*Parlamentarismus*»), интернационализм («*Internationalismus*»), человеческая культура («*Menschenkultur*»), считавшиеся до этого важнейшими общественными ценностями, были объявлены нацистскими идеологами «учениями, отравляющими народ» («*volksvergiftende Lehren*»):

«...ohne den Willen, das Raumproblem zu erfassen und demgemäß zielbewusst zu handeln, verlor das deutsche Volk sein seeliches Gleichgewicht und fiel Verführern zum Opfer, die den verflachenden Geisteszustand für Einimpfung *volksvergiftender Lehren*

ausnutzen (*Menschheitskultur, Internationalismus, Pazifismus, Parlamentarismus* usw.)» [13. S. 105].

«...без воли постичь проблему жизненного пространства и целеустремленно действовать сообразно с ней, немецкий народ потерял свое душевное равновесие и стал жертвой искусителей, использовавших выхолощенное состояние его духа для внушения *отравляющих народ учений (о человеческой культуре, интернационализме, пацифизме, парламентаризме и т. д.)*».

Вследствие нацистской пропаганды эти слова и обозначаемые ими понятия получили отрицательную (пейоративную) окраску.

Следует отметить, что изменение знака оценочного компонента значений некоторых слов немецкого языка в период нацистской диктатуры в Германии связано, прежде всего, с характером идеологии национал-социализма и методов ее воздействия на массы. Идеология национал-социализма имела в своей основе чувственное восприятие человеком окружающего мира. Нацисты идеализировали активную деятельность, считали действие первичным, мысль вторичной, полагали, что преобладание способности действовать над способностью мыслить и анализировать является одним из признаков арийской расы. В этой связи М. Леске приводит высказывание специалиста по части «расовой теории» профессора философии Лотара Г. Тиралы: «Die Tat ist alles, der Gedanke nichts». («Действие — все, мысль — ничто») [12. S. 120].

Разуму в идеологии национал-социализма была противопоставлена воля («*Wille*») — глубокий духовный порыв, некая сила, побуждающая к совершению того или иного действия. Воспитательная работа в Третьем Рейхе была направлена в первую очередь на воспитание воли, верности и жертвенности («*Erziehung des Willens, der Treue und der Opferbereitschaft*»). Имперский руководитель по воспитательной работе Отто Годес отмечал: «Ursprünglich und lebenserhaltend sind Wille und Gefühl. Der Verstand überprüft nur die Handlungen des Gefühls und des Willens» («Первичными и жизненно важными являются воля и чувство. Разум же лишь контролирует действия чувства и воли» [12. S. 120]. Руководствуясь этими принципами, нацисты воспитывали солдат, людей-роботов, пренебрегавших способностью думать и рассуждать, готовых беспрекословно выполнять любые приказы.

Методы воздействия нацистов на массы также апеллировали к иррациональному началу человека — его инстинктам и эмоциям — и имели целью внушить людям ложные — антигуманные — ценности, ставившиеся во главу угла нацистской идеологии: идеи о расовом превосходстве немцев над другими народами, о единстве немецкой нации и территории ее проживания в ущерб интересам других народов. В качестве основного вида манипулятивного воздействия на массы нацисты использовали внушение — такой тип воздействия на психическую сферу человека, при котором, по выражению русского психофизиолога В.М. Бехтерева («Внушение и его роль в общественной жизни» (1903)), не осуществляется «соответствующей переработки» сообщения, «благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния».

Убеждение же тем отличается от внушения, что предполагает активное участие субъекта: в процессе воздействия ему предлагается ряд доводов, которые он осмысливает и принимает либо отвергает [3. С. 70]. С помощью различных средств, в том числе языковых, предводители нацизма разжигали массовые инстинкты, превращая аудиторию в однородную толпу, послушную их воле.

Поскольку именно «благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует» [7. С. 6], иррациональность как свойство идеологии национал-социализма была перенесена и на сам язык. Подобно тому, как идеология нацизма ограничивала роль познавательных возможностей человеческого разума, выдвигая на первый план нечто недоступное рассудку — волю, созерцание, чувства и т.п., так и язык национал-социализма «выдавливал из себя» слова, соотносимые с мыслительным процессом. Целый ряд слов — «*System*», «*intellektuell*», «*objektiv*» — обрели в нацистском дискурсе негативное звучание. Слово «*Philosophie*» замалчивалось. Его место заняло слово «*Weltanschauung*» как наиболее точно передающее суть отношения нацистов к реальности: «мировоззрение», «миросозерцание» предполагают познание окружающего мира, основанное на восприятии органами чувств. При этом доминирующую роль играли понятия «*Instinkt*» («инстинкт») и «*spontan*» («спонтанный»). Люди должны были на веру принимать реальность, созданную идеологами нацизма, жить в соответствии с ее законами и ценностями: «фанатически» («*fanatisch*») верить в фюрера, быть готовыми по первому приказу исполнить его волю.

Дискредитации слова «*System*» положила начало пропагандистская кампания правых сил еще задолго до прихода Гитлера к власти. Инициированная крупными промышленниками Германии, она сыграла значительную роль в формировании негативного отношения населения к Веймарской республике.оборот «*Weimarer parlamentarisch-demokratisches System*» («Веймарская парламентарно-демократическая система») использовался правыми идеологами так часто, что, в конечном счете, был сокращен до одного слова — «*System*» («Система»), приобретшего резко отрицательный оценочный компонент.

Отечественный историк И.Я. Биск отмечает: «Это слово было превращено прессой правых в одиозное и звучало у них синонимом ругательства, а деятели „Системы“ заслуживали презрения и физического уничтожения» [1. С. 131]. Один из лозунгов предвыборной кампании НСДАП 31 июля 1932 г. гласил: «*Kampf dem System! Wählt NSDAP!*» («Системе — бой! Выбирай НСДАП!»).

Слабость «Системы» («*System*») — Веймарской республики — дала нацистам повод для дискредитации и самого понятия «система» (*System* < греч. *syntēma* (целое), составленное из частей) [7. С. 469]. Следует, однако, отметить, что негативное отношение нацистов к «системе» имело более глубокие корни. В. Клемперер отмечал: любая система — это единство, составленное из закономерно связанных друг с другом элементов. Все ее составные части расположены в строгом порядке и строгой последовательности. «Система» всегда предполагает анализ, присутствие разумного начала. Именно наличие «*ratio*» в любой системе так «не устраивало» нацистов. Ведь человеку, мыслящему систематически, сложно

внушить какую-либо идею, его можно лишь убедить или переубедить путем приведения весомых аргументов. Именно поэтому «неудобное» слово «*System*» было дискредитировано нацистами и заменено лексемой «*Organisation*» («организация») (от греч. *organon* — орудие, инструмент) [4. С. 127].

Слово «*Philosophie*» также подверглось нападкам идеологов нацизма. Поскольку цели и задачи философии как науки противоречили целям и задачам нацизма, она была объявлена «чуждой реальной жизни, дезориентирующей книжной дисциплиной» («*lebensfremde, desorientierende Kathederwissenschaft*») [12. С. 96—97], а впоследствии унифицирована («*wurde gleichgeschaltet*»). Ее назначением в Третьем Рейхе стало обоснование необходимости и правомерности проведения нацистами политики территориальной экспансии, преследования и массовых убийств народов «низшей расы» [12. С. 96—97]. Таким образом, философия в нацистском варианте изменила своей конечной цели — стремлению познать «вечную истину», утратила ясность, логичность и системный характер, свойственные научному знанию. Лексема «*Philosophie*» (досл. «любовь к мудрости») постепенно была вытеснена лексемой «*Weltanschauung*» («мировоззрение»), апеллировавшей к иррациональному началу и более подходившей к своему «новому» назначению на службе нацизма («*Weltanschauung*» — досл. «миросозерцание», «взгляд на мир»).

Слово «*intellektuell*» («относящийся к разуму; умственный, духовный») — латинского происхождения, имеющее высокие традиции. Именно наличие интеллекта определяет человеческую сущность. Нацисты же называли интеллект «разлагающим» («*zersetzend*»), «дьявольским» («*diabolisch*») [8. С. 106], интеллектуалов — «*Intellektbestien*» («интеллектуальные бестии») [14. С. 59—63].

Очевидно, что путь познания — это всегда путь сомнений. Но как раз сомнения и были губительны для нацизма. Человек должен был не думать, а слепо верить и следовать за фюрером («*Führer, befehl, wir folgen [dir]!*») («Фюрер, приказывай, мы следуем [за тобой]!»)). Поэтому демонстрация нацистским руководством своего пренебрежительного отношения к интеллектуальной деятельности, к людям умственного труда — это своего рода превентивная мера, стремление предотвратить опасность возникновения инакомыслия в стройных рядах «солдат-роботов».

В противоположность словам, значение которых апеллирует к человеческому рассудку, слово «*fanatisch*» («фанатический») с традиционно отрицательным значением получило в языке национал-социализма положительную (мелиоративную) окраску. Вне лексикона нацистов фанатизм означает крайнюю степень привязанности/приверженности какому-либо человеку или идее. Это эмоциональное состояние, находящееся на грани аномалии. Для фанатиков характерна повышенная эмоциональность, некритическое положительное восприятие любой информации, подтверждающей их взгляды и, наоборот, нетерпимость к инакомыслящим, готовность к жертвам [16].

Но именно в силу своей соотнесенности с эмоциональной сферой слово «*fanatisch*» получило в Третьем Рейхе самую широкую сферу употребления и являлось синонимом к словам «*tapfer*» («храбрый»), «*hingebungsvoll*» («самоотвержен-

ный»), «*beharrlich*» («упорный»), «*leidenschaftlich*» («страстный»). В языке национал-социализма «*fanatisch*» выражало высшую степень положительной оценки. Типичными для языка Третьего Рейха были выражения: «*fanatisches Gelöbniß*» («фанатический обет»), «*fanatisches Bekenntnis*» («выражение фанатической приверженности»), «*fanatischer Glaube*» («фанатическая вера»): «*fanatischer Glaube an den Endsieg*» («фанатическая вера в окончательную победу»)... *an den Führer* («в фюрера»)... *an das deutsche Volk* («в немецкий народ»). «Фанатизм народа» («*Fanatismus des Volkes*») нацисты преподносили как черту коренной немецкой добродетели.

Следует отметить, что слово «*fanatisch*» вошло и прочно закрепилось в лексиконе нацистов (особенно в лексиконе Геббельса) именно после поражения под Сталинградом. Представляется, что его частое употребление было свидетельством начинавшейся паники нацистских предводителей:

«Es herrscht in Deutschland nur der Zustand einer totalen Bereitschaft unseres Volkes zur Konzentration seiner Kräfte auf den Krieg und auf die Erringung des Sieges. In dieser festen und *fanatischen* Entschlossenheit ist sich das ganze deutsche Volk einig» [10. S. 141].

«В Германии господствует лишь состояние тотальной готовности нашего народа сконцентрировать силы на войне и завоевании победы. В этой твердой и *фанатичной* решимости сплотился весь немецкий народ».

«Man wird die Ergebnisse unserer *fanatischen* Arbeit auf der Feindseite, schneller als man denkt, schon im weiteren Kriegsverlauf kennenlernen» [10. S. 141].

«Результаты нашей *фанатичной* работы быстрее, чем можно было бы предположить, будут известны неприятельской стороне в ходе дальнейшего развития военных действий».

Изменение знака оценочного компонента наблюдалось и в слове «*blind*», одно из значений которого — «безрассудный, действующий или совершающийся без разумного основания» [20]. Это значение слова реализуется, например, в следующих выражениях: «*blinder Gehorsam*» («слепое повиновение»), «*in blinder Wut*» («в слепой ярости»), «*blinder Eifer*» («слепое рвение»). Солдаты Третьего Рейха, будучи орудием в руках нацистских предводителей, должны были покорно и беспрекословно выполнять любую их волю. Поэтому неотъемлемыми качествами каждого из них были «слепая вера» («*blinder Glaube*»), «слепое доверие» («*blindes Vertrauen*»), «слепая верность» («*blinde Treue*»):

«An diesem Tage scharen wir uns mit dem ganzen deutschen Volke in gläubigem Vertrauen um unseren Führer. Vor allem seine alte Kämpferschar entbietet ihm heute aus bewegtem Herzen die tiefsten Gefühle ihrer Verehrung, ihres *blinden* Vertrauens, aber auch ihrer heißen, unauslöschlichen Dankbarkeit» [10. S. 149].

«В этот день мы вместе со всем немецким народом сплотились вокруг нашего фюрера, исполненные священного доверия. Прежде всего, его старые боевые товарищи от всего сердца выражают ему сегодня свое глубочайшее почтение, *слепое* доверие, а также горячую, бесконечную благодарность».

Итак, при анализе лингвистического аспекта категории оценки необходимо помнить, что все слова языка являются потенциальными носителями оценочных смыслов. В связи с этим на первый план выступает значение экстралингвистиче-

ских факторов, от которых может зависеть знак оценочного компонента слова. В нацистской Германии такими важными неязыковыми факторами явились изменение системы ценностей, характер идеологии национал-социализма и методов манипулятивного воздействия нацистов. Дискредитация понятий, обозначавших антифашистские учения, демократические формы правления, а также их главные принципы и ценности — *Demokratie, Pazifismus, Parlamentarismus, Internationalismus, Menschenkultur*, привела к изменению знака оценочного компонента этих слов с (+) на (–). Та же участь постигла и слова, в значении которых прослеживалась связь с логикой и рациональным мышлением (*System, Philosophie, Intellekt*). Одновременно некоторые слова, апеллировавшие к иррациональному началу человека, получили положительную оценочную окраску и стали более употребительными (*fanatisch, blind*).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике: Учеб. пос. / Иван. гос. ун-т им. первого в России Ивано-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов. — Иваново, 1991.
- [2] Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- [3] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо, 2008.
- [4] Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / Пер. А.Б. Григорьева. — М.: Прогресс-традиция, 1998.
- [5] Колианский Г.В. Соотношение объективного и субъективного факторов в языке. — М.: Наука, 1975.
- [6] Кочеткова Е.В. Языковые средства выражения негативной оценки мира и человека в поэзии Игоря Северянина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Хабаровск, 2004.
- [7] Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург, Пермь, 1995.
- [8] Berning C. Vom «Abstammungsnachweis» zum «Zuchtwart». Vokabular des Nationalsozialismus. — Berlin, 1964.
- [9] Goebbels J. Deutsches Schrifttum im Lärm der Waffen. Rede zum deutscher Dichtertreffen in Weimar v. 11.10.1942. In: Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942—1943. 2. Aufl. München, Zentralverl. der NSDAP, Eher Nachf., 1944.
- [10] Goebbels J. Das große Wagnis. Rede v. 16.05.1943. In: Der steile Aufstieg. Reden und Aufsätze aus den Jahren 1942—1943. 2. Aufl. München, Zentralverl. der NSDAP, Eher Nachf., 1944.
- [11] Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. — Berlin, 1947.
- [12] Leske M. Philosophen im «Dritten Reich»: Studie zu Hochsch. u. Philosophiebetrieb im faschistischen Deutschland. — Berlin: Dietz, 1990.
- [13] Rosenberg A. Einführung zum Programm der N. S. D. A. P. — In: Blut und Ehre. Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt: Reden und Aufsätze von 1919—1933. — München, 1934.
- [14] Sternberger D., Storz G., Süskind W.E. Aus dem Wörterbuch des Unmenschen. 3. Aufl. Hamburg, Classen, 1957.
- [15] Большая советская энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00087/91600/htm>
- [16] Глоссарий по политической психологии. — М.: РУДН, 2003. Краткий словарь психологических терминов. Л. Балабанова. URL: vocabulary.ru/dictionary/25/word/ФАНАТИЗМ.
- [3] Словарь иностранных слов. — 7-е изд., перераб. — М.: Русский язык, 1979.
- [4] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: www.ozhegov.ru
- [5] Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. — М.: Гардарики, 2006.
- [5] URL: www.ozhegov.ru

VALUATING ELEMENT SIGN MODIFICATION OF THE MEANING OF SOME WORDS OF THE GERMAN LANGUAGE IN THE PERIOD OF NAZI DIKTATORSHIP IN GERMANY

T.V. Savina

Chair of the German Philology
of the Linguistics and Intercultural Communications Institute
of the Moscow State Regional University (MGOU)
Perevedenovsky per., 5/7, Moscow, Russia, 105082

The reasons of valuating element sign modification of some words are often out of the language sphere. Sometimes under the influence of extralinguistic factors a neutral from the point of view of valuation word can gain a valuating sense and a valuating word can change a valuating sign to the opposite one (from «+» to «-» and vice-versa). Such events took place in the German language in the period of Nazi dictatorship as well (from 1933 to 1945). The present article is concerned with the research of the reasons and peculiarities of valuating sign modification of some words of the German language in the given historical epoch.

Key words: evaluation, evaluating component of the meaning, evaluation indication, system of values, extralinguistic factors, world view, manipulative influence.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СТИЛИСТИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Е.В. Журавлева

Кафедра испанского языка
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119882

В статье рассмотрена взаимосвязь национальной культуры и стилистических ресурсов на основе анализа произведений М.В. Льюсы.

Ключевые слова: стилистика, экспрессивность, метафора, национальная культура, фоновые знания, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетенция.

Язык — это механизм, способствующий кодированию и трансляции культуры. Важнейшим экстралингвистическим фактором, определяющим стиль коммуникации, является тип культуры. Особенности культуры побуждают ее носителей излагать свои мысли четко либо допускать двусмысленность, быть предельно лаконичными либо многословными, свободно проявлять эмоции либо сдерживать их, строго соблюдать дистанцию в общении или пренебрегать ею и т.д.

Истинным хранителем культуры служит текст. Текст отображает духовный мир человека и нации, он напрямую связан с культурой, т.к. он несет в себе множество культурных кодов; именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии и коммуникативном поведении. Текст — это набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает.

Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать национально-культурную ментальность его носителей.

Языковые картины мира этнически специфичны и обладают национально-культурной спецификой. Национальное своеобразие видится в наличии либо отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, системы связей. Спо-

способность языковых средств, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций связывают, в первую очередь, с тем, что языковые системы по-разному представляют окружающую действительность.

Обычно языковая картина мира, создаваемая тем или иным языком, связывается с его лексикой, что совершенно естественно: именно слова делят окружающую действительность на участки. В разных языках это деление происходит по-разному, что обусловлено системностью языка, в частности системной организацией лексики, не допускающей наложения одной системы на другую.

Культура, как и язык, — явление, прежде всего, социальное, поскольку является одной из форм общения людей, и ее коммуникативная природа проявляется в любом событии или явлении культуры. Поэтому историю культуры можно представить как процесс сохранения и приумножения текстов (как явлений культуры) в результате их освоения, сопоставления, приятия или неприятия индивидом и обществом. При этом контекст подлинного текста культуры не может ограничиваться какими-то временными (эпохой его создания) или пространственными (определенной национальной культурой) рамками [3. С. 16]. Художественные литературные произведения — важнейшая часть культуры. Именно в этих текстах наиболее ярко прослеживается отражение национального видения мира, его особенностей.

Изучение лексических единиц с точки зрения отражения в них национально-культурных особенностей позволило выделить в их семантике особый культурный компонент, который рассматривается как единица языка, отражающая национально-культурное своеобразие жизни и истории народа. Понятие национально-культурного компонента входит в более широкий круг культурно-исторических знаний — фоновых, присутствующих в сознании человека определенной языковой общности. Фоновые знания включают в себя систему мировоззренческих взглядов, эстетических и этических оценок, нормы речевого и неречевого поведения.

Язык художественных произведений отражает творческий потенциал испанского языка во всем многообразии его национальных вариантов, поскольку авторы постоянно обогащают язык новыми словами, метафорами, поиском новых смыслов и значений, свободно манипулируя всеми уровнями языка, и, прежде всего, лексическим и стилистическим. Выразительность тесно связана с личными переживаниями автора, с его субъективной оценкой и в то же время зависит от национально-культурного контекста.

Вкратце остановимся на основных стилистических характеристиках художественного произведения:

- превалирование поэтической функции;
- эмотивность и коннотация;
- многозначность;
- использование риторических фигур и тропов;
- наличие языковых единиц, маркированных национально-культурной спецификой.

Национально-культурные отличительные особенности окружающей действительности находят свое выражение не только на лексическом уровне, но и на других уровнях языка.

Стилистические ресурсы языка также могут очень ярко отражать своеобразие языка в аспекте национально-культурной специфики.

В качестве примеров мы обратились к творчеству знаменитого латиноамериканского писателя современности — Марио Варгаса Льюсы (лауреат Нобелевской премии по литературе 2010 г.).

Фонетический уровень

Tuvo que escapar **trotando**. **Torpe trotaba** en sus cuatro patas que apenas si sabía usar, perseguido por la gente hambrienta que le tiraba flechas y piedras (M.V. Llosa “El hablador”).

В данном случае паронимазия в сочетании с игрой слов создает комический эффект.

Esperó. No mucho tiempo. Al poco rato, su fino oído **troc troc** de gran cazador percibió, a lo lejos, el tambor de las patas del venado en el bosque: **troc troc troc**. ... Alargando el pescuezo desde la orilla de la cocha, metiendo y sacando su hocico del agua, chasqueando su lengua, bebía **shh shh** (M.V. Llosa “El hablador”).

Звукоподражание образовано редупликацией и обладает большой выразительностью. Отметим, что в этом произведении («Рассказчик»), основанном на индейских мифах и легендах, ономотопея играет важную роль при создании загадочного мира джунглей, населенных божествами, живущими своей особой жизнью в начале мироздания. В данном случае сочетается с парентезой (*su fino oído troc troc de gran cazador percibió*) и одночленной метафорой (*el tambor de las patas*).

Морфологический уровень

Использование уменьшительных суффиксов в разговорной речи является пан-американской характеристикой для национальных вариантов испанского языка и не является исключением для перуанского национального варианта. В художественном произведении автор таким образом подчеркивает социальное происхождение героини, живо передавая бытовые особенности разговора двух подруг, а в данном примере в сочетании с рифмой еще и создает комический эффект.

Le han dado dos mil soles más de sueldo, como bonificación, pero eso no compensa nada, Chichi, así que ya ves, en lo que se refiere a **platita** la **Pochita** está **jodidita** (M.V. Llosa “Pantaleón y las visitadoras”).

Деривация — использование нескольких однокоренных слов в рамках одного предложения или абзаца, выполняет экспрессивную функцию, усиливающуюся при сближении слов.

En la noche rugió el tigre y el señor del trueno **roncó** con **ronca** voz (M.V. Llosa “El hablador”).

Porque **hablar como habla un hablador** es haber llegado a sentir y vivir lo más íntimo de esa cultura... (M.V. Llosa “El hablador”).

Неология, или создание окказионализмов, — широко используемый писателями прием, обладает огромной изобразительностью и зависит от контекста, без

которого подчас невозможно понять смысл слова, образованного по уже существующим словообразовательным моделям.

— Sí, fuimos hasta “La Favorita” a tomar un helado — resopla Pochita. Oye, de veras ¿tú sabes qué es eso de **Pantilandia**, amor?

— ¿Eso de qué? — se inmovilizan las manos, los ojos, la cara de Pantita — .¿Cómo has dicho, amor?

— Algo cochino, se me ocurre — recibe el aire del ventilador suspirando Pochita. Unos tipos hacían chistes colorados en “La Favorita” sobre las mujeres de, oye, qué graciosos, ¡**Pantilandia** es como si viniera de Panta!

— Achís, hmmm, pshhh — se atora, estornuda, lagrimea, tose Pantita (M.V. Llosa “Pantaleón y las visitadoras”).

Как указывает Х.С. Лобато, «Ландия» — обозначает место, где имеется избыток чего-либо, и является высокопродуктивной словообразовательной моделью в современном испанском языке для создания новых слов, обычно иронических либо комических [4. С. 63]. В данном произведении слово «Пантиландия» образовано от имени главного героя, Панталеона Пантохи, которого в быту зовут Пантита, при этом комических эффект создается за счет того, что жена героя совершенно не догадывается об этом.

Авторские неологизмы очень редко становятся широкоупотребительными, не имеют социально закрепленного и отстоявшегося языкового, общественного значения, способного быть стабильным элементом различных контекстов. Заметим, что обязательная экспрессивность — характернейшая черта окказиональных слов.

Gracias al ingeniero Alberto Lamiel, había podido echar una ojeada a los barrios **mi-lunonochescos** donde se habían desplazado los ricos y acomodados (M.V. Llosa “Travesuras de la niña mala”).

Esas estupideces se hacen sólo una vez, cuando uno **está imbecilizado** de amor por alguna mujer (M.V. Llosa “Travesuras de la niña mala”).

Лексико-семантический уровень

Роль метафоры в аспекте национально-культурной специфики необходимо рассматривать в триединстве культурного, прагматического и когнитивного подходов, тем самым определяя ее не только как инструмент категоризации, а следовательно, осуществления номинации, но также как культурную парадигму, объединяющую фоновые знания всего человечества в целом и отдельной культурно-этнической общности. Аккумулируя когнитивно-культурологическую информацию, метафора является одним из тех лингвистических явлений, которые наиболее ярко отражают суть социальных трансформаций.

En mis tobillos, los jejenes estaban haciendo estragos. Sentía **sus lancetas** y me parecía verlas, hundiéndose en la piel (M.V. Llosa “El Hablador”).

Отметим, что слово «jejen», составляющее фоновую лексику Перу, послужило основой для создания одночленной метафоры «lanceta».

En mis tobillos, los jejenes estaban haciendo estragos. Sentía **sus lancetas** y me parecía verlas, hundiéndose en la piel (M.V. Llosa “El Hablador”).

В следующем примере находим гиперболу, высокочастотную для разговорной речи, как и сама эллиптическая конструкция предложения.

La verdad es que fue mi culpa, el señor Pantoja me botó porque en un viaje a Borja me escapé y me casé con un sargento. **Hace pocos meses, para mi siglos** (M.V. Llosa “Pantaleón y las visitadoras”).

Высокоизобразительное сравнение, полное романтизма, характерного для романов прошлых веков, создает особый комический колорит, поскольку поэтическая выразительность входит в противоречие с прозаичностью описываемой ситуации.

Permítame ofrecerle mi pañuelo, distinguida señora. Tenga, por favor, le suplico. No se avergüence de llorar, **el llanto es a una dama lo que el rocío a las flores** (M.V. Llosa “Pantaleón y las visitadoras”).

Синтаксический уровень

Для этого уровня широкоузуальны повторы любого типа, которые не только обладают выразительностью, но и задают ритм, организуют высказывание, выделяя ту или иную идею.

Анафора:

De noche viajaban, **de noche** cazaban, **de noche** construían sus viviendas y **de noche** rozaban el monte y limpaban de hierbas y malezas los yucales (M.V. Llosa “El hablador”).

Эпифора:

— Cállate, **chacal** — gruñe el padre García, sin ímpetu, con notorio desgano, y, en la puerta, detrás de las cañas, hay una ola de risas. Silencio, **chacal** (M.V. Llosa “La casa verde”).

Las rocas eran **de sal**, el suelo era **de sal**, el fondo de los ríos era también **de sal** (M.V. Llosa “El hablador”).

Геминация, контактный повтор одного и того же слова для придания высказыванию выразительности:

En la puerta, detras de las cañas, en todo el rededor del local hay cabezas atentas y excitadas, ojos, melenas, codazos y un vocerío creciente que parece propagarse hacia el resto del barrio y los nombres del arpista, de los inconquistables y del padre García despuntan a veces entre el coro chillón de los churres: **quemador, quemador, quemador** (M.V. Llosa “La casa verde”).

No querían que me fuera. ... “Cómo te vas a ir, pues, todavía no has terminado de hablar. **Habla, habla**, te queda mucho por decirme” (M.V. Llosa “El hablador”).

В следующем примере мы встречаем не только **полисиндетон**, но и фоновую лексику (tapir, yuca, masato), создающую особую атмосферу в романе.

Pese a la presencia del enemigo en sus bosques, ellos vivían dedicados **a** cazar el tapir, **a** sembrar la yuca, **a** preparar el masato, **a** bailar, **a** cantar (M.V. Llosa “El hablador”).

Приведем еще один пример.

Desde entonces estamos andando, pues. Resistiendo los daños, sufriendo las crueldades de los diablos y diablillos de Kientibakori estamos (M.V. Llosa “El hablador”).

Здесь можно наблюдать сочетание парцелляции и хиазма, характерных для изложения индейских легенд в данном произведении, что создает особый колорит, также встречается имя собственное — Кientiбакори, название божества из индейской религиозной мифологической культуры, — которое является единицей фоновой лексики и входит в состав слов, отмеченных национально-культурной семантикой.

Era un buen convencedor, dicen. Un seripigari con muchos poderes. Tenía su magia, también. ¿Sería un brujo malo, un machikanari? ¿Sería uno bueno, un seripugari? Quién sabe. Podía convertir unas pocas yucas y unos cuantos bagres en tantísimos, en muchísimas yucas y pescados para que toda la gente comiera (M.V. Llosa “El hablador”).

В данном примере сочетаются несколько стилистических приемов синтаксического уровня: эллипсис, инверсия и парцелляция (воссоздает колорит разговорной речи), параллелизм, аллюзия на библейский сюжет, игра слов. Фоновая лексика отражает своеобразие в восприятии образной картины мира: в культуре индейцев племени мачигуенга слово «серипигари» обозначает шамана, обладающего «доброй» силой, а мачиканари, соответственно, является «злым», «черным» магом, шаманом.

Стилистические средства являются неотъемлемой частью творческой деятельности писателя. Использование всего многообразия ресурсов стилистики связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире и образной интерпретацией картины мира.

Изобразительность развивается в языке от некоторого исходного образа, который может быть универсальным, национально-культурным или индивидуальным. Стилистические средства, маркированные национально-культурной спецификой, отражающие местный колорит, составляют когнитивный компонент культуры народа, задают уровень компетенции, необходимой в процессе внутриязыковой и межкультурной коммуникации. Рассмотренные примеры выявляет явную тенденцию использования автором включений из родной культуры, что объясняется единством культурно-языкового фона, объединяющего автора и читателя, на которого изначально направлен текст. Таким образом, при изучении национально-культурных особенностей в художественной литературе первостепенное значение имеет анализ социокультурных факторов, исторически и лингвистически повлиявших на то или иное произведение. Безусловно, определяющим стилеобразующим фактором любой национальной литературы является культура, в том числе и национальная.

В аспекте актуальности проблемы межкультурной коммуникации большая роль отводится коммуникативной значимости единиц с культурным компонентом значения. В условиях реального общения для реализации коммуникативного акта недостаточно лишь одной языковой компетенции. Чтобы адекватно понимать сообщаемую либо написанную информацию (которая всегда шире и многограннее буквального понимания высказывания), необходимо владеть также коммуникативной компетенцией. Полноценное общение между представителями разных народов может состояться только в том случае, если коммуникативная компетен-

ция одного соответствует в определенных рамках коммуникативной компетенции другого.

Например, на национально-культурную специфику в рамках перуанского национального варианта огромное влияние оказали и продолжают оказывать индейские языки. Индихенизмы, функционирующие в языке произведений перуанского писателя М.В. Льюсы, придают ему яркое своеобразие. Обычно они относятся к бытовой сфере и служат для номинации флоры, фауны, этнонимов, названий блюд национальной кухни, мифологических персонажей и других явлений. Поэтому коммуникативная компетенция во многом определяется умением соотносить языковые средства с конкретными условиями, задачами и ситуациями общения, обусловленными коммуникативно-прагматическими и национально-культурными особенностями. Фоновые знания — показатель коммуникативной компетенции.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному и опираясь на проанализированные примеры из произведений Марио Варгаса Льюсы, можно сделать вывод о том, что для понимания смысла высказывания недостаточно знать лингвистические значения входящих в него слов, необходимо овладеть фоновыми знаниями, которые составляют основу литературных аналогий, иносказаний, подтекста, локального колорита и исторической привязанности художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- [2] *Москвин В.П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2007.
- [3] *Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- [4] *Sánchez Lobato J.* Procedimientos de creación lexicla en el español actual // Paralelo 50, Ministerio de educación y Ciencia, diciembre de 2007.

STYLISTICS AND NATIONAL CULTURE

E.V. Zhuravliova

Spanish Language Department
Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119882

The article analyses the interconnection of national culture and some expressive stylistic means used in works by Mario Vargas Llosa.

Key words: Stylistics, expressivity, metaphor, national culture, background cultural knowledge, cross-cultural communication, communicative competence.

О ЗАЛОГОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОНСТРУКЦИИ *ESTAR+SIENDO+PARTICIPIO*

А.Н. Гуров

Кафедра романских языков

Факультет «Иностранных языков и зарубежной военной информации»

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

ул. Большая Садовая, 14, Москва, Россия, 123001

В работе рассматривается сравнительно недавно возникшая в испанском языке конструкция *estar+siendo+Participio*, анализируются условия употребления и перспективы использования данной формы в современном испанском языке.

Ключевые слова: страдательный залог испанского языка, пассивные формы, статив, *estar+siendo+gerundio*, *estar+gerundio*, герундиальный пассив.

При исследовании текстов современного испанского языка нередко среди средств, используемых для передачи залогового значения, встречается конструкция *estar+siendo+Participio*, которая появилась в языке сравнительно недавно. Появление этой конструкции и ее использование в пассивном значении не могло не привлечь внимание испанских ученых.

Большинство исследователей не относят *estar+siendo+Participio* к пассивным конструкциям. По мнению Гомеса Торрего, «Пассивная конструкция *estarsiendo+participio* является синтаксическим англицизмом, который постепенно укореняется в испанском языке, возможно для того, чтобы заполнить собой пустоту пассива конструкции *estar+gerundio*. Как бы там ни было, необходимо ее избегать» [1. Р. 113].

Гомес Торрего считает, что предложение *El proyecto está siendo discutido en las Cortes* лучше переводить как *El proyecto se está discutiendo en las Cortes; El plan de que te hablé está siendo elaborado por los profesores* *правильнее будет звучать в виде Los profesores están elaborando el plan de que te hablé.*

Позицию Гомеса Торрего поддерживают Кристофер Поунтэйн [2] и Гомес Капус [3], которые называют конструкцию *estar+siendo+gerundio* «тяжелой и неприемлемой» для исследователей.

Тем не менее, многие авторы, которые считают эту конструкцию неприемлемой, в своих работах довольно часто ее используют (Эмилио Лоренсо [4], Рамон Карнисер [5. Р. 61—64]).

Хили Гайя не исключает использование данной пассивной формы, но считает, что она «отвергается самой структурой испанского языка, так как является слишком тяжелой и неповоротливой». Хили Гайя полагает, что «если уж испанский язык противится использованию причастной пассивной конструкции с *ser*, то он еще сильнее должен сопротивляться в случае с герундиальным пассивом» [6. Р. 70].

Королевская Испанская Академия, рассматривая конструкцию *estar+gerundio*, указывает, что данная длительная конструкция может встречаться и в форме стра-

дательного залога, превращаясь в *estar+siendo+participio*: эта конструкция, по мнению авторов, является допустимой калькой английской формы *is being+Participio*, но она вполне возможна и грамматически правильна в испанском языке, хотя и реже используется по сравнению с активной формой и местоименной пассивной конструкцией» [7]:

«Me pidió [...] que llevara en mi tripulación, convenientemente disfrazado y con el mayor disimulo, a un rabino judío que estaba siendo buscado por la Inquisición» [Augusto R. Bastos];

«John Polidori tuvo la inquietante certeza de que estaba siendo observado» [Federico Andahazi];

«Era evidente que estaba siendo acosado y atacado por el otro» [José María Guelbenzu].

Мария Виктория Ромеро разделяет мнение большинства ученых, считающих, что конструкция *estar+siendo+Participio* является синтаксическим англицизмом, и хотя призывает избегать ее использования, однако считает, что в современном испанском языке все чаще используется эта форма выражения страдательного залога [8]:

«...desaparecerá cuando se apruebe la futura Ley de Universidades, cuyo anteproyecto está siendo debatido por la comunidad educativa» [La Razón, 31-5-01].

«España importa 36 cerdos transgénicos [...] Han sido adquiridos por la Xunta de Galicia [...] y ya están siendo utilizados en experimentos con monos» [El Mundo, 13-2-99].

«...una de las empresas que forman parte del entramado financiero de la banda terrorista ETA/KAS y que están siendo investigadas por el juez Garzón» [ABC, 23-2-99].

В испанских грамматиках отечественных авторов данная форма не рассматривалась. Впервые краткий анализ данной конструкции дал профессор И.Ф. Мельцев, который писал: «В процессе общения могут возникнуть ситуации, в которых значение страдательности нельзя выразить ни с помощью причастной, ни с помощью местоименной конструкций. Появление конструкции *estar+siendo+Participio* отражает объективную языковую тенденцию: компенсировать «ущербность» существующих средств выражения залоговых значений» [9].

По мнению автора, использование этой конструкции в качестве «компенсирующего» средства объясняется, кроме того, наличием в системе актива параллельной конструкции «*estar+gerundio*» с аналогичным видовым содержанием, которой она и противопоставляется с точки зрения исходного пункта высказывания.

Анализ *estar+siendo+Participio* в текстах самой разнообразной тематики показывает, что залоговое значение страдательности данной конструкции очень устойчиво, что оно не зависит от тех лексических и грамматических факторов, которыми обусловлено употребление причастных и местоименных пассивных конструкций:

«La corrida está dedicada al maestro Antonio Ordóñez, que este año ha cumplido el cuarenta aniversario de su alternativa, por lo que está siendo justamente homenajeado» [Sur, 7-9-91];

«El público que asiste a estos conciertos [...] sabe que está siendo engañado, pero finge que lo ignora» [Marta Escotet, Rock en Rusia];

«La iglesia está siendo sometida a una rehabilitación que, hasta el momento, ha conseguido despojarla de su techumbre [...] [Sur, 12-9-91].

Так, в отличие от причастной и местоименной пассивных форм данная конструкция безразлична к видовому лексическому характеру глагола.

Una división de policía está siendo trasladada al edificio del seminario [El tiempo», Colombia]; Estoy siendo menospreciada por mi esposo [Ramos. Cuba].

Мы видим, что и 1-е предложение, в котором употреблен предельный глагол, и 2-е предложение, в котором употреблен непредельный глагол, выражают длительное непрерывное действие. Местоименной пассивной форме более свойственны предельные глаголы, особенно в Presente и Imperfecto, в то время, как причастная пассивная конструкция тяготеет к использованию непредельных глаголов в тех временных формах, действие в которых представляется как незавершенное, и использует предельные глаголы в тех временных формах, действие в которых представляется как завершенное.

Данная конструкция в отличие от пассивных форм безразлична к признаку наличие/отсутствие объекта — агента действия.

Los presupuestos están siendo elaborados por una comisión parlamentaria [El Mundo]; Ultimamente estos pueblos están siendo abandonados [La Vanguardia].

Несмотря на то что в одном из предложений объект-агент действия отсутствует, оно также как и второе, выражает не состояние или признак, а процесс. Что касается причастной и местоименной пассивных конструкций, то наличие объекта-агента способствует употреблению *ser+Participio*, а отсутствие — употреблению страдательного залога с *se*.

В то время как одушевленный субъект способствует употреблению причастной пассивной формы, а неодушевленный субъект — местоименной, конструкция *estar+siendo+Participio* безразлична к признаку одушевленность/неодушевленность существительного, выступающего в роли субъекта.

Mi padre está siendo visitado con frecuencia [Benítez, México]; Está siendo reparado el vehículo.

Из примеров видно, что действие и в 1-м и во 2-м предложениях беспрепятственно переходит на субъект, хотя в одном из них субъект выражен одушевленным существительным, а в другом — неодушевленным.

Данная конструкция, кроме того, безразлична к формам лица субъекта.

Contingentes militares gubernamentales están siendo trasladados con urgencia a la región montañosa [Granma, Cuba]; Estoy siendo menospreciada por mi esposo [Ramos, Cuba].

Анализ встретившихся в различных текстах конструкций *estar+siendo+Participio* показывает, что они, как правило, употребляются в Presente и Imperfecto de Indicativo, то есть в тех временных формах, употребление которых ограничено для причастной конструкции (*ser + P*).

Наиболее существенной чертой, свойственной только этой конструкции, является ее ярко выраженное видовое значение. В ней вид превалирует над временным значением. Видовое значение конструкции *estar+siendo+Participio* — выражение незаконченного, длительного действия — сохраняется во всех случаях устойчиво и не зависит от того, к настоящему или прошедшему отрезку времени относится это действие.

Estos pueblos están siendo abandonados por los más jóvenes.

Таким образом, мы видим, что конструкция *estar+siendo+Participio* отличается от местоименной и причастной пассивных конструкций, с одной стороны, полной свободой от каких-либо синтаксических или лексических условий, то есть устойчивостью залогового значения страдательности, а с другой стороны, особой видовой характеристикой. Это, по-видимому, и является причиной все более частого употребления данной конструкции в языке. Возникнув как средство выражения пассивного значения в тех случаях, когда было невозможно использование других пассивных форм, конструкция *estar+siendo+Participio* стала употребляться и в тех случаях, когда употребление *ser+P* и *se+V* является нормативным:

...y actualmente están siendo modernizadas las instalaciones [Ejército, España]; Mi padre está siendo visitado con frecuencia [Benitez].

В данных примерах вполне могут быть использованы формы «son modernizadas», «se modernizan», у «es visitado con frecuencia», причем в последнем примере форма «es visitado» более оправдана, так как в нем подчеркивается итеративность действия.

Итак, анализ условий употребления *estar+siendo+Participio* показывает, что данная конструкция не является синтаксическим синонимом ни причастной, ни местоименной пассивных форм и, следовательно, ее появление в испанском языке не следует рассматривать как простое пополнение репертуара форм, служащих для передачи залоговых значений. Можно предположить, что данная конструкция в силу ее независимости от лексических и грамматических условий является перспективным средством выражения значения страдательности в испанском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Torrego G.* Manual de español correcto. — Madrid, 1991.
- [2] *Pountain C.J.* Gramática mítica del gerundio castellano. — Cardiff: University of Wales Press, 1994.
- [3] *Gómez Capuz J.* Notas para un estudio de los anglicismos en español. Tesis de licenciatura inédita. — Valencia: Universidad, 1991.
- [4] *Lorenzo E.* Anglismos hispánicos. — Madrid: Gredos, 1996.
- [5] *Carnicer R.* Intercalaciones en tiempos compuestos. En Tradición y evolución en el lenguaje actual. — Madrid: Prensa Española, 1977.
- [6] *Gili G.* Nuestra Lengua Materna. — San Juan de Puerto Rico: Instituto de Cultura Puertorriqueña, Biblioteca Popular nº3. — 1973. — P. 70.
- [7] Diccionario panhispánico de dudas. — RAE, 2005.
- [8] *Gualda M.* El español en los medios de comunicación. — Madrid: Arco Libros, S.A. 1993.
- [9] *Мельцев И.Ф.* О некоторых особенностях конструкции *estar+siendo+причастие* в испанском языке // Труды института. — Иностранные языки. — № 6. — М.: ВИИЯ.

ABOUT VOICE BELONGING OF THE CONSTRUCTION ESTAR+SIENDO+PARTICIPIO

A.N. Gurov

Department of Romanic languages
The Faculty of Foreign Languages and Foreign Military Information
Military University of the Ministry of Defense of Russia
Bolshaya Sadovaya str., 14, Moscow, Russia, 123001

In this work the recently appeared in the Spanish construction *estar+siendo+Participio* is examined, its conditions of use and perspectives in the modern language are considered.

Key words: passive voice of the Spanish, passive forms, *estar+siendo+gerundio*, *estar+gerundio*, gerundive passive.

РУССКИЙ ЯЗЫК

НАПРАВЛЕНИЕ ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СЛОЖНЫХ АФФИКСОВ

О.А. Пацюкова

Кафедра русского языка
Нижегородский государственный педагогический университет
ул. Ульянова, 1, Нижний Новгород, Россия, 603950

В статье рассматриваются два противоположных направления переразложения — регрессивное и прогрессивное. Рассматривается связь каждого из направлений с формированием сложных аффиксов — приставок и суффиксов.

Ключевые слова: аффиксы, приставки, суффиксы, направления переразложения, регрессивное, прогрессивное.

Проблема изменения морфемной структуры слова привлекла внимание ученых-лингвистов еще в конце XIX столетия, когда И.А. Бодуэн де Куртенэ открыл закон «сокращения основ в пользу окончаний». Однако до настоящего времени механизмы развития структуры русского слова до конца еще не изучены, а следовательно, данная научная проблема по-прежнему актуальна.

Перемещение границ между образующими слово морфемами в современном языкознании называют термином «переразложение». Именно этот процесс лежит в основе формирования сложных аффиксальных морфем в языке. Поскольку смещение морфемных границ может иметь различное направление, закономерно возникает вопрос о том, как связано формирование сложных аффиксов разного типа — сложных суффиксов и сложных префиксов — с направлением переразложения в слове.

Изучению направления происходящих в структуре слова изменений пристальное внимание уделяли еще представители Казанской лингвистической школы — Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Н.В. Крушевский, ставя направление морфологической абсорбции (поглощения) в зависимость только от фонетических изменений, подходит к решению данного вопроса односторонне. Ученый утверждает, что направление морфологической абсорбции и фонетической ассимиляции в историческом развитии языков прямо противоположны друг другу. Поэтому прогрессивное направление ком-

бинационно-фонетических изменений, свойственное индоевропейским языкам, обуславливает регрессивное (от конца слова к его началу) направление морфологической абсорбции [5. С. 24].

По мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевский, рассуждая о связи морфологической абсорбции с направлением фонетической ассимиляции, допускает терминологическую неточность, которая приводит его к неверному выводу. Эта неточность заключается в том, что ученый взял за исходную точку при определении направления уподобления звуков звук пассивный, или подвергающийся изменению, поэтому называет уподобление звука предшествующего звуку последующему «ассимиляцией прогрессивной», а уподобление звука последующего предшествующему — «ассимиляцией регрессивной». И.А. Бодуэн де Куртенэ при определении направления как морфологической абсорбции, так и фонетической ассимиляции за исходную точку берет «сторону агрессивную». Поэтому под регрессивной ассимиляцией лингвист понимает уподобление предшествующего звука звуку последующему, или «наступающему», а под прогрессивной — уподобление последующего звука звуку предшествующему (именно такое понимание направления ассимиляции свойственно современной науке о языке). Таким образом, И.А. Бодуэн де Куртенэ усматривает «полнейшее соответствие» в направлении между фонетическими изменениями и морфологической абсорбцией, которое позволяет ему утверждать, что «на существующей фазе исторического развития ариоевропейских языков как фонетическое, так и морфологическое завоевание идет от конца слова к его началу» [4. С. 161].

Из сказанного следует, что, несмотря на разные исходные позиции и соответственно терминологические расхождения, Н.В. Крушевский и И.А. Бодуэн де Куртенэ направление структурных изменений в слове определяют одинаково — как регрессивное (от конца слова к его началу).

В.А. Богородицкий, в отличие от своих современников, не ограничивается зависимостью морфологической абсорбции от фонетических изменений, поскольку в языках, не относящихся к индоевропейским, например в татарском, где фонетические изменения носят противоположный индоевропейским языкам характер, направление морфологической абсорбции точно такое же, как и в языках индоевропейских [2. С. 196]. Ученый отмечает, что морфологическая абсорбция через посредство пропорциональной аналогии может быть как регрессивной (укороченное *Аршава* из предложных выражений *в Варшаву*, *в Варшаве* по аналогии: *вархангельск*: *архангельск* = *варшаву*: $x \rightarrow x = \text{аршаву}$), так и прогрессивной (удлиненное *овторник* из падежных форм *во вторник*, *безо вторника* по аналогии: *вогонь*: *огонь* = *овторник*: $x \rightarrow x = \text{овторник}$) [2. С. 19].

Сторонник и приверженец Казанской лингвистической школы, выдающийся польский лингвист К.Ю. Аппель направление морфологической абсорбции ставит в зависимость от того, какая морфема выступает в роли «абсорбирующего элемента» — предшествующая или последующая. «В первом случае абсорбция будет *прогрессивная* и абсорбирующим элементом является *тема* или *префикс*; во втором, напротив того, она будет регрессивная, и здесь роль активная (погло-

щающая) принадлежит также *теме*, или же *суффиксу* (флексии)» [1. С. 27]. К мысли о двух направлениях морфологической абсорбции (прогрессивном и регрессивном) впоследствии приходит и И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Исторические эволюции морфологической стороны языка состоят в поочередном перемещении языкового внимания с конца слова или предложения к его началу и наоборот» [4. С. 348—349].

Возможность прогрессивного характера морфологической абсорбции спустя десятилетия убедительно подтверждает Н.М. Шанский: «при опрощении на стыке корня и суффикса и при переразложении (правда, сравнительно редком) на стыке приставки и образующей основы направление морфологической абсорбции должно или может быть и прогрессивным (→ ср. *обессилеть*, *лощина* и т.п.): в случае с наиболее распространенным опрощением на стыке суффикса и корня — обязательно прогрессивным, в случае с переразложением на стыке приставки и образующей основы — прогрессивным (тогда, когда сливаются в одну стоящие рядом приставки)» [8. С. 181]. Несомненной заслугой ученого при характеристике направления происходящих изменений в структуре слова является разграничение видов морфологической абсорбции — переразложения и опрощения.

Прогрессивное направление переразложения на стыке приставки и образующей основы, которая при этом должна иметь в своем составе другую приставку, а следовательно, быть производной, связано с такой причиной переразложения, как «выход из употребления соответствующего данному слову производящего слова при сохранении в языке других родственных образований» [8. С. 215]. Так, утрата языком глагола *дослышати* привела к тому, что в современном глаголе *недослышать* ('плохо расслышать, не услышать всего') выделяется только одна приставка *недо-*, а не две приставки *не-* и *до-*. Прогрессивный характер переразложения встречается действительно редко, поскольку «славянская глагольная полипрефиксация... как правило, не приводит к возникновению новых словообразовательных морфем — сложных приставок» [7. С. 91]. В русском языке всего три сложных префикса — *обез-* (*обезжирить*, *обесточить*, *обеззоливание*), *недо-* (*недопонять*, *недовыпустить*, *недовложение*), *небез-* (*небезвыгодный*, *небезынтересный*), причем в *недо-* и *небез-* первый элемент генетически является не приставкой, а отрицательной частицей.

Развивая идеи предшественников, Г.А. Николаев замечает, что прогрессивный характер переразложения может быть на стыке основы и суффикса, но только при условии изменения исторического направления производности на обратное. Случай прогрессивного переразложения наблюдается, в частности, в существительном *работа*. Слова *работа* и *работать* исторически образовались следующим образом: *раб* → *раб-от(а)* → *работ-а(ть)*. С течением времени развивается обратная соотношенность в цепи производных единиц: существительное *работа* осмысливается как образованное от глагола *работать*, то есть исторически производящее и производное поменялись местами. Таким образом, существительное *работа*, которое первоначально имело в своей структуре словообразовательный суффикс *-от-*, теперь приобрело иную, но тоже бинарную структуру — основу

работ- и нулевой суффикс, который указывает на новую зависимость [6. С. 68]. Под влиянием обратной соотнесенности произошло переосмысление структуры когда-то образованного слова, что привело к перемещению морфемных узлов, которое выразилось в наращении основы за счет аффикса (ср.: *раб-от(a)* и *работ-Ø(a)*).

Описанный пример прогрессивного переразложения иллюстрирует сокращение суффикса в пользу основы, однако этот процесс никогда не приводит к образованию сложных суффиксов. Сложный суффикс возникает в результате увеличения формантной части производного слова за счет уменьшения основной. Это может происходить только при регрессивном направлении переразложения.

Так как словообразовательная система развивается по принципу «нанизывания» простых морфем, в языке много слов, имеющих в своем составе несколько суффиксов. Полисуффиксация, в отличие от полипрефиксации, регулярно составляет новые сложные суффиксы, многие из которых формируются буквально на наших глазах. Условием формирования сложных суффиксов в языке являются две причины.

1. Диахроническая, на которую указывал еще Н.М. Шанский, — выпадение из русского литературного языка образующего слова. Так, современное прилагательное *крохотный* от *кроха* в настоящее время имеет в своем составе сложный суффикс *-отн-* (< *-от-* + *-н-*), который образовался в результате регрессивного переразложения в силу утраты языком производящей основы *крохоть* ('мелкая частица какого-либо вещества'), которая прежде была производной (*крох-оть* ← *кроха*). Изучение языка в разные эпохи его развития позволяет увидеть реальную историю появления сложных аффиксов.

2. Синхроническая, выявленная И.А. Ширшовым [9], — «семантическая нейтрализация» неконечных суффиксов в акте деривации на фоне множественной мотивации.

Понятие нейтрализации введено в языкознание фонологами, поэтому как явление языка нейтрализация наиболее убедительно описана применительно к незначимым единицам — фонемам. С 60-х гг. XX в. понятие нейтрализации переносится на другие подсистемы языка — морфологию, синтаксис, лексикологию. Позднее была осуществлена попытка очертить особенности нейтрализации и в словообразовании, которую предприняли О.М. Соколов, Н.А. Янко-Триницкая, О.П. Ермакова. Наиболее полно теоретические проблемы нейтрализации и специфика ее проявления в словообразовании разработаны И.А. Ширшовым [9].

Так как понятие нейтрализации неразрывно связано с понятием позиции, И.А. Ширшов особое внимание уделяет определению позиции в словообразовании и дает детальное описание сильных и слабых позиций, в которых могут оказаться производящая основа («мотиватор») и словообразовательное средство («дериватор») как элементы бинарной структуры производного слова.

Формирование в языке нового суффикса в результате переразложения основы связано со слабой позицией дериватора, в которой он оказывается минимум на второй ступени словообразования, когда на один суффикс нанизывается дру-

гой. В отличие от сильной позиции, в которой значение суффикса реализуется в чистом виде, поскольку он «занимает *конечное* положение в производной основе и непосредственно взаимодействует с флексиями или формообразующими суффиксами», слабой позицией для дериватора является «*неконечное* положение в производной основе» [9. С. 26]. Неконечное положение суффикса, то есть положение перед другой словообразовательной морфемой, характеризуется тем, что, во-первых, суффикс «становится компонентом мотивирующей основы, которая в целом противопоставлена конечному суффиксу на синтагматической оси», и, во-вторых, суффикс, «сохраняя связь с основой (корнем), теряет связи со словоизменительными морфемами и потому становится слабо семантически очерченным» [8. С. 27, 28]. Именно в слабой позиции суффикс может претерпевать изменения формальные, семантические или те и другие одновременно.

Так, словообразовательная цепь прилагательного *исполнительный* разворачивается следующим образом: *исполни(ть)* → *исполни-тель* → *исполнитель-н(ый)*. Каждая словообразовательная ступень представлена своим структурным показателем. Прилагательное *исполнительный* содержит на одну морфему больше, чем существительное *исполнитель*, что должно свидетельствовать о наличии между ними мотивационных отношений. Но если с точки зрения формальной прилагательное ближе к основе существительного на *-тель*, то с точки зрения семантической прилагательное *исполнительный* ('хорошо исполняющий поручения, обязанности') выражает отношение не к лицу (*исполнитель*), а к действию (*исполнить*). Это связано с тем, что суффикс *-тель*, который в существительном *исполнитель* находился в сильной позиции конца слова и выражал словообразовательное значение лица, в прилагательном *исполнительный* оказывается в слабой позиции, так как занимает неконечное положение перед суффиксом *-н-*, становится частью мотивирующей основы *исполнитель-* и перестает взаимодействовать с субстантивной парадигмой. Находясь в слабой позиции, суффикс *-тель* поглощается суффиксом *-н-*, который находится в прилагательном в сильной позиции конца слова и утрачивает свое значение лица, то есть подвергается семантической нейтрализации. Семантически опустошенная последовательность *-тель* срастается с суффиксом *-н-*, формируя новый суффикс *-тельн-* со значением отношения к действию. Таким образом, левое наращение живой морфемы *-н-* — это бывшая в слове полноценная морфема, потерявшая способность к самостоятельному функционированию в результате семантической нейтрализации суффикса в слабой позиции.

Изучение языка в определенную эпоху его функционирования, в частности его современное состояние, позволяет утверждать, что появление сложных суффиксов, а следовательно, и изменение словообразовательной базы (ее сокращение в пользу суффикса) связано с изменением деривационных отношений, которые определяют характер словообразовательной системы языка на конкретном этапе ее развития.

Формирование сложных суффиксов наблюдается в словах различных частей речи, преимущественно в именах (существительных и прилагательных), реже

в глаголах: *цитат-ничеств(о)* ('догматическое пристрастие к цитатам'), *помешательств(о)* ('состояние по глаг. помешаться'), *надува-тельск(ий)* ('предназначенный надувать, т.е. обманывать'), *ловелас-нича(ть)* ('вести себя как ловелас; вольничиться'), *фашист-ствова(ть)* ('вести себя как фашист').

Итак, направление процесса переразложения в основе производного слова может быть как регрессивным, так и прогрессивным. Образование сложных аффиксальных морфем в русском языке связано с каждым из указанных направлений. Переразложение возникает в силу того, что информативная нагрузка морфем распределяется в слове неравномерно, семантическая нагрузка в производном слове, имеющем в своем составе две приставки или два суффикса, концентрируется на корневой морфеме и крайней служебной морфеме (вторичной приставке или конечном суффиксе). Семантический вес крайней служебной морфемы объясняется ее словообразовательной функцией — созданием слова с новым значением. Аффикс, попадающий в положение между корнем и крайней служебной морфемой, утрачивает свою деривационную функцию, становясь частью производящей основы. Это приводит к тому, что семантика промежуточного аффикса ослабевает, а сам аффикс подвергается семантической абсорбции.

В итоге вторичная приставка поглощает префикс, расположенный от нее справа, поэтому сложные приставки формируются в результате переразложения прогрессивного характера. Сложные суффиксы, напротив, являются следствием регрессивного переразложения, так как абсорбции подвергается суффикс, находящийся слева от конечного суффикса. Поскольку сложных суффиксов в языке намного больше, чем сложных приставок, можно заключить, что для русского языка наиболее характерным является регрессивное направление структурных изменений в слове.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аппель К.Ю.* Несколько слов о новейшем психологическом направлении языкознания // Русский филологический вестник (особый оттиск). — Варшава, 1882.
- [2] *Богородицкий В.А.* Лингвистические заметки. Вып. I: О морфологической абсорбции // Русский филологический вестник (особый оттиск). — Варшава, 1881.
- [3] *Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. — Изд. 4-е, перераб. — М.: Госуд. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939.
- [4] *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Т. I.
- [5] *Крушевский Н.В.* Лингвистические заметки // Русский филологический вестник (особый оттиск). — Варшава, 1880.
- [6] *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987.
- [7] *Ройзензон Л.И.* Славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Минск, 1970.
- [8] *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
- [9] *Ширшов И.А.* Нейтрализация в словообразовании. Учебное пособие. — Ставрополь, 1987.

THE TYPES OF METANALYSIS AND THE FORMATION OF COMPLEX AFFIXES

O.A. Patsyukova

Department of Russian Language
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Ulyanova str., 1, Nizhny Novgorod, Russia, 603950

Two opposite types (regressive and progressive) of metanalysis are described in this article. The connection of each type and the formation of complex affixes (prefixes and suffixes) is considered.

Key words: affixes, prefixes and suffixes, metanalysis, regressive and progressive.

ЯЗЫКИ АЗИИ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Н.Н. Воропаев

Отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии

Институт языкознания РАН

Б. Кисловский пер., 1/12, стр. 1, Москва, Россия, 125009

Автор предлагает различать прецедентные имена по их преимущественному использованию в дискурсе на прецедентные имена-референции и прецедентные имена-описания.

Ключевые слова: прецедентные имена, структурно-семантические особенности, имена-референции, имена-описания.

Мы рассматриваем прецедентные имена (ПИ), опираясь на два базовых специфических признака, которые и привлекают исследователей в прецедентных именах и собственно формируют феномен прецедентного имени на основе индивидуального имени собственного. Эти признаки — широкая известность референта ПИ и способность данного прецедентного имени выступать в качестве культурного знака, то есть актуализатора определенных качеств, событий, судеб и использоваться в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи [2. С. 230]. Наличие этих двух признаков вместе, полагаем, является обязательным для отнесения того или иного имени к числу прецедентных.

К прецедентным именам китайскоязычного дискурса мы относим такие широко известные индивидуальные онимы разных типов, фразеологизмы и словесные клише, в основе которых лежат культурные, литературные и исторические сюжеты и которые способны в дискурсе употребляться как экстенционально (референтно), так и интенционально (коннотативно), и всегда сохраняют четкую связь в сознании носителей языка с изначальными референтами. Все ПИ обладают общенациональными инвариантами восприятия, которые в дискурсе зафиксированы в языковых, энциклопедических, лингвокультурологических и прочих специальных словарях.

При характеристике других людей, событий, явлений и предметов (интенциональное коннотативное употребление) и при обозначении собственно первичного референта (экстенциональное референтное употребление) ПИ выступают как культурные знаки, то есть знаки, актуализирующие в сознании членов китайского лингвокультурного сообщества определенные знания об исторических или вымышленных событиях, персонажах или объектах материальной или духовной культуры Китая или всего мира, а также определенные эмоции, мысли, ассоциации.

Однако полагаем, необходимо различать случаи, когда ПИ преимущественно в дискурсе употребляется интенционально, то есть для характеристики других людей, ситуаций, предметов, и когда ПИ преимущественно употребляется экстенционально, то есть указывает на свой референт. В первом случае следует говорить о простой, прямой характеристике, причем характеристика выступает на первый план и происходит актуализация только тех дифференциальных признаков ПИ, которые релевантны для данной вербализации, например:

现代鲁班创奇迹 Xiandai Lu Ban chuang qiji ‘Современные Лу Бани творят чудеса’ (заголовок из газеты) [7. С. 118].

Референт ПИ Лу Бань — историческая личность, знаменитый плотник и изобретатель Лу Бань (507—444 гг. до н.э.). Современные китайцы его имя используют для обозначения мастеров своего дела в строительной индустрии.

Во втором случае, полагаем, следует говорить о том, что на первый план выходит весь основной набор дифференциальных признаков референта ПИ, и апелляция автора произведения (писателя, оратора, художника, музыканта, производителя сувениров, скульптора и проч.) к ПИ и его референту используется в целях обогащения идейно-проблемного содержания произведения, наращивания его духовного заряда, увеличения воздейственной эстетической и этической мощи. В этом случае, полагаем, можно говорить о сложной, косвенной характеристике каких-либо компонентов контекста, содержащего ПИ. Например:

特别是在组织“支持北京申办奥运万人大签名”的活动中，孔小虎率领几百名旅俄华商组成的方阵，齐呼“2008，北京成功”的口号，迈着整齐的步伐行进在莫斯科革命广场上，炎黄子孙，声威大振。此外，孔小虎还担任着俄罗斯中国和平统一促进会副会长的职务。 [9. С. 3].

Tebie shi zai zuzhi “zhichi Beijing shenban Aoyunhui wan ren da qianming” de huodong zhong, Kong Xiaohu shuailing ji bai ming lu E huashang zucheng de fangzhen, qi hu “2008, Beijing chengong” de kouhao, maizhe zhengqi de bufa xingjin zai Mosike Geming guangchang shang, Yan Huang zisun, sheng wei da zhen. Ciwai, Kong Xiaohu hai danrenzhe Eluosi Zhongguo heping tongyi cujinhui fuhuizhang de zhiwu.

‘Особый резонанс вызвало мероприятие под названием «Сбор подписей десяти тысяч человек в знак поддержки города Пекина в заявлении провести Олимпиаду». Несколько сотен находящихся в России китайских коммерсантов под предводительством Кун Сяоху, образовав мобильный отряд, стройно скандировали лозунг «В 2008 году Пекин добьется успеха». С достоинством и большим воодушевлением

потомки первых китайских императоров Яня и Хуана прошли стройным шагом по московской площади Революции. Кроме этого, Кун Сяоху занимает пост заместителя председателя российского комитета содействия мирному объединению Китая'.

В данном отрывке текста использованы ПИ-антропонимы Янь и Хуан (имена двух мифических императоров Китая, которые вместе в виде фразеологизма [ПИ-идеонима] 炎黄 Yan Huang обозначают праотцев китайской нации), посредством которых актуализируется информация о Китае как о стране с древнейшей историей и культурой и о том, что для китайцев в борьбе за проведение Олимпиады мощной духовной поддержкой является осознание себя продолжателями древней цивилизации и всем известных первопредков.

Полагаем, в первом случае следует говорить о ПИ-дескрипциях. То есть такое ПИ обрело в лингвокультурном сообществе достаточную известность, что его использование для характеристики трактуется получателями сообщения однозначно и ясно, как дескрипция (от англ. description — описание; характеристика; обозначение; наименование). Отметим, что мы используем здесь термин «дескрипция» в несколько нетрадиционном значении. Обычно в лингвистике под дескрипцией понимается (от лат. descriptio — описание) языковая конструкция, заменяющая собственное или нарицательное имя предмета. В естественном языке передается словосочетаниями типа «тот..., который...» и «такой..., что...». Однако мы полагаем, что для описания ПИ данный термин вполне подходит, так как ПИ, обычно являясь весьма компактным знаком, включает в себе большой потенциал для развернутого описания и даже если его значение стало нарицательным и четко соответствует одному слову, например, «Чжугэ Лян — мудрец», тем не менее, в сознании коммуникантов, подспудно, например, это ПИ автоматически разворачивается до минимальной дескрипции: «мудрый, как Чжугэ Лян», потому что, во-первых, основной особенностью ПИ является всегда присутствующая неразрывная связь имени с его референтом в сознании носителя языка, во-вторых, возникновение в дискурсе самого ПИ уже вынуждает мысленно прочитывать подобные дескрипции с конструкцией уподобления. И чем сложнее структура стоящих за ПИ представлений, тем объемнее могут быть эти непроизносимые, но возникающие в сознании дескрипции.

Во втором случае появление в тексте или любом другом речевом произведении ПИ, казалось бы, является простой референцией (от англ. reference — ссылка, указание, отсылка (к источнику)), то есть указанием на референт ПИ. Однако специфика семантики прецедентного имени в том то и заключается, что это имя хорошо известно всем и все члены лингвокультурного сообщества владеют какими-либо энциклопедическими знаниями о референте ПИ, и даже простое появление ПИ в тексте автоматически подспудно активизирует память реципиента сообщения, или актуализирует определенные дифференциальные признаки референта этого ПИ в сознании получателя информации, или просто оживляет, интенсифицирует процесс восприятия текста, благодаря увиденному (услышанному) хорошо знакомому знаку (ПИ). Приведем простой пример. Когда анонсируется новый фильм и объявляются занятые в нем актеры, то мы чаще всего склонны

испытывать положительные эмоции, слыша знакомые фамилии известных актеров, хотя эффект может быть и прямо противоположный, если актеры нам по каким-либо причинам не нравятся, главное — на известные имена есть какая-либо реакция, возникают эмоции и мысли. Неизвестные имена и фамилии никаких реакций вызвать не смогут, за исключением специфических (странный, смешной или необычный фамилия или редкое имя).

Таким образом, ПИ, которые в дискурсе используются для характеристики регулярно, мы предлагаем в необходимых случаях называть ПИ-описаниями, а ПИ, которые для характеристики используются редко, нерегулярно, лишь в каких-либо авторских специфических вербализациях или при переходе в культурное пространство другой страны, и которые в дискурсе преимущественно используются для указания на свой референт, предлагаем называть ПИ-референциями. Это различие обусловлено разными дифференциальными признаками, формирующими инварианты восприятия того или иного ПИ в лингвокультурном сообществе и возможностями возникновения в дискурсе ситуаций, когда использование того или иного имени для характеристики будет релевантным. Резюмируем изложенное выше схемой.

Полагаем, что такое условное различие ПИ в их функционально-семантическом аспекте необходимо для более эффективного изучения ПИ китайскоязычного дискурса с позиций инофона.

ПИ-описания обладают инвариантами восприятия, которые закреплены в КД в виде устойчивых словесных клише или, если имя уже стало нарицательным, — определенными конкретными словами. ПИ-описания часто связаны с большим количеством фразеологизмов китайского языка разных типов (чэньюй, сехоуэй, гуаньюньюй) или являются таковыми и известны большинству социализированных членов лингвокультурного сообщества. ПИ-описания регулярно используются для характеристики других людей или ситуаций, явлений, предметов в современном китайскоязычном дискурсе.

Например, ПИ *Пань Ань* служит в КД для обозначения красивых мужчин. Инвариант восприятия ПИ *Пань Ань* — «красавчик». Например:

难道她真个嫌我丑陋，一定要选个潘安不成？
Nandao ta zhen ge xian wo chou-lou, yiding yao xuan ge Pan An bu cheng?
‘Неужели я для нее не привлекателен? Видно, вознамерилась найти себе Пань Аня’ [Chen. 1999. С. 132].

В китайском языке существуют устойчивые обороты, связанные с именем *Пань Ань*: 貌似潘安 *mao si Pan An* ‘быть похожим на Пань Аня’ и 潘安之貌 *Pan An zhi mao* ‘наружность Пань Аня’. В данном примере ПИ *Пань Ань* выполняет роль описания, которая благодаря широчайшей известности и простоте значения данного ПИ может быть выражена одним словом «красавец», хотя возможны и более развернутые описания, например, «(очень) красивый мужчина». Используемое в этом примере ПИ *Пань Ань* фактически является скрытой (сжатой) описанием «очень красивый мужчина», которая возникает в сознании носителя китайского языка при восприятии данного ПИ в подобном высказывании.

ПИ-референции обладают инвариантами восприятия, которые в сознании членов лингвокультурного характера представлены блоком основной информации энциклопедического характера, фактами из жизни референта данного ПИ, благодаря которым его имя и стало широко известным. Другими словами, для данного имени в лингвокультурном сообществе еще не выделился однозначный инвариант восприятия, как у ПИ-дескрипций. Поэтому при упоминании данного имени адресат в первую очередь осознает его только в связи с референтом и лишь в особых случаях, опираясь на контекст, указывающий на конкретный дифференциальный признак или прецедентную ситуацию из жизни референта ПИ, ПИ-референция может быть воспринята как ПИ-дескрипция.

Арсенал прецедентных имен-дескрипций стабилен и достаточно ограничен, фактически закрыт и пополняется медленно, тогда как арсенал ПИ-референций подвижен, склонен к быстрому обновлению, отражает современные ценности через имена современных кумиров и связанных с ними ситуаций.

Если говорить о ПИ, которые являются именами исторических личностей, топонимами, именами персонажей произведений разных видов искусств и наименованиями других важных объектов и ПС китайского культурного пространства, то их общенациональные инварианты восприятия обычно представлены статьями в энциклопедических словарях. Однако в обществе, в сознании китайцев эти инварианты восприятия существуют в виде так называемых национально детерминированных минимизированных представлений (НДМП) (термин Д.Б. Гудкова) об этих референтах прецедентных имен. Причем такие НДМП о ПИ-дескрипциях сложились в определенные фиксированные словесные клише или фразеологизмы, которые сформировали в сознании членов китайского лингвокультурного сообщества четко ограниченное количество значений данных ПИ, что и позволяет данным ПИ регулярно употребляться для характеристики.

Например:

ПИ *Цинь Сянлянь* (秦香莲 Qin Xianglian).

В словаре Чэнь Сяньчунь этому имени дается такое определение:

«Олицетворение женщины, брошенной мужем и терпящей лишения и страдания» [Chen. 1999. С. 87].

Информанты-носители китайского языка вербализуют этот инвариант восприятия ПИ *Цинь Сянлянь* подобными выражениями — развернутыми дескрипциями:

- жена Чэнь Шимэя;
- брошенная жена;
- жена, которую предал муж.

Цинь Сянлянь — один из персонажей народной комедии «Дело об убийстве Мэя» (《铡美案》 “Zha Mei an”). Ее муж *Чэнь Шимэй* после получения степени *чжуаньюаня* (первое из трех почетных званий, которые присваивались отличившимся во время столичных дворцовых экзаменов в феодальном Китае) на государственных экзаменах женился на принцессе, а *Цинь Сянлянь* с детьми бросил

на произвол судьбы. Китайцы сочувствуют *Цинь Сянлянь*, а *Чэнь Шимэй* подвергается сильному общественному порицанию.

Примеры употребления ПИ *Цинь Сянлянь* в современном КД:

据统计, 1982年以前, 每年到县妇联上访的婚姻纠纷案有100多件, 成年上访告状的“秦香莲”有30多名。Ju tongji, 1982 nian yiqian, mei nian dao xian fulian shangfang de hunyin jiufen an you 100 duo jian, cheng nian shangfang gaozhuang de “qin xianglian” you 30 duo ming. ‘Согласно статистике до 1982 г. в уездное отделение федерации женщин за помощью по брачным конфликтам обращалось более 100 человек, из обратившихся с жалобой совершеннолетних граждан более 30 были брошенными женами (букв. *Цинь Сянлянь*)’ [Chen. 1999. С. 87].

“严惩陈世美，为秦香莲伸冤”，曾经是我们妇联维权工作的重要内容之一。“Yan cheng chen shimei, wei qin xianglian shenyuan”, cengjing shi women fulian weiquan gongzuo de zhongyao neirong zhi yi. ‘Строго наказывать чэнь шимэев, помогать цинь сяняньям» — в свое время это было основным содержанием работы нашей федерации женщин в плане защиты прав женщин’ [Там же. С. 87].

丰宁满族自治县并不是秦香莲的故乡，却出了不少“秦香莲”。Fengning manzu zizhi xian bing bu shi Qin Xianglian de guxiang, que chule bu shao “qin xianglian”. ‘Автономный маньчжурский уезд Фэннин вроде бы и не родина Цинь Сянлянь, но, тем не менее, цинь сяняней здесь немало’ [Там же. С. 87].

НДМП о ПИ-референциях обычно соответствуют словам, с которых начинаются статьи, посвященные референтам ПИ в энциклопедиях или в кратких информационных сообщениях средств массовой информации. Если же данные ПИ-референции обладают высокой степенью известности в лингвокультурном сообществе, то НДМП могут быть представлены также устойчивыми словосочетаниями и словесными клише.

Приведем пример ПИ-референции *Цай Лунь*, возраст которого сопоставим с возрастом многих ПИ-дескрипций, и это ПИ, конечно же, приближается к категории ПИ-дескрипций и отличается от них лишь тем, что не способно регулярно употребляться для характеристики, описания других людей. Дело в том, что для данного ПИ с его инвариантом восприятия «изобретатель технологии изготовления бумаги» в современном обществе едва ли регулярно могут возникать ситуации или объекты, которые можно было бы характеризовать с его помощью. В энциклопедическом культурологическом словаре «Люди истории» этому имени посвящена статья, которая начинается следующими двумя предложениями, которые можно считать вербализацией общенационального инварианта восприятия данного имени в китайском лингвокультурном сообществе:

蔡伦 Cai Lun (? — 121年)东汉造纸术发明家。他总结前人经验, 用树皮、麻头、破布、旧渔网等原料经挫、捣、抄、烘等工艺造纸, 称“蔡侯纸”, 对改革和推广造纸术有很大贡献, 后世称其为造纸术的发明者。[He. 2007. С. 68]. Dong Han zaozhishu famingjia. Ta zongjie qianren jingyan, yong shupi, matou, pobu, jiu yuwang deng yuanliao jing cuo, dao, chao, hong deng gongyi zao zhi, cheng “Cai hou zhi”, dui gaige he tuiguang zaozhishu you henda gongxian, houshi cheng qi wei zaozhishu de famingjia. ‘Цай Лунь (?—121 г.) — изобретатель технологии изготовления бумаги, живший в пе-

риод династии Восточная Хань. Обобщив опыт предшественников, он, используя технологию измельчения, отваривания и сушки древесной коры, ветоши, лубяных культур и старых рыболовных сетей, изготавливал бумагу, которую называли «бумагой Цая». Цай Лунь внес большой вклад в дело реформирования и распространения технологии изготовления бумаги, и его стали называть изобретателем технологии изготовления бумаги’.

В оглавлении словаря также представлен, по сути, инвариант восприятия этого ПИ:

造纸术的发明者——蔡伦 Zaozhishu de famingzhe — Cai Lun

‘Изобретатель технологии изготовления бумаги — Цай Лунь’

Китайцы гордятся своими четырьмя изобретениями — бумагой, книгопечатанием, компасом и порохом. Поэтому имя человека, который одно из этих важнейших изобретений человечества закрепил за Китаем технологически и исторически, в том числе самым фактом своей жизнедеятельности, фактически является символом этого важного изобретения. Таким образом, и простое упоминание данного имени в тексте как ПИ-референции всегда однозначно актуализирует в сознании носителя китайского языка факт этого великого изобретения и, следовательно, косвенно характеризует Китай как выдающуюся страну, в которой жил и работал такой выдающийся человек.

ПИ-дескрипция является частью общего фонда фоновых знаний для большинства социализированных членов китайского лингвокультурного сообщества. ПИ-референции, особенно те, которые являются именами современных референтов, часто принадлежат специфическим фоновым знаниям отдельных членов лингвокультурного сообщества, которые не всегда по объему и содержанию совпадают с фоновыми знаниями других членов лингвокультурного сообщества.

ПИ-дескрипции обладают высокой степенью известности, регулярно используются в дискурсе для характеристики и обычно имеют большой возраст. Референты большей части ПИ-референций, соответственно, являются нашими современниками, но и имена исторических деятелей и персонажей произведений искусства древности и ближайших веков в китайскоязычном дискурсе составляют им заметную конкуренцию. Сравним две ПИ-референции, которые по своему потенциалу прецедентности, степени известности приближаются к символам и активно задействованы в современном КД, но их референты принадлежат разным эпохам.

1. ПИ-референция 刘翔 Liu Xiang Лю Сян (историческая личность, современный китайский спортсмен, родился в 1983 г., общенациональный инвариант восприятия: «золотой призёр Олимпиады-2004 в беге на 110 метров с барьерами. Обладатель нового олимпийского рекорда») [3. С. 29].

ПИ-референция Лю Сян активно задействовано в китайскоязычном дискурсе. Приведем два примера рекламных роликов 2008 г. центрального китайского телевидения компании CCTV4 с использованием ПИ Лю Сян.

(1) Диктор говорит:

伊利早餐奶，带您徜徉阳光西藏。(250ML早餐奶，刘翔签名T恤衫) Yili zaocan nai, dai nin changyang yangguang Xizang (250 ML zaocan nai, Liu Xiang qianming Txueshan).

‘Молоко для завтрака [марки] «Или» возьмет тебя с собой в солнечный Тибет’.

Текст на экране в конце ролика:

‘Молоко для завтрака 250 мл. Футболка с автографом Лю Сяна’.

(2) *Диктор говорит:*

想和刘祥一样成为奥运明星? 快参加伊利奥运健康大使选拔, 出使奥运城市, 代言伊利! 60个城市激情进行中。Xiang he Liu Xiang yiyang chengwei Aoyun mingxing? Kuai canjia Yili Aoyun jiankang dashi xuanba, chushi Aoyun chengshi, dayan Yili! 60 ge chengshi jiqing jinxing zhong.

‘Хочешь, как Лю Сян, стать олимпийской звездой? Торопись принять участие в конкурсе на Олимпийского Посла Здоровья, который проводит [молочная компания] «Или» и отправься с миссией в город Олимпиады. Напиши письмо «Или» со своим выступлением! В акции активно участвуют 60 городов’.

Имя Лю Сян в обоих примерах использовано как ПИ-референция. Тем не менее, это ПИ, являясь символом усиления спортивной мощи Китая, и в референтном упоминании способно актуализировать в сознании носителя китайского языка информацию о важных спортивных достижениях страны и осуществить косвенную характеристику Китая как страны, продолжающей неуклонно занимать передовые позиции в мировом спорте.

2. ПИ-референция 范蠡 Fan Li *Фань Ли* (517—448 гг. до н.э.). В словаре «Люди истории» [He. 2007. С. 151] общенациональный инвариант восприятия этого ПИ представлен как «знаменитый политик, военачальник и экономист». Референт этого ПИ в первую очередь знаменит тем, что содействовал юэскому князю Гоу Цзяню свергнуть кабалу победившего его княжества У. Однако после победы над княжеством У Фань Ли понял, что на государственном посту ему оставаться опасно (китайские князья не терпели около себя слишком сильных и умных людей), и покинул княжество Юэ, сменил имя на *Тао Чжу-гун* (陶朱公 Tao Zhugong), занялся торговлей и быстро разбогател.

Примечательно, что именно имя *Тао Чжу-гун*, например, в большом китайско-русском словаре представлено следующей статьей:

陶朱公 táo zhūgōng Тао Чжу-гун (прозвание 范蠡 Фань Ли, знаменитого богача времен Чуньцю; стало нарицательным для богачей) [1. Т. 3. С. 442].

Это же имя используется для обозначения богачей и в средневековой прозе Китая [5. С. 674; 4. С. 386].

Как видно, когда-то это ПИ было нарицательным именем для обозначения богачей, оно использовалось для характеристики и преимущественно применялось в дискурсе как ПИ-дескрипция. Однако в современном КД это ПИ используется преимущественно как ПИ-референция, так как для характеристики обычно не применяется. Зато Тао Чжу-гун (Фань Ли) является прототипом Бога богатства (денег) Цай-шэня (财神 Cai shen), что подтверждает форма презентации статьи о Фань Ли в словаре «Люди истории».

财神 — 范蠡 Cai shen — Fan Li ‘Бог богатства — Фань Ли’ [He. 2007. С. 5].

Что мы имеем в виду, когда говорим, что ПИ-референции древности не уступают по своему статусу и активности в КД ПИ-референциям современности?

Ведь ПИ данного типа не способны регулярно употребляться в языковой коммуникации для характеристики. Но как мы уже неоднократно повторяли, главная специфика семантики ПИ — это способность выступать в качестве культурного знака. В нашем понимании это способность актуализировать исторические и культурные сюжеты. Сюжеты эти или прецедентные ситуации могут быть как реальными, так и вымышленными, зафиксированными в литературе и тиражирующимися в современном КД в разных формах, посредством которых средний представитель китайского лингвокультурного сообщества получает соответствующие разнообразные знания и эмоции. Такими формами могут быть книги, периодические издания, видеопродукция, аудиопродукция, Интернет, сувенирные изделия, памятники, места религиозных отправок и т.п. В случае с ПИ *Фань Ли* примерами его активной актуализации в современном КД можно считать публикацию о его референте статьи в журнале «Слово знатокам» 《百家论坛》 [Baijia luntan zazhi. 2007. С. 10—14], включение имени его референта в словарь [He. 2007. С. 151—153], существование отдельного фильма, посвященного фразеологизму 卧薪尝胆 *wo xin chang dan* ‘разжигать в себе чувство мести’ в электронном сборнике для детей [Zhonghua chengyu 100 ju, видеоиздание] и т.п.

Итак, ПИ независимо от способности или неспособности использоваться для характеристики — это всегда культурный знак, используемый в целях увеличения силы воздействия на получателя информации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. — Т. 1—4. — М., 1983—1984.
- [2] Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
- [3] Китай. Журнал. — 2007. — № 2.
- [4] Удивительные истории нашего времени и древности. Перевод с китайского, послесловие и примечания В.А. Вельгуса и И.Э. Циперович. — М.: Издательство восточной литературы, 1962.
- [5] Циперович И.Э. Жемчужная рубашка: старинные китайские повести / Сост., предисл. И.Э. Циперович. Пер. с кит. и коммент. В.А. Вельгуса и И.Э. Циперович. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999.
- [6] 百家论坛 杂志. 2007年11月下旬刊. 总第62期. Baijia luntan zazhi. 2007 nian 11 yue xiaxun kan. Zong di 62 qi. (журнал «Слово знатокам», ноябрь 2007 г., вып. 62.)
- [7] Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. — 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. Zhongguo wenhuazhong de dianxing renwu yu shijian // Chen Xianchun bianzhu. — Beijing: Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1999 nian. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. — Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999.)
- [8] He Yueqing 历史上的那些人 // 何跃青. — 北京: 地震出版社, 2007年. Lishi shang de naxie ren // He Yueqing. — Beijing: Dizhen chubanshe, 2007 nian (Люди истории // Сост. Хэ Юэцин. — Пекин, 2007.)
- [9] 世界华人名人录 2004年. 总第九期. 世界华文出版社. Shijie huaren mingren lu 2004 nian. Zong di jiu qi. Shijie huawen chubanshe. (Справочник «Знаменитые китайцы мира». Вып. № 9, 2004 г.)

- [10] 中华成语100句. 普通话对白. DVD video 第三辑. 北京电视艺术中心音像出版社. Zhonghua chengyu 100 ju. Putonghua duibai. DVD video di san ji. Beijing dianshi yishu zhongxin yinxiang chubanshe. (100 фразеологизмов чэньюй Китая с дублированием на путунхуа [китайский общенациональный литературный язык], 3-й DVD диск. — Издательство аудио- и видеопродукции Пекинского центра телевизионного искусства.)

STRUCTURAL-SEMANTIC PARTICULARITIES OF THE NAMES-PRECEDENTS IN THE CHINESE DISCOURSE

N.N. Voropaev

Department of the languages of the East and South-East Asia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Bolshoi Kislovskiy Pereulok, 1/12, No 1, Moscow, Russia, 125009

The author suggests according to the real working of the names-precedents in the discourse to differentiate the names-precedents-references and the names-precedents-descriptions.

Key words: names-precedents, structural-semantic, names-precedents-references and the names-precedents-descriptions.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Д.И. Чиркочева

Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ
Северо-Восточный Федеральный университет
ул. Кулаковского, 42, Якутск, Россия, 677016

Статья посвящена проблеме изучения категории принадлежности (КП) в функциональном аспекте.

Ключевые слова: категория принадлежности, аффиксы принадлежности, происхождение аффиксов, изафетная конструкция, способы выражения категории принадлежности, личные местоимения, субъект обладания, множественность.

Несмотря на обширную территорию распространения тюркских языков, КП присуща всем языкам этой группы. Хотя понятие «принадлежность» (П) свойственно носителю любого языка, оно передается в каждом отдельном языке различными способами. Способы выражения КП были определены еще в трудах первых тюркологов А.М. Казембека, О.Н. Бетлингга, С.В. Ястремского, Н.Ф. Катанова, В.В. Радлова и других. В работах по грамматике тюркских языков различают морфологический, синтаксический и смешанный, т.е. синтаксико-морфологический способы выражения КП [1. С. 38—40]. При этом тюркские исследователи придерживаются различных мнений. Одни авторы указывают лишь на два способа, другие же отмечают, что КП образуется 2—3 и даже 4-мя различными путями. В преобладающем большинстве тюркских языков основным способом выражения КП является морфологический способ, который передается с помощью особых морфем, так называемых аффиксов принадлежности (АП), присоединяемых к основе существительного и дифференцирующихся по лицам и обозначающих предметные отношения. При этом лексическое значение соответствующего слова не меняется, т.к. АП рассматривается как словоизменительная форма.

АП были свойственны тюркским языкам еще в глубокой древности. Состав АП в тюркских языках приблизительно одинаковый, и эта общность распространяется также и на якутский язык. Формы П в тюркских языках подразделяются на три группы: 1) АП 1 л. ед. и мн.ч.; 2) АП 2 л. ед. и мн.ч.; 3) АП 3 л. ед. и мн.ч.

АП в тюркских языках имеют тесную связь с формами личных местоимений. Между ними могут существовать взаимоотношения двоякого рода, а именно: либо личные местоимения являются первичными, а АП — производными формами, либо, наоборот, развитие АП предшествовало развитию личных, и последние примкнули к ним впоследствии. Развитие АП из личных местоимений может произойти: 1) путем простого сокращения и редукции звуков; 2) из падежных форм личного местоимения и притом в подавляющем большинстве случаев из форм родительного падежа; 3) из самостоятельной формы слова.

Как известно, вопрос о происхождении АП в тюркских языках до настоящего времени продолжает привлекать внимание лингвистов. Н.К. Дмитриев определил, что «аффиксы 1 и 2 л. ед. и мн. чисел имеют отношение к личным местоимениям,

но восходят к ним через неизвестные нам посредствующие звенья» [2. С. 32]. Э.В. Севортян считал, что «из посессивных аффиксов более ясен по своему составу аффикс 1 лица множественного числа *myz/byz*, восходящий вместе с аффиксами сказуемости того же лица и числа к личным местоимениям *biz/miz*. Происхождение остальных аффиксов принадлежности остается неясным» [1. С. 42]. Идеи местоименного происхождения АП придерживаются А.Н. Кононов, А.М. Щербак, В. Котвич и др. [3. С. 87; 5. С. 98; 4. С. 167].

«Широкое значение П и известное обособление АП 3-го л. является весьма существенными для понимания грамматической природы КП в целом» [6. С. 31]. Итак, что касается происхождения АП 3-го л., то отсутствие внешнего тождества между АП 3-го л. в якутском языке (*-a*, *-ta*) и АП в тюркских языках (*-ы*, *-сы*) явилось причиной того, что вопрос о происхождении аффиксов 3-го л. в якутском и в других языках тюркской группы все еще остается спорным. По этому поводу существуют различные гипотезы, основанием которых стало наличие формы *-сын*, употребляемая в косвенных падежах. Именно превращение в определенной позиции АП 3-го лица, состоящего из одного гласного звука, в аффикс *-сын* способствовало возникновению различных версий о происхождении АП 3-го лица.

В своей работе С.А. Велиев пришел к выводу, что «аффикс принадлежности 3-го лица произошел от местоимения *ол* (*ан*). Элемент *н*, дополнительное употребление которого в различных позициях отмечалось выше, восходит к согласному *л* (*н*), входившему в местоимения *ол* (*он*)» [7. С. 64]. Таким образом, если посмотреть на КП с точки зрения местоименного происхождения АП, то можно утверждать, что выражение КП образовалось не каким-либо одним способом, а носит следы всех трех вышеуказанных путей. Однако выражение КП с помощью аффиксов соответствует первому способу, т.е. АП тюркских языков суть не что иное, как редуцированные, сокращенные личные местоимения. Процессы образования понятия П протекали следующим образом: первоначально понятие личной принадлежности как в якутском, так и в других языках тюркской группы выражалось личными местоимениями: *мин* (*я*), *эн* (*ты*), *биһиги* (*мы*), *эһиги* (*вы*), которые ставились за определяемым и первоначально отдельно от него: *ат* (*конь*) *мин* (*я*) — *ат мин* (*букв. конь я (мой)*). В процессе языкового развития эти личные местоимения в роли определения подверглись сильному влиянию определяемых ими слов, с которыми они сливались, постепенно становясь их аффиксами. Таким образом, они теряли связь с употребляющимися самостоятельно личными местоимениями. В тюркских языках эта связь между личными местоимениями и АП не совсем утрачена и до настоящего времени, хотя сами говорящие уже не ощущают связи с личными местоимениями и АП.

Допуская, что пути образования АП 1 и 2-го лиц в якутском языке типологически близки к образованию подобных аффиксов в других тюркских языках, следует подчеркнуть, что они существенно отличаются от АП других тюркских языков: в форме 1-го л. мн. ч. вместо общетюркского *-быз* употребляется *-быт*, 2-го л. мн. ч., вместо *-сыз* — *5ыт*. Что касается АП 3-го л., можно отметить, что в якутском языке вместо признанного общетюркского *-ы*, *-сы* употребляется *-а*, *-та*, во мн. ч. *-а* присоединяется после *-лар*. Можно предположить, что показатели

3-го л. в якутском языке являются результатом дальнейшего развития общетюркского *-ы, -сы*. В якутском языке АП так же, как и личные местоимения, выражают понятия *мой, твой, его* и т.п. Так, вместо *мин дьиэм* (*мой дом*), употребляется только *дьиэм*, что также означает *мой дом*, причем именно последняя форма встречается более часто как в литературном языке, так и в разговорной речи. Общее грамматическое значение словоформы *дьиэм* (*мой дом*) охарактеризовано посредством АП *-м*, иными словами, якутские АП в различных синтаксических функциях соответствуют по своим смысловым значениям личным местоимениям, иногда лично-возвратным местоимениям.

Итак, КП в якутском языке и в других тюркских языках находит свое непосредственное выражение в АП. Выбор варианта аффикса в пределах каждого числа определяется типом основ слов и их вокальным составом в соответствии с законами гармонии гласных. Так, в ед. ч. при присоединении АП к основам, оканчивающимся на согласные, перед АП вставляется соединительный гласный. Поэтому нетрудно заметить, что АП после основ, оканчивающихся на согласный, имеют по четыре фонетических разновидности.

Лично-притяжательный аффикс 1-го л. ед. ч. в якутском языке имеет два фонетических варианта: после основ, оканчивающихся на гласный, имеет форму *-м*, после основ на согласный *-(ы)м*. Для АП 1-го л. ед.ч. характерно лексическое и фонетическое тождество с личным местоимением в основном падеже того же лица *мин* (*я*), которое в сочетании с именем с АП 1-го л. ед. ч. обозначает понятие *мой*: *мин атым* (*мой конь*). «В зависимости от синтаксической позиции в предложении — атрибутивной, субъектной — личное местоимение *мин* (*я*) характеризуется значением субъекта обладания или грамматического субъекта (говорящего)» [8. С. 19]. *Мин оҕом кэллэ* (*мой ребенок пришел* — *мин* (*мой*)) является определением к слову (определяемому) *оҕо* (*ребенок*). Функциональное значение местоимения *мин* (*мой*) — соотносится со значением соответствующего АП 1-го л. ед. ч. *-м, -(ы)м*. Таким образом, как АП 1-го л. ед.ч. *-м*, так и местоимение *мин* в значении *мой* оказываются в целом взаимосвязанными. В стилистическом плане употребление личного местоимения имеет ограниченный характер. Первое — местоимение *мин* в значении *мой* встречается преимущественно в специализированном применении, в книжной речи, второе — АП в составе слова — в разговорной речи.

АП 2-го л. ед. ч. в семантическом плане соотносительны с личным местоимением в основном падеже того же лица. Как известно, местоимение *эн* (*ты*) — это не только специальный показатель адресата речевого акта, но и выразитель субъекта высказывания. Местоимение *эн* (*ты*) употребляется в паре с *мин* (*я*) в определенных диалогических структурах. А также местоимение *эн* в якутском языке выражает понятие *твой*, выступая в роли определения в предложении. В нижеприведенных примерах местоимение *эн* (*ты*) употребляется в выражении субъекта — говорящего и как компонент диалогической речи. Вторая функция местоимения *эн* — это роль определения *твой* — может быть выражено АП 2-го л. ед. ч. *-ң, -ың* при опущении местоимения *эн* (*ты*) в значении (*твой*): *Эн оҕоң туйгуннук уөрэнэр* (*Твой ребенок учится отлично*). *Оҕоң туйгуннук уөрэнэр* (*Твой ребенок*

учится отлично). Аффикс *-н* выражает понятие *эн* (твой). Он имеет широкое употребление.

АП 1-го л. мн. ч. после любой основы имеет форму *-быт*. Сравнивая АП 1-го л. мн. ч. с личным местоимением того же лица и числа, можно заметить, что они близки по значению. И местоимение, и АП включают в свою семантическую структуру такой компонент, как множественность (М). Для местоимения это означает название не одного лица в его коммуникативной роли, а двух или более. При этом М проявляется менее очевидно, чем в категории числа имен. Но кроме выражения названия лица, местоимение *биһиги* (мы) обозначает определение к определяемому, т.е. понятие П. Аналогичным свойством обладает также АП 1-го л. мн.ч. *-быт*, как и местоимение *биһиги* (мы) в роли определения (*наш*). Эта форма характеризуется значением П. Если в слове *биһиги* в значении *наш* П и М рассматриваются как совокупность, выраженная местоимением *биһиги*, то М и в то же время П именной формы *а5абыт* (*наш отец*) имеет собственно грамматический статус, поскольку он выражается словоизменительным аффиксом *-быт*. Аффикс *-быт* включает в себя также значение местоимения *биһиги* (*наш*), поэтому при опущении местоимения понятие П сохраняется: *Биһиги тиэргэммит ыраас* (*Наш двор чистый*) и *Тиэргэммит ыраас* (*Наш двор чистый*). Это еще раз подтверждает предположение об общности происхождения личных местоимений и АП.

АП 1-го л. мн. ч. и соответствующее ему местоимение *биһиги* в значении «наш» обычно представляется как сочетание мин (я) + эн (ты), мин (я) + кини (он), мин (я) + кинилэр (они), мин (я) + эһиги (вы). В предложении *А5абыт кэллэ* (*Наш отец пришел*) *-быт* может выражать следующие комплексные значения — семантику двойственного числа:

1) мин (мой) и эн (твой), (букв. *отец + мой + твой*);

2) мин (мой) и эһиги (ваш), (букв. *отец + мой + ваш*). Если в первом случае выражается определенность и конкретность субъекта мин (я) + эн (ты), то данное значение предполагает известную неопределенность мин (я) + эһиги (вы);

3) мин (мой) и кини (его). Выражается конкретный субъект (говорящий) и объект речи. Аффикс *-быт* в этом случае выражает совмещенно и говорящего и аффикса 3-го лица, который по представлению говорящего является одновременно и объектом речи, и ее грамматическим субъектом;

4) мин (мой) и кинилэр (их). Речь идет о таком случае, когда говорящий объединяет себя с той или иной группой лиц. Аффикс *-быт* выражает понятие П.

АП 2-го л. мн. ч. имеет форму *-5ыт*. Личное местоимение *эһиги* в значении (*ваш*) и соответствующая форма П 2-го л. мн. ч. характеризуются в отличие от местоимения и аффикса ед. ч. более конкретным значением. В предложении *А5а5ыт кэллэ* (*Пришел ваш отец*) или *Эһиги а5а5ыт кэллэ* (*Пришел ваш отец*) местоимение *эһиги* может выражать: 1) значение эн + эн + эн... (*твой + твой + твой...*); 2) значение эн + кини (*твой + его*); 3) значение эн + кинилэр (*твой + их*). При отсутствии местоимения *эһиги* (*ваш*) это значение передается АП *-5ыт*: *А5а5ыт кэллэ* (*Пришел ваш отец*).

В якутском языке АП 3-го л. ед. ч. после основ на гласный имеет форму *-та*, а при основах с согласным *-а*: *ийэтэ* (*его мать*), *ата* (*его конь*). АП 3-го л. мн. ч. после всех основ имеет форму *-а*, так как он присоединяется к аффиксу М *-лар*: *оҕолоро* (*их дети*), *аттара* (*их кони*). Личное местоимение 3-го л. ед. ч. *кيني* в роли определения приобретает значение *его* (*ее*): *кيني саата* (*его ружье*), *кيني ийэтэ* (*его мать*). АП 3-го л. *-а*, *-та* имеет идентичное с ним значение: *А5ата ханна эрэ барбыта* (*Его отец куда-то ушел*).

Аффиксальный способ КП объединяет две разновидности: во-первых, употребление одного имени с АП; во-вторых, употребление имени с АП и с предвещающим его именем в основном падеже. Первая особенность встречается обычно в 1 и 2-м лицах. Присутствие местоимения здесь необязательно: *Ийэм, бырааттарым туох эрэ диһллэр* (*Что же скажут моя мать, мои братья*). Второй тип П отличается от первого тем, что обычно он служит для выражения терминированных понятий: *саха тыла* (*якутский язык*), *муора кыыла* (*морской зверь*), *остуол оонньуута* (*настольные игры*). На русский язык первый компонент подобных сочетаний переводится прилагательным, а не существительным. Вторым членом выступает притяжательное слово, которое может принять аффиксы падежей. Итак, второй член изафетной конструкции (ИК) (определяемое по принадлежности), обычно выраженный именем существительным, «всегда имеет соответствующий АП, который указывает на лицо и число первого члена конструкции» [8. С. 9]. Отсюда следует, что морфологическая обусловленность функции первого члена ИК в якутском языке выполняют не столько местоимения, сколько притяжательные форманты при существительных, обозначающих предмет обладания. Это подтверждается и тем, что первый член ИК довольно часто опускается. В этом случае единственным показателем лица и числа субъекта обладания является АП второго члена ИК.

Употребление первого члена ИК в роли определения по принадлежности чаще всего диктуется необходимостью особо подчеркнуть П данного предмета какому-то определенному лицу. Опускание первого члена ИК оказывается вполне возможным в тех случаях, когда выражается первый член личными местоимениями 1 и 2-го лица, т.е. их отсутствие компенсируется АП указанных форм. Как уже отмечалось, практически реже встречается опускание первых членов притяжательных словосочетаний, когда они выражаются личными местоимениями 3-го лица. Это объясняется тем, что ИК с АП 3-го лица в предложении может быть несколько, и при отсутствии первого компонента допустима непонятность употребления притяжательной формы. Основную роль в выражении лица и числа субъекта обладания играют лично-притяжательные аффиксы, а не первый член конструкции. Для того, чтобы правильно понять природу КП как морфологической категории, прежде всего следует определить характер выражаемого им значения. В основном под значением П понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет непосредственное отношение к другому или является его органической частью.

Таким образом, при рассмотрении способов и средств выражения КП следует учитывать следующие обстоятельства: 1) грамматический статус данного способа

(морфологический, синтаксический); 2) широкую распространенность в языке; 3) какими частями речи он выражается. В ИК если АП является обязательным элементом, то его лексический эквивалент выступает в качестве факультативного компонента. Казалось бы, ИК характерны в любых условиях, однако это не всегда имеет место, поскольку они выражают определенность. Следует отметить, что в якутском языке ИК, являясь одним из основных средств выражения определенности, функционируют активно, например, при обозначении им терминов родства, части тела и т.п. Так, значение принадлежности представляет собой конкретную реализацию данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Севортян Э.В.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- [2] *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- [3] *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л., 1960.
- [4] *Котвич В.* Исследования по алтайским языкам. — М., 1962.
- [5] *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов 10—13 вв. из восточного Туркестана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- [6] *Иванов С.Н.* К истолкованию категории принадлежности // Советская тюркология. — 1973. — № 1. — С. 26—32.
- [7] *Велиев С.А.* К истории образования аффикса принадлежности 3 лица // Советская тюркология. — 1985. — № 6. — С. 57—64.
- [8] *Ефремов Н.Н.* Полупредикативные конструкции в якутском языке: структурно-семантическое описание. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998.

THE CATEGORY OF POSSESSIVITY IN THE YAKUT LANGUAGE

D.I. Chirkoeva

The faculty of the Yakut language
The Institute of languages and cultures
of the North-East peoples in the Russian Federation
North-Eastern Federal University
Kulakovskogo str., 204-42, Yakutsk, Russia, 677016

The article is concerned with the research of the category of possessivity in the functional aspect.

Key words: the category of possessivity, possessive affixes, origin of affixes, possessive construction, means of expression of the category of possessivity, personal pronouns, possession subject, multiplicity.

НАШИ АВТОРЫ

Егорова Людмила Алексеевна — к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков № 4 ИИЯ РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru; тел. 434-20-12)

Бунаева Наталья Андреевна — аспирантка кафедры американистики Иркутского государственного лингвистического университета (e-mail: islu@islu.irk.ru; тел: 20-03-61)

Исмаилова Зайнаб Ибрагимовна — аспирантка Учреждения академии РАН института востоковедения РАН (e-mail: inf@ivran.ru; тел: 621-18-84)

Ларина Татьяна Владимировна — д.ф.н., доцент (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru; тел. 434-20-12)

Пономаренко Елена Борисовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4 ИИЯ РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru; тел. 434-20-12)

Озюменко Владимир Иванович — к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков юридического факультета РУДН (e-mail: atabekoff@rambler.ru, тел: 434-27-12)

Махмуд Ашрафи Рад — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы РУДН (e-mail: kafedra_fl_rudn@mail.ru; тел. 433-70-22)

Мамедов Артур Нарманович — к.ф.н., доцент кафедры западноевропейских языков и методики их преподавания факультета славянской и западной филологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: www.mpgu.edu; тел. 438-18-59).

Нгуен Тху Хыонг — аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета РУДН (e-mail: ryamp@yandex.ru; тел. 434-07-45)

Овчинникова Алла Владиславовна — аспирантка кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: tranquillitas@gmail.ru; тел. (499) 114-29-69)

Яшина Елена Александровна — к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков Мичуринского государственного аграрного университета (e-mail: yashinka@inbox.ru, тел.: 8-47545-2-36-24)

Ивашкевич Ирина Николаевна — к.ф.н., доцент кафедры английского языка гуманитарных специальностей ф-та международных отношений Белорусского государственного университета (e-mail: humanity@bsu.by; тел: (375) 17-284-00)

Савина Татьяна Валерьевна — аспирант кафедры германской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета (e-mail: ilimkmgou@gmail.com; тел.: 780-09-41)

Журавлева Елизавета Вольдемаровна — к.ф.н. кафедра испанского языка факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета (e-mail: www.mpgu.edu; тел.: 438-18-59)

Гуров Андрей Николаевич — заместитель начальника кафедры романских языков факультета иностранных языков и зарубежной военной информации Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (e-mail: gurovan@inbox.ru; тел: 299-61-60)

Пацюкова Ольга Алексеевна — к.ф.н., доцент, кафедра русского языка Нижегородского государственного университета (e-mail: olalpa@mail.ru, ru, тел.: (831) 460-75-25)

Чиркочева Диана Ивановна — к.ф.н., доцент кафедры якутского языка Северо-Восточного Федерального университета, института языков и культуры народов Северо-Востока РФ (e-mail: dalbaraj@yahoo.com, тел: 8 (499) 147-53-62)

Воропаев Николай Николаевич — редактор-переводчик Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН (e-mail: tianyu@mail.ru, www.vokitai.ru тел: 691-34-48)

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

Серия
ЛИНГВИСТИКА

2011, № 2

Зав. редакцией *Т.О. Сергеева*
Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-20-12
e-mail: vestnik_rudn@mail.ru

Подписано в печать 21.06.2011. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New RomanPS».
Усл. печ. л. 15,35. Тираж 500 экз. Заказ № 730

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел. 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
LINGUISTICS

2011, N 2

Managing editor *T.O. Sergeeva*

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16

Address of the editorial board

Series «Linguistics»:

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12
e-mail: vestnik_rudn@mail.ru

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952-04-41

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Лингвистика»

Количество
комплектов:

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

36436

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Лингвистика»

Стои- мость	подписки	руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ____ коп.	

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

ВЕСТНИК РУДН

Серия

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия

Стои- мость	подписки	руб. ____ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ____ коп.	

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
